

ЧЕ (Бур)

В406

28466

Академия наук СССР
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
БУРЯТСКИЙ ФИЛИАЛ

ИНСТИТУТ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК

ВЗАИМОВЛИЯНИЕ ЯЗЫКОВ В БУРЯТИИ

УЛАИ-УДЭ 1978

Академия наук СССР
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
БУРЯТСКИЙ ФИЛИАЛ
Институт общественных наук

28466 -
М
1981
1985

ВЗАИМОВЛИЯНИЕ
ЯЗЫКОВ
В БУРЯТИИ

Библиотека Калмыцкого НИИ

УЛАН-УДЭ 1978

В сборнике разбираются вопросы о роли языка в социалистическом обществе, о контактировании бурятского языка с русским и эвенкийскими языками, о влиянии бурятского языка на язык своих соседей — русских. Кроме того, имеются статьи о тибетизмах в бурятском языке и о топонимике края.

Сборник рассчитан на языковедов-монголоведов, аспирантов, учителей-филологов, студентов и работников культурного фронта Бурятской и Калмыцкой автономных республик.

Редакционная коллегия:
Ц. Б. Будаев, М. Д. Симонов,
Л. Д. Шагдаров (отв. редактор)

Д. Д. Лубсанов

РОЛЬ ЯЗЫКА В СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Язык является практическим, действительно существующим сознанием. Сознание человека, его мировоззрение, социальные и психологические установки выражаются в языке, точнее в реальной речи. Отсюда роль языка в формировании подлинно научного мировоззрения у членов общества, в приобщении его к высотам советской и мировой культуры очень велика. Социальная роль языка как мощного средства общения, познания и управления поведением масс особенно усиливается в XX веке. В социалистическом обществе язык используется в интересах развития субъекта существования языка — народа. Поэтому изучение языка, практическое овладение им становится одним из важнейших факторов развития человека.

После Великой Октябрьской социалистической революции особое внимание стало уделяться научному исследованию многочисленных языков нашей страны, сознательному вмешательству в процессы его развития с целью все большего его усовершенствования.

Основатель Коммунистической партии и советского государства В. И. Ленин также обращал внимание на философское осмысление роли языка в человеческом обществе, на судьбу языков народов в многонациональном государстве. Мы находим у него целую систему взглядов на язык, высказанных в разное время в различных статьях, заметках, документах и письмах. Эти взгляды и легли в основу языковой политики, успешно осуществляемой в нашем многонациональном государстве более полувека.

В. И. Ленин считал язык важнейшим средством человеческого общения и провозглашал полную свободу и равноправие всех национальных языков, подчеркивал необходимость создания условий для их беспрепятственного развития. «Демократическое государство, — писал он, — безусловно должно признать *полную свободу* родных языков и отвергнуть *всякие* привилегии одного из языков»¹.

Коммунистическая партия неуклонно обеспечивает свободное развитие языков всех народов СССР, полную свободу для каждого гражданина СССР говорить, воспитывать и обучать своих детей на любом языке, не допуская никаких привилегий, ограничений или принуждений в употреблении тех или иных языков. В условиях братской дружбы и взаимного доверия народов национальные языки развиваются на основе равноправия и взаимообогащения. Одним из наглядных примеров осуществления ленинской национальной политики в области языкового строительства является развитие бурятского языка в советский период.

Языковая ситуация в дореволюционной Бурятии характеризовалась сильной раздробленностью народно-разговорного языка, обусловленной отсутствием тесных экономических, политических и культурных связей между его носителями. Отсутствовал единый письменный язык.

Великая Октябрьская революция, освободив бурятский народ от векового рабства, открыла перед ним широкие возможности всестороннего развития. Много было сделано, в частности, в области языкового строительства: создание нового литературного языка на основе сначала латинской, а затем русской графики; выбор в качестве опорного диалекта литературного языка одного из ведущих диалектов самого бурятского языка; организация преподавания на родном языке в бурятских школах и бурятских отделениях вузов; систематическое издание во все увеличивающемся объеме художественной, общественно-политической, учебной и научно-популярной литературы и развитие периодической печати на родном языке; использование бурятского литературного языка в развитии национального искусства и в качестве мощного средства пропаганды и агитации.

Поскольку сознание человека формируется в неразрывной связи с усвоением языка, содержательной стороне литературных языков — лексике и фразеологии — в советский период уделяется очень серьезное внимание.

В результате наблюдавшихся в 20 — начале 30 годов пурнистических тенденций в бурятском языке появилось множество гро-

моздких, иногда не точных по смыслу терминов, обозначавших социально-политические, философские и другие абстрактные понятия и категории: *нэйигэм джирум* (социализм, букв. общественный порядок), *эб хамту* (коммунизм, букв. дружба), *гүн ухаган* (философия, букв. глубокий ум), *сэдхэлын чанарга* (абстрактный, букв. относящийся к другому качеству), *махабуд-ун тогосу* (атом, букв. пыль элемента), *цакилган-у тогосу* (электрон, букв. пыль молнии).

Впоследствии эти и другие неточные термины, передающие часто искаженное представление об окружающем мире, были заменены интернациональными словами.

В целом словарный запас бурятского языка в советский период пополнился большим количеством новых слов и терминов, как заимствованных, так и оригинальных, свидетельствующих о коренном изменении культуры и быта бурятского народа, об огромном расширении кругозора отсталого в прошлом степняка-бурята. В связи с этим неизмеримо повысились точность и полнота отражения бурятским языком окружающей действительности.

Ввиду важности роли родного языка как фактора формирования и развития сознания, проблема создания общедоступного литературного языка и проблема овладения им в советскую эпоху всегда рассматривалась как важная политическая проблема.

Бурное развитие общества, культуры, изменения экономического и политического положения носителей бурятского языка обусловили существенное расширение социальных функций бурятского литературного языка; превращение последнего в высшую форму — общенациональный язык. Если до революции старописьменный монгольский язык функционировал в основном в области делопроизводства и в религиозной практике, то в после-революционный период в бурятском литературном языке на первый план выдвигаются функции общественно-политического, образовательного и художественного воспитания народа. Появились совершенно новые сферы применения родного языка — радио, телевидение, театр, кино.

В старомонгольском языке графическая система была сложной, в нем действовали архаические правила письма, затрудняющие его изучение. После революции графика, орфография и пунктуация бурятского литературного языка стали максимально простыми, ясными и легко доступными для массового изучения.

Благодаря реформе бурятского письма, проведенной в 1936 го-

ду, и ориентации на хоринский диалект, звуки и грамматические формы, а также словарь, присущие языку большинства бурят, составили основу нового литературного языка. Переход с латинизированного алфавита на русскую графическую основу в 1939 году позволил значительно усовершенствовать и в то же время упростить графику, создать вполне стабильные и удобные для усвоения правила правописания.

В советский период интенсивно разрабатывались проблемы бурятского языка. Изданы капитальные грамматики, в которых исследуются звуковой строй, морфология и синтаксис бурятского языка, созданы фундаментальные двуязычные словари. Довольно большой круг лингвистов изучает разнообразные аспекты бурятского языка. Многочисленный отряд языковедов преподает бурятский язык в школах. Все больше внимания уделяется повышению культуры бурятской речи.

Чем шире общественные функции языка, тем шире возможности разностороннего воздействия общества на человека посредством языка. Не подлежит сомнению факт огромной роли воздействия художественной литературы на родном языке на формирование марксистского мировоззрения, моральных и эстетических принципов у членов общества.

Функция бурятского языка как языка художественной литературы сложилась в основном в советское время. С каждым годом пополняются ряды бурятских писателей. При этом очень важно, что писателями становятся не только носители восточно-бурятских, но и многих других говоров — западнобурятских и южнобурятских. Выходцы из разных частей этнографической Бурятии лучше знают местные условия, обычаи, умело вводят в свою речь и речи персонажей диалектизмы, способствуя тем самым обогащению и стандартизации литературного языка. У том, что художественная литература на бурятском языке становится все более популярной среди народа, свидетельствует увеличение продукции художественной литературы на бурятском языке, усиление контакта писателей, поэтов с читателями. Они часто выезжают в сельские районы, где проводят вечера бурятской поэзии и прозы, обсуждают с читателями свои произведения, лучше узнают их запросы и желания.

Огромная роль в формировании коммунистического сознания у трудящихся принадлежит периодической печати, передачам по радио и телевидению на родном языке. Наиболее популярной является республиканская газета «Бурят унэн», которая в декабре 1971 года отметила свой полувековой юбилей и заслуженно

удостоилась высокой правительственной награды — ордена Трудового Красного Знамени. Коллектив редакции постоянно борется за то, чтобы сделать язык газеты общедоступным, шире привлекать богатые выразительные возможности бурятского языка, устранять случаи буквального перевода. Из года в год увеличивается число сельских и рабочих корреспондентов газеты. Особо следует отметить действенность влияния на слушателей выступлений самих тружеников села по радио и телевидению с рассказом о своих производственных делах. В их выступлениях во всей своей колоритности предстает живая народно-разговорная речь, которую выступающие стараются строить по правилам литературного языка.

Выраженную в языке мысль можно оценить с разных сторон. Во-первых, ее можно оценить с точки зрения ее адекватности действительности. Во-вторых, мысль можно рассматривать в отношении к людям, в отношении того, насколько она понятна им, в какой форме более всего воздействует на них. Поэтому в настоящий период совершенствуются формы выражения мысли, отбираются наиболее выразительные средства и стилистические варианты.

Таким образом, современный бурятский язык, как язык бурятской социалистической нации, сложился и развился лишь благодаря победе Великой Октябрьской социалистической революции.

Общественные функции бурятского языка довольно обширны. На родном языке буряты говорят в семье, на производстве, учатся в школах, читают книги, газеты, журналы, слушают радио и телевизионные передачи, выступают на собраниях и совещаниях, ведут частную переписку. На бурятском языке выходит художественная, общественно-политическая и сельскохозяйственная литература (оригинальная и переводная), выступают артисты профессиональных и народных театров, участники художественной самодеятельности.

Об общественных функциях бурятского литературного языка, о языке периодической печати и переводов, о художественной и сценической речи, о преподавании бурятского языка подробно говорилось на научно-координационной конференции языковедов, состоявшейся в г. Улан-Удэ в августе 1963 года².

В настоящее время происходит интенсивный процесс нивелировки бурятских говоров. Интеграции бурятского языка способствуют распространение литературного языка среди народа по разнообразным и мощным каналам (школа, средства массовой коммуникации, спектакли и концерты, книги и газеты, лекции

и беседы на родном языке); увеличение притока молодежи после окончания средней школы в колхозы и совхозы; усиление взаимного общения носителей разных диалектов; отход в пассивный запас словаря целых пластов слов, отражавших раньше различия в жизненном укладе носителей диалектов и т. д.

Бурятский язык обслуживает бурятское население нашей республики, Читинской и Иркутской областей РСФСР. Общая численность бурят в Советском Союзе — 315 тыс. человек. По данным Всесоюзной переписи населения 1970 года, бурятский язык считают родным 92,6% бурят, проживающих в нашей стране. Анкетное обследование, проведенное А. Р. Бадмаевым в ряде районов республики, показало, что большинство бурятского населения нуждается в родном языке³.

При проведении культурно-массовой и агитационно-пропагандистской работы следует дифференцированно подходить к разным группам населения, важно правильно выбирать рабочий язык. В тех группах, которые владеют русским языком не хуже, чем родным, эту работу следует проводить на русском языке, а среди тех, кто не овладел русским языком в достаточной степени, у кого наблюдается неполное двуязычие, работу предпочтительнее вести на родном языке.

Нельзя забывать, что бурятский язык существует и развивается не изолированно. Он как фактор и орудие материализации сознания растет и совершенствуется вместе с ним, испытывает на себе влияние меняющейся действительности и влияние других языков, прежде всего русского языка, в условиях интенсивной интернационализации всей общественной жизни при социализме.

В Советском Союзе, как известно, проживает свыше 130 наций и народностей. Более половины населения нашей страны составляют русские, 12 национальностей насчитывают от 10 до 1 млн. человек, 11 — от 1 млн. до 500 тыс., остальные — менее 500 тыс. человек каждая.

Совершенно очевидно, что в таких условиях невозможно обойтись без средств межнационального общения. Таким средством в нашей стране является русский язык, ставший могучим орудием взаимосвязи и сплочения советских народов, средством приобретения к лучшим достижениям отечественной и мировой культуры. Поэтому в программе КПСС отмечено, что «происходящий в жизни процесс добровольного изучения, наряду с родным языком, русского языка имеет положительное значение»⁴. Великий русский язык стал вторым родным языком для народов нашей страны, в том числе и для бурятского народа, мощным орудием

познания и преобразования действительности, выражения мыслей и чувств многих народов мира, стал языком межнационального общения, дружбы, сотрудничества народов, одним из признаков новой, исторической, интернациональной общности людей — советского народа.

В условиях двуязычия и хорошего знания русского языка меняются функции языков. Отдельные функции, например, бурятского языка закономерно передаются русскому языку, сокращается необходимость в устных и печатных переводах, корректируются пропагандистские роли языков в зависимости от того, кому они адресуются.

С точки зрения степени владения русским языком наблюдается два вида бурятско-русского двуязычия — полное и неполное. А. А. Дарбеева указывает, что полностью двуязычна преимущественно бурятская интеллигенция, которая свободно владеет русским литературным языком в его устной и письменной формах. Однако у основной массы бурят наблюдается неполный вид двуязычия, под которым понимается владение неродным языком в форме его бытовой, часто диалектной разговорной речи. Это относится не только к сельским жителям, но и к городским, переехавшим в города из сел и деревень. Читая газеты, слушая радио, лекции, просматривая кинофильмы, они вполне понимают русский литературный язык, но в совершенстве им еще не владеют⁵.

В условиях распространения массового двуязычия отдельные функции, выполнявшиеся раньше бурятским языком, должны быть переданы русскому языку, ибо этого требует жизнь, требуют сами носители языка. В частности, многие родители высказывают пожелание обучать своих детей с первого класса на русском языке. Нам кажется, что с учетом интересов и желания граждан и в целях дальнейшего прогресса вполне можно там, где созрели условия, переводить школы на русский язык обучения, сохраняя при этом родной язык в качестве одного из предметов обучения.

В советский период в Бурятии издано очень много переводной литературы. Однако по мере того, как местное коренное население все лучше овладевает русским языком, переводная литература становится менее популярной. В дальнейшем, на наш взгляд, будет уменьшаться значение переводных изданий — научной, политической, специально-отраслевой литературы. Учащиеся и студенты предпочитают пользоваться учебниками на русском языке. Колхозники, рабочие, служащие политическую и специаль-

но-отраслевую литературу также изучают преимущественно на русском языке.

В конце 20-х — начале 30-х годов было издано очень много журналов и газет на бурятском языке. Но постепенно число их сокращалось, ибо распространение двуязычия дало возможность многим людям получать основную информацию из газет и журналов, издающихся на русском языке. В связи с этим в дальнейшем, по-видимому, отпадет необходимость в дублировании на бурятском языке районных газет и журналов.

Таким образом, совершенно очевидно, что в условиях двуязычия необходимо, во-первых, учитывать функциональное взаимодействие языков и степень усвоения русского языка, которое идет разными темпами у разных групп населения; во-вторых, исходить из учета возраста, пола, социальной принадлежности, профессии, образования, степени смешанности населения по национальным признакам, удаленности от городов и районных центров. Неправомерно, по нашему мнению, навсегда закреплять те или иные общественные функции за каким-либо языком.

Языковеды еще недостаточно исследовали двуязычие, а также процесс взаимообогащения языков, который на современном этапе приобрел чрезвычайно большую актуальность.

Очень важно изучать положительные стороны двуязычия в разных аспектах. Известно, что выдающийся русский советский лингвист академик Л. В. Щерба, изучавший двуязычие, отмечал, что оно повышает возможности человека в познании окружающей действительности, в развитии его способностей. В этой связи чрезвычайную актуальность приобретает развитие в нашей стране многоязычия, особенно массовое изучение западноевропейских языков, помогающих в полной мере овладеть достижениями мировой культуры.

Необходимо в более широких масштабах исследовать процесс взаимодействия и сближения языков, роль русского языка в этом процессе. Интенсивное влияние русского языка на языки народов СССР является основным фактором их сближения. В результате сближения языков создается общий фонд интернациональной лексики, исконные слова и термины языков сближаются по структуре своих значений, создается общий фонд неологизмов, калькированных слов и выражений, в частности, в языках народов Сибири. По схожим принципам создается и унифицируется терминология, разрабатываются правила правописания, много общего появляется в грамматике. Все эти реальные языковые процессы требуют более детального изучения,

которое будет способствовать снятию языковых барьеров, дальнейшему общению и сближению народов, развитию их сознания и культуры.

¹В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 25, с. 71—72.

²См.: «Развитие литературных языков народов Сибири в советскую эпоху». Улан-Удэ, Бурят. кн. изд-во, 1965; Л. Д. Шагдаров. Бурятский язык. — «Закономерности развития литературных языков народов СССР в советскую эпоху». М., «Наука», 1969; А. А. Дарбеева. Развитие общественных функций монгольских языков в советскую эпоху. М., «Наука», 1969 и другие.

³Об анкетировании, проведенном А. Р. Бадмаевым, см.: В. А. Аврорин. Роль родных языков в массовой работе. — «Вопросы преодоления пережитков прошлого и становления новых обычаев и традиций», вып. 1. Улан-Удэ, Бурят. кн. изд-во, 1968, с. 73—74.

⁴«Программа Коммунистической партии Советского Союза». М., 1971, с. 115.

⁵См.: А. А. Дарбеева. Развитие общественных функций монгольских языков в советскую эпоху. М., «Наука», 1969, с. 137.

СБЛИЖЕНИЕ БУРЯТСКОГО ЯЗЫКА С ДРУГИМИ ЯЗЫКАМИ НАРОДОВ СССР

Одним из характерных процессов развития советского общества в настоящее время является все большее сближение социалистических наций и народностей нашей страны. Это объективная закономерность. В. И. Ленин указывал, что «вся хозяйственная, политическая и духовная жизнь человечества все более интернационализируется уже при капитализме. Социализм целиком интернационализирует ее»¹.

Процесс сближения происходит и в языках народов СССР. Практика бурного развития этих языков в советскую эпоху показала, что ни один язык в многонациональном государстве не может развиваться плодотворно, если он отгораживается непроницаемой стеной от языков других наций.

Общность хозяйственной, общественно-политической и культурной жизни, идеологии и мировоззрения у всех народов нашей страны обуславливает возникновение некоторых общих закономерностей и явлений в области лексики, семантики, фразеологии, синтаксиса и стилистики в языках народов СССР.

Сближению языков способствует то обстоятельство, что в советском обществе стало возможным управлять языковыми процессами. Такое управление осуществляется посредством языковой политики. Как известно, к настоящему времени более 50 языков превратились в литературные. У всех у них очень много общего. Как само формирование литературно-письменных разновидностей национальных языков, так и наиболее важные явления этого процесса, как-то: выбор опорного диалекта литературного языка², выбор и разработка графики и алфавитов, создание

правил орфографии и пунктуации, выработка терминологии, пресечение пуристических тенденций и сознательный курс на интернационализацию при поощрении оригинального словотворчества на исконной основе как главного пути обогащения языков, пресечение чрезмерного увлечения иноязычными заимствованиями, отбрасывание архаичных элементов, устранение ножиц между орфографией и произношением, сближение литературного языка с народно-разговорным — все это было осуществлено на основе коллективного обсуждения, в результате выбора наиболее оптимального варианта в целях успешного развития этих языков. Регулирование языковых процессов со стороны общества, сознательное управление ими сыграли немалую роль в том, что в структурном и функциональном развитии языков нашей страны появилось очень много общего, сходного. В нашей стране происходит не просто сближение языков, а сближение, сопровождаемое их дальнейшим развитием и взаимообогащением.

Следует особо подчеркнуть, что важнейшим и главным средством взаимообогащения языков народов у нас выступает русский язык, ставший языком межнационального общения.

Как известно, в нашей стране происходит интенсивное распространение русско-национального двуязычия. Оно является одним из важнейших условий широкого и глубокого воздействия русского языка на языки народов СССР и на этой основе их сближения между собой.

Взаимодействие языков происходило и до революции. Например, представители некоторых народностей Сибири: эвенки, тувинцы, тофалары — овладевали тем бурятским диалектом, с носителями которого они контактировали. Такой тип двуязычия (за исключением бурятско-татарского) ныне перестал развиваться, так как знание теми и другими языка межнационального общения делает это излишним.

Таким образом, сближение языков народов СССР в настоящее время происходит в большинстве случаев не в результате непосредственного взаимодействия их между собой, а главным образом благодаря мощному влиянию русского языка на все языки нашей страны, особенно младописьменные и бесписьменные языки. Обратное влияние данных языков на русский язык не является столь значительным, как влияние последнего на них. Касаясь этого вопроса, Ю. Д. Дешериев пишет: «Совершенно очевидно, что русский язык и, скажем, чеченский не могут в одинаковой мере влиять друг на друга. Ясно, что влияние русского языка на чеченский не идет ни в какое сравнение с влиянием

чеченского на русский (если вообще можно говорить о таком влиянии). Воздействие грузинского языка на бацбийский очень велико, тогда как трудно говорить о воздействии бацбийского на грузинский. Мы не имеем оснований утверждать о сколько-нибудь существенном взаимовлиянии литовского и азербайджанского или аварского и хантыйского литературного языков»³.

Общие явления и соответствия в бурятском и других языках нашей страны, обусловленные воздействием на них русского языка, а также общностью жизни в условиях одной социалистической страны, наблюдаются на всех уровнях языка, но более всего в лексике.

Известно, что в большинстве языков советских народов 70--80% новых общественно-политических, учебно-педагогических, научно-технических и других терминов составляют заимствования из русского языка и через него из других языков. В бурятском и других языках к ним относятся:

1) терминология общественно-политической жизни: партия, комсомол, социализм, коммунизм, пролетариат, политика, политический, совет, советский;

2) терминология общественных и естественно-технических наук, в том числе: а) философские термины — материализм, диалектика, идеализм, метафизика; б) экономические — базис, капитал, товар; в) юридические — нота, кодекс, меморандум; г) литературоведческие: литература, поэзия, лирика, проза, драма, комедия, трагедия; д) лингвистические — грамматика, фонетика, морфология, синтаксис, фонема, морфема, глагол, наречие; е) физические — ядро, реактор, атом, электрон, протон, нейтрон; ё) химические — химия, химикат, кислород, водород, азот, аммиак, йод; ж) математические — арифметика, алгебра, геометрия, тригонометрия, синус, косинус; з) биологические — анатомия, физиология, белок, бацилла, вакцина; и) медицинские — ангина, дизентерия, диабет, грипп, инфаркт, аспирин, коденн, сульфадимезин, иорсульфазол;

3) промышленная терминология: станок, токарь, цех, автоматическая линия, гудрон, мазут, парафин;

4) сельскохозяйственная терминология: отара, ферма, хлев, сакман, поле, горох, кукуруза, помидор, груша;

5) термины транспорта и связи: трамвай, троллейбус, автобус, машина, поезд, почта, индекс;

6) военная терминология: сержант, лейтенант, генерал, взвод, рота, дивизия, винтовка, миномет, танк, ракета;

7) спортивная терминология: волейбол, бокс, хоккей, футбол,

вратарь;

8) музыкальная терминология: баркарола, интермеццо, канцона, каватина, альт, мандолина, виолончель, скрипка, баян;

9) названия предприятий, государственных учреждений, учебных заведений: завод, фабрика, комбинат, сельсовет, районо, институт, университет, училище, техникум;

10) названия профессий: машинист, шофер, тракторист, комбайнер, механик, летчик, космонавт, монтер, электрик, счетовод, бухгалтер;

11) названия единиц измерения расстояния и веса: метр, километр, грамм, килограмм, центнер, тонна;

12) названия месяцев, дней недели, временных отрезков: январь, февраль, март, понедельник, вторник, среда, секунда, минута;

13) названия топонимики, этнонимики и ономастики: Москва, Свердловск, Урал, Сибирь, Душанбе, Тбилиси, карел, белорус, калмык, якут, поляк, Николай, Татьяна, Федор⁴;

14) названия предметов домашнего быта: уют, мыло, щетка, порошок, холодильник, телевизор;

15) сокращенные названия: колхоз, совхоз, партком, КПСС, СССР, РСФСР.

На основе приведенных слов создается общий лексический фонд языков народов СССР, содержащий многие тысячи слов. Основу фонда составляют интернациональные слова, восходящие к греческому, латинскому и другим языкам. Общий лексический фонд находится в процессе дальнейшего расширения и развития.

В век научно-технической революции увеличивается количество специальных терминов, особенно в русском языке. Новые реалии порождают в национальных языках новые слова-заимствования. Последние годы в связи с огромными достижениями нашей страны в области космических исследований появилось множество заимствованных терминов, относящихся к космосу. В связи с этим проф. Ю. Д. Дешериев пишет: «Первый искусственный спутник земли запустил Советский Союз. Русское слово **спутник** заимствовали многие зарубежные языки. Но это слово было переведено на некоторые языки народов СССР, причем далеко не всегда удачно. Так, в бурятском хэмэл одон «искусственная звезда», в таджикском кхамари маснуи «искусственная луна» и т. д.

Подобные факты не способствуют образованию общего лексического фонда в языках народов СССР»⁵.

Известно, что в русском языке слово «спутник» — многозначно: 1) товарищ в пути, попутчик (Мои спутники в пути);

2) перен. то, что сопутствует чему-нибудь (Постоянный голод — спутник нищеты); 3) небесное тело, обращающееся вокруг планеты (Луна — спутник земли); 4) город, расположенный в пригородной зоне большого города.

В настоящее время новое значение «искусственный спутник» стало центральным значением слова, окруженного особым возвышенным ореолом. Оно широко употребляется в речи в разных переносных значениях. Русское слово «спутник» стало явлением повседневной речи двуязычного бурята. Нам кажется, что наряду с *хэмэл одон*, которое прочно вошло в язык, следует параллельно употреблять в некоторых жанрах и «спутник», что уже наблюдается в речевой практике. В значении «естественный спутник планеты» лучше употреблять слово *дахуул*: Гара — газарай дахуул (Луна — спутник Земли); Юпитерэй дахуулнууд (Спутники Юпитера).

В общий лексический фонд входят не только слова из русского и других западноевропейских языков, но слова и термины из языков народов СССР: украинские — хутор, вареники, дивчина, хлопец, Полтавщина; тюркские — арык, чайхата, кетмень, кишлак, аул, аксакал, саксаул, пиала, паранджа, изюм, инжир, алыча, урюк, кунжут, архар, джейран, сайга, мирза, аллах, кизяк, арба, плов, бешбармак, манты, кумыс, арака, айран; финно-угорские — камбала, карбас, палтус, салака, семга, сиг сорога, таймень, хариус, нерпа, пельмени; молдавские — кошара, брынза, цигейка.

Общей закономерностью является то, что все эти и подобные им слова национальных языков сначала проникают в русский язык, а затем распространяются во всех остальных языках нашей страны. Как указывают А. Т. Базиев и М. И. Исаев, «...основные процессы взаимообогащения языков народов СССР приобретают, если можно так сказать, «централизованный» характер. Это значит, что из ограниченных, локальных эти процессы становятся неограниченными благодаря посредству русского языка. Если раньше речь могла идти в основном о взаимообогащении языков соседних народов, то теперь богатства многочисленных языков, попадая в русский, могут быть далее усвоены другими языками»⁶.

Сближению языков народов СССР способствует и тот факт, что многие из них являются родственными между собой, составляя большие языковые семьи. Часть наиболее древнего слоя лексики монгольских языков является общей для других языков алтайской группы, в особенности для тюркских и в меньшей

мере — для тунгусо-маньчжурских. Бурятские слова *хара* (черный), *шара* (желтый), *ан* (зверь), *адуун* (лошадь, табун), *буха* (бык), *бол-* (быть, сделаться), *хада-* (вбивать) и другие имеют одинаковые корневые элементы в других алтайских языках. Вероятно, из тюркских языков заимствованы слова *уг* (происхождение), *ураг* (родственник), *отог* (шалаш), *хударга* (подхвостник), *хүмэлдэргэ* (нагрудный ремень), *бурантаг* (повод для верблюда), *үхэг* (низенький шкаф), *тэбэнэ* (большая игла), *таяг* (костыль), *хоймог* (кушанье из арцы и молока), *тэрлиг* (летний халат), *бугааг* (браслет)⁷. Бурятский язык имеет много общих слов с тюркскими языками Сибири, в которых наблюдалось многовековое влияние монгольского и бурятского языков. В последнем есть множество слов, проникших из тюркских и тунгусо-маньчжурских языков Сибири: *сааж* (коса), *сордон* (щука), *хиш* (сухой навоз), *зээгэн* (росомаха), *жэрхи* (бурундук), *оро* (домашний олень), *халтагай* (половина), *этээр* (олень-производитель), *даспаан* (оленья самка до двух лет)⁸.

В алтайских языках имеется много одинаковых заимствований из восточных языков — арабского, старомонгольского, санскритского, тибетского, уйгурского и т. д. После революции многие слова из этого разряда были заменены интернационализмами. Так, в татарском языке термины *иныйлаб*, *жомпурият*, *фирка*⁹ соответственно заменены интернационализмами *революция*, *республика*, *партия*. Последние заменили в бурятском языке старомонгольские *хубисхал*, *улас*, *нам*. Это, конечно, не значит, что в языках народов нашей страны заменяются все заимствования из восточных языков. Большинство этих слов прочно вошло в язык. Например, в бурятском языке множество слов и выражений, созданных на базе старомонгольского языка, составило возвышенно-приподнятый слой словарного состава литературного языка. Последние годы бурятский язык интенсивно взаимодействует с монгольским языком, в результате чего в бурятском языке все чаще стали употребляться слова и выражения из монгольского языка.

Благодаря новейшим заимствованиям, особенно из русского языка, преодолевается неуклюжесть, «многоэтажность», сложность терминов, собственных имен и географических названий. Во многих языках параллельно употребляются некоторые заимствованные и оригинальные термины: кирг. *нация* и *миллат*, бур. *наци* и *үндэнэ яһатан* (нация), кирг. *национализаци* и *мамлекет-тештирру*, бур. *национализаци* и *гүрэнэй мэдэлдэ оруулга* (национализация).

Для многих языков и народов СССР общими являются наиболее распространенные способы обогащения словарного состава на

основе исконного материала:

1) слово получает новое значение: кирг. *тамыр* — корень (растения), новое значение — корень (матем.); бур. *үндэһэн* — корень (растения), новое значение — корень (матем. и лингв.), чув. *юхам* — течение (реки), новое значение — общественное течение;

2) образование неологизмов посредством аффиксального способа словообразования: татар. *эш-че*, бур. *хүдэлмэри-шэн* — рабочий, татар. *эш-сез-лек*, бур. *хүдэлмэри-гүй-дэлгэ* — безработица;

3) калькирование основ: чув. *хисеп хами*, бур. *хүндэлэлэй самбар* — доска почета; чув. *хёрлө кетес*, бур. *улаан булан* — красный уголок.

Общие явления в языках народов СССР наблюдаются в области синтаксиса. Особенностью многих восточных языков было то, что в них доминировали глагольные словосочетания. В советское время значительное распространение получили именные и другие типы словосочетаний. Употребительные ранее словосочетания расширили объем своих значений. Так, определительные словосочетания стали употребляться для выражения принадлежности социальных категорий и явлений определенным коллективам, тогда как раньше в них главное слово обозначало конкретное лицо, которому принадлежит или относится предмет: уйг. *синпи күрәш*, бур. *ангийн тэмсэл* (классовая борьба); кирг. *майда буржуазия*, бур. *жэжэ буржуази* (мелкая буржуазия); кирг. *шайлоо комиссиясы*, бур. *хунгуулин комисси* (избирательная комиссия).

Во многих языках в послеоктябрьский период значительное развитие получили различные типы односоставных предложений, не известных народно-разговорным языкам. Назывные предложения: башк. *Кыш. Польша кышы...* — Зима. Зима польская... (Д. Юлтый); бур. *Аяар дээрэ наран. Ангама халуун. Нюдэ алдама тала* — Высоко над головой солнце. Нестерпимая жара. Степь без края и конца (Н. Дамдинов); безличные инфинитивные предложения: чечен. *Къыхъегаман эвсаралла 1,4 процента лакхаяккха(н)* — Повысить производительность труда на 1,4 процента; башк. *Картуф һәм йәшелсә етештереүзе арттырырга*, бур. *Хартаабха болон оwoцын ургаса дээшэлүүлхэ* — Повысить производство картофеля и овощей (заголовок газетной статьи).

В языках народов СССР появились вводные слова с одинаковым значением: туркм. *биринжиден*, бур. *нэгэдэхээр* (во-первых), туркм. *икинжиден*, бур. *хоёрдохёр* (во-вторых), туркм. *бир*

тарандан, бур. *нэгэ талаһаа* (с одной стороны).

Четко стали выделяться придаточные предложения. Многие из них заимствуют из русского языка формы некоторых построений сложноподчиненных предложений: удм. *Куасьмымтэ турынэз зуродэ тырыны уг яра, потому что зуродын со пöсьяны кутске но сисьме* (Невысохшее сено нельзя скирдовать, потому что в стогах оно горит и гниет).

Сближение языков нашей страны в области звукового строя проявляется в следующем.

1. Ряд языков, особенно младописьменных, заимствует из русского языка определенные звуки, передаваемые соответствующими буквами — в, ф, ц, ч, щ, х, к и другими. В результате прямых заимствований звуков стали четко противопоставляться фонемы б — в, ф — в, п — б, ч — ш, к — х: баия — Ваня (собств. имя). Утверждению отсутствующих фонем и звуков в национальных языках способствовало наличие сходных оттенков в исконных звуках.

2. В языках образуются новые фонетические закономерности. В частности, до революции заимствованные слова видоизменялись в соответствии с нормами заимствующего языка: чув. *пёрене*, бур. *бүрэмноо*, *бүримноо* (бревно); туркм. *бедре*, бур. *бидруу* (ведро); чечен. *оърси*, кумык. *урус*, дарг. *урус*, осет. *уырыссаг*, бур. *ород*, *орос* (русский). В результате распространения двуязычия многие народы усвоили русскую артикуляцию, благодаря чему сильная фонетическая адаптация заимствованных слов прекратилась. В настоящее время формы заимствованных слов, восходящие к народно-разговорной речи дореволюционного периода, постепенно вытесняются новыми формами, близкими к русскому литературному языку: в. кирг. *болко* употребляется *булка*, в. бур. *паабриха*, *паабриг*, чечен. *пабрик(а)* — фабрика.

До революции и в первые десятилетия после революции во многих языках в начале слов не употреблялись звуки р, к, ж, л, н: бараб. татар. *ырышцак* (рычаг), бур. *араама* (рама), *оръеон* (район), чечен. *чино* (кино), кабард.-черк. *ч/альхоз*, бур. *холхоос* (колхоз), бараб. татар. *шурнал* (журнал), *ылапка* (лавка).

В настоящее время в большинстве языков стало нормой употребление указанных звуков в начале слов: *республика*, *роман*, *район*, *кино*, *журнал* и т. д.

Раньше многие языки не знали стечения согласных в начале и конце слов: бараб. татар. *ыстакан*, бур. *астахаан* (стакан), бараб. татар. *тирипуна*, бур. *тэрьбүүнэ* (трибуна), бараб. татар. *устолба*, бур. *остоолбо* (столб).

В настоящее время все эти сочетания согласных вполне усвоены.

Значительные изменения происходят в составе слогов. Появление сочетаний согласных в начале или конце слога значительно увеличило количество типов слогов: ста-кан, сту-дент, бри-га-дир.

Графические системы большинства языков народов СССР построены на основе русского алфавита. В основу национальных алфавитов положен фонемный принцип, то есть буква обозначает фонему со всеми ее оттенками и вариантами.

Заемствованные интернациональные и русские слова пишутся в основном по правилам русской орфографии, что оказывает известное влияние и на их произношение. Даже старые заимствования типа *баня*, *стол*, *шкаф*, благодаря двуязычию и новым правилам орфографии, стали произноситься так, как они написаны. Поэтому наблюдающаяся в отдельных случаях тенденция национализировать заимствования¹⁰ не находит поддержки ни у специалистов, ни у широкой общественности.

Расширение общего лексического фонда и увеличение заимствований из русского языка способствуют ослаблению закона гармонии гласных. Нередко в составе одного слова, особенно заимствованного, наблюдается употребление гласных переднего и заднего рядов.

Правила пунктуации в большинстве языков страны установились по европейскому типу, главным образом по русскому образцу. Как известно, в старых письменных языках (арабский, старомонгольский) не существовало ни заглавных букв, ни развитой системы знаков препинания.

Общие явления в языках наблюдаются в области морфологии. В частности, увеличивается объем значений падежей, в них развиваются абстрактные значения. Чаще стало употребляться множественное число.

Массовое двуязычие ведет к тому, что повседневная разговорная речь носителя национального языка насыщается все большим количеством заимствований, главным образом в области лексики и фразеологии.

Характерно, что в повседневном разговорном языке мало прививаются новолитературные оригинальные слова. Это, по-видимому, объясняется прежде всего двуязычием. Ввиду этого в разговорном бурятском языке употребляется очень много заимствованных элементов, к которым в литературном языке в подавляющем большинстве случаев имеются эквиваленты. Например, в разговорном языке скорее скажут *эхэ знанитай хүн* (человек с боль-

шими знаниями), а в литературном языке слово «знание» переводится словами *мэдэсэ, эрдэм мэдэсэ*.

Вторая характерная черта использования заимствований в бурятском разговорном языке — это то, что в нем в большом количестве употребляются целые словосочетания. В языковом сознании эти сочетания уподобляются отдельным словам, приобретая в силу своего повседневного и массового употребления цельность в структурно-смысловом отношении. Поэтому разговорный язык заимствует даже такие словосочетания, структура которых находится в противоречии с законами бурятского языка. В частности, в заимствованных словосочетаниях определение может находиться после определяемого. Сочетание в целом уподобляется одному слову и к нему присоединяются падежные окончания. Примеры: *Энэ плащ дом торговлиһоо абааб* (Этот плащ я купил в Доме торговли), *Доржо Москвада, Институт международных отношенидэ һурана* (Доржи учится в Москве, в Институте международных отношений). Подобные же факты наблюдаются и в других языках народов СССР. Например, в коми-язьвинском диалекте: *Сөвещание бригадиров колособрат* (Совещание бригадиров надо созвать)¹¹.

Сказанное выше об особенностях заимствований подкрепим фактами, распределив материал по тематическим группам¹². В разговорном языке в постоянном употреблении находятся следующие названия и номинативные словосочетания.

1. Названия продуктов питания и блюд: разливной молоко¹³, топлёно молоко, свежэ творог, сливкэ, сметана, ряженка, кефир, ветчинэ колбаса, отдельнэ колбаса, копчено, полукопчено колбаса, сахар-песок, кусковой сахар, суп харчо, суп крестьянска, молочно суп, суп с фрикадельками, баранина в бульоне, пээрвэ, второй, трети блюдэ, холодно закуска, мясной салат, овощной салат, селёдко в масле, маринованна рыба, заливной рыба, полу-сухой вино, таежно пивэ, кипяток.

2. Названия одежды, ее частей: демисезонно пальто, полупальто, утепленно гутал, полуботинка, плетенко, босоножко, туфля на платформе, кедэ, спецодежда, постельнэ белье, пододеяльник, наволочка, пелёнко, вышивкэ.

3. Названия болезней, лекарств; названия, относящиеся к лечению и обслуживанию больных: грипп, насморк, гастрит, грыжэ, осложнение на почве гриппа, катар, катаракта, киста, зоб, астма, давлени, приступ, скорс помощь, приёмно покой, дежурна врач, передача, обход, перевязка, укол, анализ крови.

4. Названия, относящиеся к почтовым операциям, связи:

посылка, бандероль, заказной бэшэг, наложено платеж, денежнэ перевод, телеграфна перевод, срочно телеграмма, молни, перевод, переговорно пункт.

5. Названия, относящиеся к делопроизводству, бухгалтерским операциям и оплате труда: расписка, доверенность, заявлени, выписка из протокола, аванс, текуще счет, денежнэ документ, поручени, безналична расчет, зарплаад, полтора ставка, трудодень, начислени, подоходно налог, налог за бездетность, норма выработка.

6. Названия, относящиеся к школе, учебе: вступительна экзамен, проходной балл, предмет, отличник, пеэрвэ семестр, выпускник, выпускной вечер, заочник, классна руководитель, истори, ново истори, древне истори, история средних веков, русскэ язык, родной язык, английска язык, аттестат зрелости, зачет, практика, вызов.

7. Названия, относящиеся к обозначению родственных, дружеских и иных отношений: папа, мама, бабушка, дедушкэ, дядя, тѣти, супруга, подруга, напарник.

8. Названия учреждений, предприятий, учебных заведений: сельсовет, райком парти, райком комсомол, обком парти, обком профсоюза работников культуры, министерство здравоохранени, мниистерство культуры, Оперно театр, Русска драмтеатр, Кирпичнэ завод, Тонкосуконно комбинат, Стекольно завод, Завод мостовых конструкций, Пединститут, Сельхозинститут, Высшее техническое училище имени Баумана, Институт востоковедени, Институт языкознани, Институт русского языка.

9. Названия профессий, рода занятий, должностей: управляющи, главна механик, учетчик, счетовод, плановик, зампредседателя (зампред), каменщик, фрезеровщик, шлифовщик, ветеран войны, домохозяйка, первэ секретарь, секретарь по идеологии, министр сельского хозяйства, зав. отделом культуры, замминистра.

10. Названия, относящиеся к спорту: первэ разряд, мастер спорта, нападающи, защитник, гол, нокаут, нокдаун, болельщик.

11. Названия, относящиеся к отдыху, праздникам: демонстраци, вечер, складчина, компани, тост, отпускник, дом отдыха, послеродовой отпуск, режим.

12. Названия, относящиеся к поощрениям, наградам: преми, дополнительна оплата, тринадцата зарплата, орден Отечественной войны 1-й степени, медаль «За отвагу», почетно грамота, трижды герой.

13. Юридические термины и названия: закон, приговор, нака-

зани, уголовно дело, лагерь строгого режима, касащи, обжаловани, предупреждени, строго выговор, выговор с занесением в личное дело, жалоба.

14. Названия, относящиеся к собраниям, агитации и пропаганде: доклад, выступлени, голосовани, выдвигени, довыбор, агитаци, пропаганда.

15. Сельскохозяйственные термины: откормочно совхоз, зимовко, зерносушилка, зернопогрузчик, глубоко вспашка, калиброванна орошон.

16. Технические и промышленные термины: заменитель, инструмент, камнедробилка, вытяжной шкаф, шагаючи экскаватор, выключатель.

В разговорной речи слова с абстрактным значением, особенно отглагольные существительные, употребляются в заимствованном виде: терпени, чутье, реакци, сеисаци, требовани, атмосферэ, намёк, волокита, воля, воображени, память, впечатлени, попытка, замашка, заняти, заплыв, заезд, запрос, заслуга, защита, стиркэ, встречэ, кризис, безработица, территориальна претензи.

В большом количестве употребляются прилагательные по всем разрядам: активна, пассивна, встречнэ, задорно, задушевнэ, бессовестно, нахальна, порядочна, приличиэ, развязна, сознательна, списанна, пробивной, нормальна, рассеянна, близорука, дальнорозорко, безопасна (бритвэ), бесплатна.

Если в литературном языке заимствованные глаголы почти не употребляются, то в разговорном языке их встречается очень много. В диалектах они оформляются по-разному (например, *здавалха, здавайха, сдавайдлаха*). Почти во всех младописьменных языках образовались сложные глагольные формы, состоящие из русского инфинитива и своего вспомогательного глагола: чечен. *организовать дан* (организовать), *электрифицировать дан* (электрифицировать), удм. *агитировать карыны* (агитировать), *авансировать карыны* (авансировать), *бинтовать карыны* (бинтовать), *договориться кариськыны* (договориться). Иногда вместо инфинитива употребляется существительное, от которого образован русский инфинитив: авар. *агитация гьабизе* (агитировать), *мобилизация гьабизо* (мобилизовать), лезг. *агитация тухун* (агитировать), осет. *агитаци кагънын* (агитировать)¹⁴. Такие формы образовались и в бурятском языке, причем в качестве вспомогательного глагола выступает слово *болохо* (сделаться, становиться), а при существительных глагол *хэхэ* (делать): *договориться болохо* (договориться), *агитаци хэхэ* (агитировать).

В разговорном языке наиболее часто встречаются следующие заимствованные глаголы: агитировалха, воздержаться болохо, возиться болохо, возмущаться болохо, возражалха, волноваться болохо, восстановиться болохо, выдвинуться болохо, выкрутиться болохо, выписаться болохо, выписывалха, глушилхэ, голосовалха, договориться болохо, дорабатывать болохо, дурачиться болохо, жаловаться болохо, завалилха, заварилха, заверилхэ, заводицха, завязать болохо, загибалха, загорать болохо, заедалха, зажимать болохо, закрепить болохо, закусить болохо, заливать болохо, замешалха, змять болохо, занижалха, запереться болохо, запивалха, записаться болохо, заправлялха, заработолха, зарегистрироваться болохо, заселялха, засекал болохо, заслужилха, застраховалха, засчитать болохо, засыпаться болохо, зачислялха, защищаться болохо, злоупотреблять болохо, злорадствовать болохо, избегалха, издавалха, инструктировать болохо, использовать болохо, исполнялха, капалха, накрывалха, начислялха, обдуть болохо, обмывалха, обслуживалха, обсчиталха, обтираться болохо, окучивать болохо, ориентироваться болохо, пасовалха, переживалха, проветривалха, прогуляться болохо, простудиться болохо, раздеваться болохо, разбаловать болохо, рекомендовалха, сосредоточиться болохо, списалха, спорилхо, терпилхэ, тормозилхо, уволиться болохо, унижаться болохо, хлопоталха, экономилхо и др.

Эти глаголы, как правило, в бурятском языке не имеют прямых соответствий, эквивалентных им как по смыслу, так и по эмоционально-экспрессивной окраске. Поэтому в литературном языке для выражения соответствующих понятий широко используется спаривание глаголов, а также описательные переводы. Например: Москва прощается с А. А. Гречко — Москва А. А. Гречкые *hүүлшинхиеэ харан хахасажа байна* («Бурят унэн», 1976, 30 апреля).

Из других частей речи в разговорном языке употребляются: наречия — навалом, совсем, все же, как-нибудь, все-таки; частицы — неужели, как-никак; союзы — а, но, потому что и другие.

Кроме отдельных слов, в разговорном языке весьма употребительными становятся заимствованные фразеологизмы, выступающие в качестве различных членов предложения:

сказуемого: *Нүхэр, энэшни совсем бага* — капля в море (Это совсем мало — капля в море); *Шамайе тэрэш шүүгүүжэ* — смотри в оба (Как бы он у тебя не выиграл — смотри в оба);

обстоятельства: *Эндэи как рыба в воде байлиб дна* (Здесь я чувствую себя как рыба в воде); *На ночь глядя хайшаа ошохотнай гээшэб* (Куда пойдете на ночь глядя), *Нуужа по душам хөөрэлдэе* (Посидим, поговорим по душам);

дополнения: *Энэ стара волкһоо һурая* (Спросим у этого старого волка); *Первэ встречнэдэ үгэхэ* (Отдаст первому встречному); *Все ходы выходы мэдэхэ* (Знает все ходы и выходы).

Широкое проникновение русских заимствований в разговорную речь наблюдается не только в бурятском языке. Так, З. Т. Фрайко пишет: «На Украине можно встретиться с речью, которую нельзя назвать ни украинской, ни русской. Чаще всего это речь, в которой русская лексика оформлена по фонетическим и морфологическим нормам украинского языка. Это может быть и речь, где русские и украинские языковые элементы сплелись стихийно в единое целое чаще всего при украинской фонетической основе. Такую речь принято называть суржи́ком, т. е. своеобразным речевым макаронизмом, по-разному реализованным у отдельных речевых индивидуумов»¹⁵.

Т. А. Бертагаев приводит примеры: *Би поездһоо нэгэ бахтай опоздайлаальбя. Мүнөө яахабиб* (Я совсем немного опоздал на поезд. Что теперь делать?), *Я на поезд нэгэ бахтай опоздал, мүнөө что делать-то?* Далее, Т. А. Бертагаев пишет: «Такие случаи некоторые выступавшие здесь товарищи без колебания относят к двуязычным. Между тем это типичный макаронический стиль языка. Ср., например: *Би поездһоо нэгэ бахтай һүүлтэйб*. А что теперь мне делать? Все же такой текст представляется мне двуязычным»¹⁶. «У нас зачастую говорят на какой-то «смеси» русского языка с хакасским. Я, например, был свидетелем одного такого разговора. Один говорит: «Мы тебя давно ждали». Второй отвечает: «Дома минин делов». Я подумал, что этот разговор в какой-то степени характеризует двуязычие»¹⁷, — свидетельствует Д. И. Чанков. Речь, в которой русские слова оформляются в предложении с помощью грамматических средств татарского языка (например, *Значит, книгаларыңны пачкать итмәссе бульшэ?*), Л. Т. Махмутова называет «двуязычным жаргоном»¹⁸.

Многие языковеды полагают, что такой смешанный тип речи — явление спорадическое и преходящее, что он исчезнет, когда широкие массы будут полностью приобщены к литературному языку, когда будет поднята культура их речи. Иам кажется, что этот тезис является ошибочным, что в условиях все большего распространения двуязычия в разговорной речи будут прививаться не оригинальные новолитературные слова, а во все большей степени — заимствования. Это обусловлено еще и тем, что раз-

говорные языки функционируют в условиях отсутствия нормализующего влияния со стороны общества, то есть стихийно. Среди многочисленных разговорных заимствований — слов, фразеологизмов, терминологических словосочетаний, синтаксических моделей — есть, конечно, и такие явления, которые еще не освоены большинством носителей бурятского языка. Но едва ли можно надеяться, что некоторые из них не выдержат испытания временем и отпадут. Напротив, все они больше будут укрепляться, приобретая черты нормы, узуса. Таким образом, на основе взаимодействия бурятского и русского языков образуется качественно новый разговорный язык. Это явление нельзя рассматривать как смешение, слияние бурятского языка с русским или как скрещение, ибо полностью сохраняется грамматическая специфика бурятского и других разговорных языков, которой в настоящее время принадлежит ведущее место в их развитии.

¹В. И. Ленин. Поли. собр. соч., т. 23, с. 318.

²В качестве основы литературного языка выбирались те диалекты, которые имеют максимальное количество общих элементов с другими диалектами данного языка.

³Ю. Д. Дешериев. Закономерности развития и взаимодействия языков в советском обществе. М., «Наука», 1966, с. 111—112.

⁴Основную массу антропонимов у западных бурят до революции составляли русские имена, у восточных — тибетские. После революции русские имена широко распространились и у восточных бурят.

⁵Ю. Д. Дешериев. Указ. соч., с. 160.

⁶А. А. Вазиев, М. И. Исаев. Язык и нация. М., «Наука», 1973, с. 164.

⁷См.: Ц. Б. Будаев. Лексика бурятских говоров в сравнительно-историческом освещении. Улан-Удэ, 1976, рукопись.

⁸См.: там же.

⁹Фактический материал этой статьи по тюркским и другим языкам народов СССР извлечен из следующих обобщающих трудов: «Языки народов СССР», т. I—V. М., «Наука», 1966—1968; «Закономерности развития литературных языков народов СССР в советскую эпоху (тюркские, финно-угорские и монгольские языки)». М., «Наука», 1969; «Закономерности развития литературных языков народов СССР в советскую эпоху (иранские и кавказские языки)». М., «Наука», 1969; «Вопросы развития литературных языков народов СССР в советскую эпоху». Алма-Ата, 1964; «Развитие литературных языков народов Сибири в советскую эпоху». Улан-Удэ, Бурят. кн. изд-во, 1965; Ю. Д. Дешериев. Закономерности развития и взаимодействия языков в советском обществе. М., «Наука», 1966 и другие.

¹⁰В некоторых языках рекомендовалось, например, такие написания: *бартыбыл* (портфель), *бирикээс* (приказ), *бородукусуйа* (продукция), *курууппа* (группа), *ыстатыйа* (статья).

¹¹См.: Ю. Д. Дешериев. Указ. соч., с. 209.

¹²Материал собран главным образом среди жителей городов, райцентров и больших населенных пунктов и частично у сельчан.

¹³Разговорные заимствования перестали подвергаться чрезмерным звуковым модификациям, поэтому они даются здесь в привычной форме, без обозначения долгих гласных.

¹⁴См.: Ю. Д. Дешериев. Указ. соч., с. 209.

¹⁵З. Т. Франко. Влияние русского языка на украинский язык. — «Взаимодействие и взаимообогащение языков народов СССР». М., «Наука», 1969, с. 127.

¹⁶Т. А. Бертагаев. К вопросу о взаимовлиянии языков (О монголизмах и двуязычии). — «Взаимодействие и взаимообогащение языков народов СССР». М., «Наука», 1969, с. 125.

¹⁷«Развитие литературных языков народов Сибири в советскую эпоху». Улан-Удэ, 1965, с. 202.

¹⁸«Взаимодействие и взаимообогащение языков народов СССР». М., «Наука», 1969, с. 141.

СОВРЕМЕННАЯ ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ В БУРЯТИИ

До революции языковая ситуация в Бурятии характеризовалась наличием многочисленных диалектов и говоров, выступавших в качестве единственного средства общения для большинства бурят. Единый разговорный язык еще не успел сложиться, так как разложение первобытнообщинного строя у основных бурятских племен начинается лишь с XVII века. И хотя после образования к концу XVII—XVIII веков бурятской народности племенные различия в основном стерлись, диалектные особенности продолжали сохраняться. Наряду со своим диалектом некоторые буряты, главным образом из социальной верхушки, владели в Восточной Бурятии старомонгольским языком, а в Западной — русским (последний в небольшой степени был распространен и в Восточной Бурятии).

До Октябрьской революции бурятский народ в подавляющей своей части был неграмотным, а уровень развития его материального производства и духовной культуры крайне низким. Поэтому неудивительно, что основные сферы общественной жизни обслуживались бурятским языком на уровне диалектов и говоров. За годы Советской власти, благодаря бескорыстной братской помощи русского и других народов нашей страны, Бурятия из отсталой окраины царской России превратилась в цветущую социалистическую республику. Разобщенный в условиях феодализма бурятский народ сложился в единую социалистическую нацию. Необычайно усложнились условия коммуникации в новом бурятском обществе, что повлекло за собой большие изменения в языковой ситуации.

Устно-диалектная форма языка уже не могла удовлетворить разнообразным потребностям коммуникации. Поэтому за годы Советской власти на основе народно-разговорного языка был создан бурятский литературный язык, который получил особенно быстрое развитие в 30-е годы после перевода письменности со старомонгольской графики на латинизированный алфавит и ориентации на собственно бурятские диалекты (сначала южно-селенгинский, а затем хоринский).

В период латинизации литературный бурятский язык получил массовое распространение. На нем интенсивно стала издаваться оригинальная художественная литература, периодическая печать, преимущественно переводная учебная, общественно-политическая и научно-популярная литература. С большим успехом начал ставить спектакли на родном языке Бурятский драматический театр. Бурного роста достигла художественная самодеятельность, особенно в связи с подготовкой к декаде бурятского искусства, которая состоялась в 1940 году в Москве. В ней приняло участие около 300 самодеятельных артистов. На бурятском языке, главным образом в сельских местностях, проводились собрания, читались лекции и доклады, в некоторых аймаках и республиканских учреждениях велось делопроизводство. В начале 30-х годов на двух языках стало вестись радиовещание. Было осуществлено всеобщее начальное обучение, полностью коренизировано преподавание в бурятской школе. Как отмечает В. А. Аврорин, «... коренной перелом в характере и темпах культурного развития у большинства народов СССР произошел в конце 20-х—начале 30-х годов в связи с созданием письменности на родных языках упомянутых выше народов и получением ею всенародного признания и распространения. Это была подлинная культурная революция, которая пробудила не только интерес к знаниям, но и политическую активность и небывалый трудовой энтузиазм широчайших масс населения, дав людям почувствовать себя настоящими людьми, полноправными и активными строителями нового, социалистического общества»¹.

Именно в этот период бурятский язык в своей литературной и разговорной разновидностях сыграл основную роль в просвещении отсталого в прошлом бурятского народа, в приобщении его к достижениям мировой культуры. В это время сфера его применения была наиболее широкой и он являлся для бурят основным коммуникативным средством. Родная грамота дала бурятскому народу реальную возможность овладеть в короткие сроки

основами знаний и приобщиться к творческой работе в области художественной литературы, журналистики, искусства.

В последующие годы, особенно в послевоенные, бурятский литературный язык продолжал развиваться и достиг своей зрелости к концу 60-х годов². Заметных успехов добилась художественная литература и периодическая печать, интенсивно развивалась общественно-политическая, учебная и научно-популярная литература. Большая работа была проведена по научной разработке нормативных канонов литературного языка.

В то же время практика языкового строительства в Бурятии в эти годы показала, что некоторые общественные функции, присущие литературным языкам крупных народов, в бурятском развиваться не могут. В частности, оказалось нецелесообразным использовать бурятский язык в научных исследованиях, для преподавания в старших классах средней школы и в вузах, для делопроизводства или массовых мероприятий в многонациональной аудитории.

Характеризуя современную языковую ситуацию, сложившуюся в Бурятии, Ц. Б. Цыдендамбаев пишет: «Отдавая должное современному литературному бурятскому языку, было бы непростительно проходить мимо того явного факта, что этот язык при своем функционировании встретился с таким мощным явлением, как массовое двуязычие бурят, на почве которого должна была расширяться и расширилась сфера употребления литературного русского языка. Сказанное коснулось весьма существенной части языкового действия: у литературного бурятского языка почти целиком отпала начавшаяся было функция делового его применения, в результате чего роль официально-делового языка в Бурятии фактически выполняет литературный русский язык. Более того, двуязычие в Бурятии развивается в пользу второго, то есть русского, языка во всей сфере употребления не только литературного, но и разговорного бурятского языка»³.

В лингвистической литературе неоднократно предпринимались попытки классификации языков народов СССР с точки зрения их роли, функций и перспектив развития. По этой классификации наиболее перспективными, обладающими максимально широкими общественными функциями, являются литературные языки союзных республик (украинский, белорусский, грузинский и другие), затем литературные языки автономных республик и областей, имеющие уже меньшие перспективы развития. К последним относится и бурятский язык.

В. А. Аврорин дал критический разбор этой, как он выражается, «административной» классификации и указал на целую серию

факторов, по-разному стимулирующих функциональное развитие языка и порождающих ту или иную языковую ситуацию⁴.

Несомненно, форма национально-государственной автономии имеет очень важное значение, так как языки союзных республик, действительно, обладают, как правило, намного большими общественными функциями, чем языки автономных республик и областей. Однако, как убедительно показал В. А. Аврорин, «прямой корреляции между формой государственного устройства народа и уровнем функционального развития языка не существует»⁵. В самом деле, в нашей стране в союзные республики были выделены наиболее крупные народы, имевшие в прошлом свою государственность и в отдельных случаях развитые национальные языки. Именно поэтому языки данных народов имеют и сейчас самую широкую сферу применения, прежде всего в деловой жизни. Буряты же относятся к малым народностям. В прошлом они никогда не имели своей государственности. Поэтому форма государственного устройства у них представлена в виде автономной республики и национальных округов, при которых развитие некоторых функций национального языка оказывается нецелесообразным по чисто практическим соображениям.

Большое влияние на языковую ситуацию оказывает территориальная компактность народа и его численность. По переписи 1970 года, в Советском Союзе бурят насчитывалось 314 671 человек, в том числе 312 847 (99,4%) — на территории РСФСР⁶. Из них в Бурятской АССР проживает 178 660 человек (56,8%), в Иркутской области — 73 336 (23,3%), в Читинской области — 51 629 (16,4%), в Якутской АССР — 2 126 (0,7%), в Красноярском крае — 821 (0,3%), в Москве и городских поселениях, подчиненных Московскому горсовету, — 815 (0,3%).

Ни в одном административном подразделении, кроме Агинского Бурятского национального округа, буряты не составляют большинства населения, хотя внутри каждого из них во многих населенных пунктах они живут компактными группами. В Бурятской АССР проживает 812 251 человек, из них 178 660 человек — буряты, 596 960 — русские, 10 769 — украинцы, 9991 — татары, 2336 — белорусы, 2090 — евреи, 1745 — народности Севера, Сибири и Дальнего Востока, 9700 человек — другие национальности; в Иркутской области — 73 336 бурят, в том числе 48 302 — в Усть-Ордынском Бурятском национальном округе. Общее население этого округа составляет 146 412 человек, из них 86 020 русских, 5 692 татарина, 3 075 украинцев, 872 белоруса и 2 451 человек других национальностей.

В Читинской области насчитывается 51 629 бурят, в том числе 33 117 — в Агинском Бурятском национальном округе. Всего в названном округе проживает 65 768 человек, из них русских — 28 966, татар — 1 053, украинцев — 788, башкир — 385, белорусов — 324, чувашей — 234, из народностей Севера, Сибири и Дальнего Востока — 182 (из них 177 — эвенков), других национальностей — 719 человек.

Одним из факторов, влияющих на языковую ситуацию, является культурный уровень данного народа. Что касается бурят, то они в течение веков контактировали с другими народами. Это, несомненно, оказало на них большое влияние. Как известно, до революции восточные буряты имели тесные контакты с родственными им в генетическом отношении монголами. Результатом этого явилось распространение среди них с конца XVII века старомонгольского письменного языка, который довольно широко использовался восточными бурятами вплоть до 30-х годов нашего столетия. Буряты являются единственным народом в Сибири, имеющим такие самобытные памятники литературы, как летописи, исторические хроники, родословные. Наличие у них определенных литературных традиций на старомонгольском языке облегчило создание нового литературного языка на собственно бурятской основе и обусловило его ориентацию на восточное наречие бурятского языка.

Западные буряты в течение трех веков имели более тесные контакты с русскими. Поэтому еще до революции наблюдалось весьма сильное русское влияние на их хозяйство, культуру и духовную жизнь. Именно в то время среди них начало развиваться двуязычие. Это последнее обстоятельство, а также старомонгольское влияние на новый литературный язык, совершенно неизвестное в западном диалекте, явились основными причинами, почему литературный язык не привился в Западной Бурятии. В 30-е годы, когда Западная Бурятия и Ага административно входили в состав Бурятской АССР, были предприняты энергичные попытки распространить там литературный язык. Но в последующем в этих регионах из-за территориальной отдаленности и административного размежевания влияние литературного языка было весьма слабым.

В настоящее время массовое двуязычие развивается не только в Западной, но и в Восточной Бурятии. Причиной этого, помимо факторов, рассмотренных выше, является то очевидное обстоятельство, что один только родной язык практически не способен обеспечить все возрастающие нужды людей при их растущем

культурном уровне, что лишь при условии полного овладения языком межнационального общения возможно достичь высот современного образования и в условиях переживаемого нами «информационного взрыва» овладеть достижениями современной науки и техники. Буряты, как и другие представители малых народностей, постепенно начинают понимать это, поэтому в их среде в последние годы все отчетливее проявляется тяга к переводу обучения в средней школе полностью на русский язык. Отсюда совершенно очевидно, что расширять функциональную нагрузку языков малых народов Сибири в новой этнолингвистической ситуации нецелесообразно⁷.

Это, конечно, ни в коей мере не означает вытеснения названных языков русским и их последующего отмирания. Речь идет лишь о разумном распределении сфер обслуживания общественной жизни между названными языками, в частности, бурятским и русским языком, служащим для всех народов нашей страны средством межнационального общения. В связи с этим чрезвычайно актуальной задачей становится детальное изучение современной языковой ситуации в Бурятии.

По мнению В. А. Аврорина, при исследовании любой языковой ситуации необходимо иметь в виду следующие четыре момента: «1) социальные условия функционирования языка; 2) сферы и среды употребления языка; 3) формы существования языка; 4) функции языка»⁸.

Описывая языковую ситуацию в Бурятии, мы в основном будем придерживаться этого плана. Поскольку о социальных условиях функционирования языка было уже достаточно сказано выше, перейдем сразу ко второму пункту.

В части фактических данных мы опираемся на материалы, собранные нами путем анкетного опроса в 1965—1967 гг. в Баргузинском, Закаменском, Кижингинском, Кяхтинском, Селенгинском, Тункинском, Улан-Удэнском сельском и Хоринском аймаках Бурятской АССР. Кроме того, использованы материалы личных наблюдений, особенно в течение последних лет, а также исследования бурятских лингвистов и этнографов по данной теме.

Большая часть бурятского населения (237 407 человек) проживает в сельской местности, в том числе в Бурятской АССР — 136 741 человек, в Иркутской области — 55 041 человек (из них в Усть-Ордынском Бурятском национальном округе — 42 675), в Читинской области — 43 614 человек (из них в Агинском Бурятском национальном округе — 28 893). Бурят же, проживающих в городах, насчитывается всего 77 264 человека.

Несмотря на то, что согласно переписям, темпы роста сельского населения Бурятии ниже темпов роста всего населения республики, что объясняется миграцией сельского населения, особенно молодежи, в города (на учебу и на работу), большинство бурят продолжает жить в сельской местности и колхозное крестьянство и совхозные работники являются главными носителями бурятского языка.

По степени владения бурятским и русским языками бурятское сельское население можно подразделить на три группы.

1. Колхозники и работники совхозов, занятые преимущественно ручным трудом. Часть из них работает в земледелии, но большинство занято в животноводстве, являющемся традиционной формой хозяйства бурят. Среди них преобладают люди среднего и пожилого возраста. Молодежи до 20 лет среди них — единицы, до 30 лет — мало.

Это, как правило, люди, имеющие небольшое образование. На 1000 человек сельских жителей бурят в возрасте 30—39 лет приходится 275 человек с начальным или средним образованием, в возрасте 40—49 лет — 252, в возрасте 50—54 года — 115 и в возрасте 55—59 лет — 42 человека. Об одной из таких типичных групп населения пишет В. В. Беликов: «Большое число рабочих совхоза (31,5%) составляют животноводы в возрасте 30—50 лет. Образовательный уровень большинства из них довольно низок: едва превышает начальное образование. А среди лиц старше 50 лет около 20 человек малограмотны»⁹. У этой категории населения основным языком общения является бурятский на уровне местного говора. Он употребляется ими в семье, в быту, в общественных местах и на производстве. Эти люди слабо владеют русским языком и прибегают к нему лишь при общении с людьми, не знающими бурятского языка. Данная категория населения не является в полном смысле двуязычной. По данным переписи населения 1970 года, 66,7% бурят заявили, что они свободно владеют русским языком; остальные (33,3%) — слабо знают или вовсе не знают русский язык. К этой категории и относится большая часть обозреваемой группы. Сюда же мы включаем и людей пенсионного возраста. Знание русского языка у них, особенно у женщин, совершенно незначительное.

В связи с внедрением новых зоотехнических методов ведения хозяйства, механизации многих работ (электродойка, электрострижка, механизированная сеноуборка), с повышением общей культуры и кругозора в речи этой категории населения стало употребляться довольно много заимствованных слов и выражений

(в том числе специальных терминов).

Уменьшение среднего возраста работников животноводства происходит за счет местной молодежи, главным образом выпускников неполных средних и средних школ, которые идут работать доярками, чабанами, пастухами и рабочими откормочных гуртов. Они во многих местах создают комсомольско-молодежные бригады. Эта молодежь вполне двуязычна, хотя в целом она не отличается таким богатством лексики, как, например, люди старшего поколения.

2. Вторую группу сельского населения по степени владения бурятским и русским языками составляют механизаторы колхозного производства — трактористы, комбайнеры, мотористы, электрики, машинисты сельскохозяйственных машин и установок, слесари, механики, сварщики, токари и шоферы. Это быстро растущая группа сельского населения в большинстве своем комплектуется из местных жителей, преимущественно из молодежи. Уровень образования механизаторов по сравнению с первой группой в целом несколько выше. Они, как правило, имеют неполное среднее образование. Характеризуя эту группу людей по совхозу «Кижингинский» Кижингинского аймака Бурятской АССР, В. В. Беликов пишет: «...у механизаторов и шоферов самый высокий уровень образования и в среднем составляет соответственно 7—9 и 7—8 классов. Заметно поднимается и их квалификационный уровень. Из 94 механизаторов третья часть имеет права первого и второго класса, 7 шоферов — второго класса. Сравнительно высокий культурно-технический уровень механизаторов объясняется тем, что средний возраст этой профессиональной группы составляет 30—35 лет, то есть тот возраст, для которого в свое время в стране было обязательным семилетнее образование. Да и сама специфика работы требует постоянного пополнения знаний»¹⁰.

У механизаторов основным языком общения также является бурятский язык. Но по сравнению с первой группой они лучше владеют русским языком, могут довольно сносно говорить на нем и писать. В своей бурятской речи они в большом количестве употребляют русские термины и обороты, при затруднительности выражения мысли часто переключаются на русский язык.

3. Третью группу сельского бурятского населения составляет административно-управленческий, инженерно-технический персонал колхозного производства: председатель, его заместитель, экономист, инженер-механик, инженер по охране труда, инженер-мелиоратор, агроном, зоотехник, ветврач, бухгалтер, бригадиры,

заведующие фермами и отделениями. Сюда же относятся административно-управленческий аппарат и специалисты производственной и непроизводственной сфер совхозов. К этой же группе примыкает сельская интеллигенция и служащие — учителя, врачи, медсестры, воспитатели детских садов. Здесь преобладают люди среднего возраста с высшим образованием. Как сообщает В. В. Беликов в упомянутой выше статье, в совхозе «Кижингинский» в последнее время увеличилось число специалистов с высшим и средним образованием. Так, в этом совхозе в 1970 году работало 39 специалистов высшего звена. «Все они, за исключением двоих, — буряты, 30 — местные жители. Среди специалистов с высшим образованием средний возрастной уровень равен 30—45 годам, почти таков же он и у специалистов со средним специальным образованием, среди которых есть, однако, 5 человек в возрасте до 30 лет»¹¹.

По данным Ж. Д. Доржиева, во второй половине 60-х годов в Агинском округе работало 800 учителей, 250 медицинских работников, в том числе 60 врачей, около 200 работников культурно-просветительных учреждений и 350 специалистов сельского хозяйства¹².

Обозреваемая группа сельского населения двуязычна. Эти люди хорошо владеют бурятским и русским литературными языками, хотя в повседневной жизни общаются, как правило, на местном диалекте.

В отдельную группу можно выделить сельских детей и учащихся. В населенных пунктах со сплошным или преобладающим бурятским населением основной язык общения у них родной. Дети дошкольного возраста, даже у отдаленных нижнеудинских бурят, в играх общаются на бурятском языке. В старших классах сельские дети довольно хорошо овладевают русским литературным языком. Они хорошо знают и бурятский литературный язык, который изучается в школе.

До революции только незначительное число бурят жило в городах и русских деревнях. После революции положение резко изменилось. Буряты, как и любая другая национальность нашей страны, имеют ничем неограниченное право жить и работать в любом городе, на любой территории. Благодаря русскому языку они везде чувствуют себя как дома. По данным переписи населения 1970 года, в городах проживало более 77 000 бурят. Это в основном представители интеллигенции, служащие и национальные кадры рабочих. В столице Бурятской Автономной Республики Улан-Удэ живут выходцы из всех районов Бурятской АССР, Ир-

кутской и Читинской областей. В других городах с бурятским населением, а также в районных центрах и поселках городского подчинения преобладают люди из окружающих сельских местностей. Например, в Иркутске живут преимущественно выходцы из Усть-Орды, в Чите — из Аги, в Кяхте — представители южно-селенгинского диалекта. Выходцы из сельских местностей оседают в городах и поселках обычно после окончания учебы.

Из 77 264 бурят, проживающих в городах, считают родным языком бурятский 61 529 человек, русский — 15 660 человек, другие языки — 75 человек. Среди людей, для которых бурятский язык является родным, 55 988 человек свободно владеют русским языком, то есть среди них распространено бурятско-русское двуязычие. Среди тех бурят, для которых родным является русский или какой-либо другой язык, бурятским языком свободно владеют 4994 человека, то есть для них характерно русско-бурятское двуязычие.

Таким образом, для большинства горожан бурят основным языком общения является бурятский, обычно в виде того или иного говора. На нем они общаются в семье, в быту, а также между собой в общественных местах и на работе. С людьми иной национальности в быту и на производстве они разговаривают на русском языке. Среди них преобладают люди с высшим и средним образованием. Поэтому они хорошо владеют русским литературным языком. Кроме того, многие из них, помимо своего родного диалекта, знают бурятский литературный язык, на котором в необходимых случаях читают, пишут, могут выступать и общаться с представителями других диалектов.

По наблюдениям бурятских языковедов, в результате постоянного общения представителей разных говоров в Улан-Удэ образуется междиалектное койше, нечто среднее между местными говорами и литературным языком А. А. Дарбеева этот факт объясняет тем, что влияние литературного языка в городе гораздо сильнее, чем в сельской местности, ибо на бурятском языке регулярно ведутся радио- и телепередачи, функционируют театры, филармония, издаются книги и газеты¹³. Наиболее активно литературным языком пользуются представители восточного диалекта, так как именно он лег в основу бурятского литературного языка. При этом они легко преодолевают особенности своих родных говоров (оканье, смягчение согласных, употребление *өө* вместо *ээ* и т. д.).

Носители других диалектов в публичных выступлениях и в прочих ситуациях при общении не только с представителями

своего родного диалекта также обращаются к литературному языку. При пользовании литературным языком диалектные особенности [например, употребление п, д вместо с (*пара*, а не *са* — луна; *наада*-, а не *нааса*- — играть) или аффрикат вместо щелевых ж, ш, с (*шанга*, а не *чанга* — сильный, крепкий)] почти не наблюдаются в речи тех людей, которым по роду своих занятий приходится знать этот язык (писатели, журналисты, работники издательств, радио и телевидения, научные работники, учителя учащиеся). Представители западного наречия также стараются употреблять литературные формы (*бурядаар*, а не *баряаһаар* — по-бурятски; *тамхин*, а не *тамшан* или *тамсян*). При контактировании говоров часто наблюдается параллельное употребление звуков, звукосочетаний, грамматических форм и лексем¹⁴. Наряду с диалектными бытуют и литературные формы (*эрьдим* и *эрдэм* — образование, знание, наука; *жоргоон*, *ергоон* и *зургаан* — шесть; *здавайдлаха*, *здавайха* и *здаваалха* — сдавать и т. д.).

Как показывают данные переписей населения, процент лиц считающих родным языком бурятский, медленно снижается. Если в 1926 году 98,1% всех бурят признавало бурятский язык родным, то в 1959 году этот процент снизился до 94,9, а в 1970 — до 92,6. По последней переписи, из всех бурят считают родным языком русский 23 074 человека, другие языки — 165 человек. Масштабы смены языка в городах шире, чем в сельской местности. Это объясняется тем, что дети горожан с раннего детства вне семьи общаются с другими людьми на русском языке. В городах становится обычной картина, когда в семье взрослые разговаривают на родном языке, а дети — на русском. Часто в таких семьях дети понимают обращенную к ним бурятскую речь взрослых, но отвечают по-русски. У детей, которые живут вместе с людьми пожилого возраста и проводят с ними большую часть времени, развивается двуязычие с бурятским языком в качестве главного. Но при поступлении их в детские сады, а затем в школы русский язык в их речи постепенно занимает ведущее положение. В последнее время во многих семьях стало культивироваться сознательное обучение детей родному языку. Для того, чтобы дети усвоили его, многие родители отправляют их на лето к родственникам в село или изредка на учебу в сельскую школу. Старшее поколение обычно осуждает незнание родного языка. Некоторые молодые люди сами начинают понимать, что родной язык забывать не следует, и сознательно его изучают. Настроения этих людей, возросший уровень национального самосознания молодежи хорошо выразила В. Ц. Найдакова в своем

выступлении на координационной лингвистической конференции, проходившей в Улан-Удэ в 1963 году: «У нас создается тревожное положение, когда многие молодые люди абсолютно не знают бурятского языка, а между тем они числятся по документам бурятами по национальности. Я начала изучать бурятский язык в 17 лет. Если я сейчас читаю свободно и немного пишу по-бурятски, то это достигнуто лишь благодаря систематической работе, бурятский язык мне пришлось осваивать как любой чужой язык. А надо было знать свой родной язык, я же все-таки бурятка!»¹⁵. Оратор далее призвала объявить двуязычие лозунгом молодежи, широко популяризировать его в школе.

Растущее стремление не забывать свой родной язык проявляется, в частности, в том, что детям чаще стали давать бурятские имена. По наблюдениям А. Д. Жалсараева, в Советском и Октябрьском районах Улан-Удэ, «в 1931—1945 годах 28,8% детей носили бурятские имена, а в 1946—1956 — уже 30,1%»¹⁶.

При сравнении уровней знания родного и русского языков по возрастным разрядам вырисовывается следующая картина.

Для дошкольников основным, а в большинстве случаев и единственным языком общения является бурятский язык в диалектной форме. Индивидуальный частотный словарь семилетнего ребенка не превышает двух тысяч слов. В последние годы в лексике этой возрастной группы стало наблюдаться много заимствованных слов типа *маама* (мама), *паапа* (папа), *машина* (машина). В городах и в других населенных пунктах с преобладанием русского населения малолетние дети, у которых в семье постоянно слышится бурятская речь, хотя и учатся говорить по-русски на улице и в детском саду, дома общаются преимущественно по-бурятски. Таким образом, в возрасте до 8 лет двуязычие среди бурятских детей распространено чрезвычайно слабо.

Для большинства школьников основным языком общения продолжает оставаться бурятский язык в своей диалектной разновидности. В то же время школьники в большинстве районов Бурятской АССР, Агинского национального округа и некоторых школах Усть-Ордынского округа овладевают бурятским литературным языком, который оказывает влияние и на их бытовую речь. В тех же национальных школах, где бурятский литературный язык не изучается, дети его не знают и, как правило, им не пользуются, хотя владеют диалектной формой речи. Дети горожан бурятский язык не изучают. Для них основным средством общения является русский язык.

Анкетирование, проведенное в некоторых районах Бурятской АССР во второй половине 60-х годов, показало, что 70—80% детей в возрасте от 8 до 15 лет предпочитают читать книги и газеты на родном языке.

Сельская молодежь, которая после окончания школы поступает в средние специальные учебные заведения, вузы или призывается в армию, вливается в многонациональный коллектив и активно начинает пользоваться русским литературным языком не только в процессе учебы, но и быту, в общественных местах. Для тех из них, кто выезжает за пределы республики и округов, единственным средством общения становится русский язык. Остающиеся же в республике, особенно выходцы из восточных районов, в общезжитиях, общественных местах продолжают общаться между собой на бурятском языке (каждый на своем диалекте с ориентацией на литературный язык). Городская молодежь в основном говорит по-русски.

Анкетирование показало, что количество лиц, предпочитающих читать книги и газеты на родном языке среди подростков и юношей до 18 лет, достигает уже только 56%, а предпочитающих слушать на родном языке лекции, доклады, спектакли и концерты — 57%.

По данным анкетирования, 70—94% молодежи в возрасте от 18 до 25 лет владеют родным языком лучше, чем русским. Следовательно, у них развито бурятско-русское двуязычие. 50% учащихся, рабочих и колхозников от 16 до 25 лет заявили, что не владеют родным языком лучше, чем русским. У них развивается русско-бурятское двуязычие. Среди этой возрастной категории имеется наибольшее количество людей, для которых русский язык стал полностью родным.

Люди среднего возраста, сельские жители (от 25 до 35 лет и от 35 до 45), общаются на бурятском языке на уровне местного говора. В публичных выступлениях, на собраниях, в первую очередь по радио и телевидению, в письмах в газеты и журналы они стараются говорить и писать на литературном бурятском языке, употребляют книжные слова типа *амжалта* (успех), *эхэ-лонин* (овцематка), *искусственна аргаар үрэжүүлхэ* (провести искусственное осеменение). В зависимости от степени контактирования с русским населением и степени образования они в той или иной мере владеют русским языком, в семье же, в быту, на работе общаются в основном на своем местном говоре. Среди людей в возрасте от 25 до 45 лет количество нуждающихся

в родном языке составляет 72—100%. Среди служащих этого возраста процент предпочитающих пользоваться родным языком снижается от 71 до 50.

Горожане среднего возраста, особенно выходцы из восточных районов, употребляют бурятский язык как основное средство общения. Но на производстве, в котором, как правило, преобладают многонациональные коллективы, они говорят по-русски.

Люди более пожилого возраста (от 45 до 60 лет и выше) лучше знают бурятский язык и, как правило, плохо понимают по-русски. В этой возрастной группе только представители интеллигенции и те, кто длительное время общался с русскими, относительно хорошо владеют русским языком, хотя обычно и сохраняют акцент. Русский язык хуже знают те колхозники и садоводы, которые участвовали в прошлой войне. Родным языком в диалектной форме владеют пожилые и старые женщины, занятые в домашнем хозяйстве, мало или совсем не обучавшиеся в школе.

В этой группе сельского населения, особенно в бурятских районах Иркутской области, есть великолепные знатоки традиционного фольклора. Среди пожилых и старых восточных бурят встречаются знатоки старомонгольской письменности. Бурятский лексикон отличается у них наибольшим богатством, причем процент предпочитающих читать книги и газеты на родном языке увеличивается с возрастом и у 60-летних достигает до 90 (в равной мере это касается как колхозников, так и рабочих).

Таким образом, в настоящее время большинство бурят двуязычно. Но владение вторым, обычно русским, языком имеет разные степени. Здесь наблюдается следующая закономерность: чем старше и малообразованнее человека, тем хуже он знает второй язык. Поэтому В. А. Аврорин совершенно справедливо предлагает выделять различные этапы развития двуязычия: 1) начальный этап, когда человек думает исключительно на родном языке, а ко второму прибегает лишь в особых случаях, при необходимости межнационального общения. Пользование вторым языком для него очень затруднительно; 2) переходный этап, когда процесс мышления частично уже осуществляется на втором языке; пользование обиходной лексикой, основными грамматическими правилами и моделями сочетаний слов начинает приобретать все более и более автоматический характер; 3) адекватное двуязычие, когда человек одинаково свободно может думать и говорить на обоих языках¹⁷.

В Бурятии начальная стадия двуязычия наблюдается у детей

дошкольного и младшего школьного возраста (до 10-12 лет), а также у пожилых и старых людей. Для большинства бурят характерен переходный этап двуязычия. Адекватное двуязычие, или абсолютное владение обоими языками, встречается редко. Однако встречается немало людей, которые, имея в качестве базового родной язык, хорошо знают и русский литературный, говорят без акцента, без засорения речи диалектными, грубопросторечными элементами. В данном случае интерференция почти не имеет места. Кроме того, следует различать двуязычие тех, кто с детства живет среди русских или по соседству с ними, и двуязычие людей, выросших в условиях нерусской среды¹⁸. Так, западные буряты, с давних пор имевшие более тесные контакты с русским населением, до недавнего времени лучше владели русским языком, чем восточные, ибо они усваивали этот язык с раннего детства в процессе непосредственного общения с иноязычной средой. Молодые люди, получившие среднее и особенно высшее образование, как правило, в совершенстве владеют русским языком, который зачастую становится для них первым, родным языком.

В Восточной Бурятии население знает русский язык слабее, так как в большинстве бурятских улусов русских или людей других национальностей было мало. Поступая в школу, дети зачастую совершенно не знали русского языка, и практические навыки пользования им начинали вырабатываться у них с 5-го класса, когда все обучение переводилось на русский язык. Иными словами, русский язык усваивался искусственным, неконтактным или слабоконтактным способом, через посредство школы, учителя, учебника¹⁹. Для таких людей родным является бурятский язык, усвоенный ими в раннем детстве. Он служит им базовым кодом, доминантным в условиях двуязычия. Поэтому во всех случаях, не диктуемых языковой ситуацией, человек обращается к своему родному языку, на нем он преимущественно и думает. Для людей данной категории бурятский язык в течение всей жизни остается родным языком. Хотя они и хорошо овладевают нормами русского языка, у них продолжает сохраняться акцент, наблюдаются отдельные факты интерференции и некоторые затруднения в выражении мыслей на втором языке.

В этнографической Бурятии, в условиях двуязычия родной и русский языки, тесно контактируя, взаимно дополняют друг друга, разумно распределяя между собой сферы употребления или чередуясь в речевой практике всех и каждого в зависимости

от ситуации общения. В. А. Аврорин выделяет 12 видов коммуникативных сфер²⁰, по которым мы ниже и даем краткое описание взаимодействия бурятского и русского языков. О сферах применения бурятского языка в его литературной и разговорной разновидностях в Бурятской АССР, Агинском и Усть-Ордынском национальных округах подробно говорится в монографии А. А. Дарбеевой, посвященной функциональному развитию монгольских языков в советское время²¹.

В сфере хозяйственной деятельности, особенно в таких традиционных для бурят видах, как животноводство, сеноуборка, хлебоуборка, бурятский язык преобладает на уровне диалекта. В смешанных по национальному признаку коллективах бурятский язык взаимодействует с русским, обычно в его полудиалектной форме.

В новых отраслях, связанных с использованием новой техники и новых понятий, часто наблюдается попеременное употребление бурятского и русского языков или обильное включение элементов русского языка в бурятскую речь. Например, Ц. Б. Цыдендамбаев, характеризуя говор байкало-кударинских бурят, занимающихся рыболовством, писал: «... живая речь носителей говора, в особенности молодежи, часто оказывается настолько пронизанной заимствованием, что в ней мы видим не просто лексические заимствования и даже не только замену обычных, нередко хорошо известных в говоре, бурятских слов русскими, но и целые сочетания, лучше сказать — куски, как бы прямо взятые из русской речи и вставленные в бурятскую, так что в итоге получается своеобразное переплетение бурятской и русской речи»²². Например, *Баряан загъууяа госудаарствада здаваадалдаг, килаграамын рубаль дезитьгүү, али зуун наян мүнгөөр. Подледно ондоо сэнтэй баэдаг, эгээ үнтээн пэрмеэртэ дъваа дезить хадаа. Палаингаа дүүргэхэдээ, свеэрхъпалаанова гэжэ мүнгэ абдагбди.* (Улов рыбы сдаем государству по рублю десять, или сто восемьдесят копеек за килограмм. Подледный [улов] имеет другую стоимость, самая высокая цена, кажется, примерно по два десять. Когда выполним план, начинаем получать деньги за сверхплановую [сдачу])²³.

В городах, районных центрах, поселках, как правило, — смешанные коллективы. Поэтому производственное общение осуществляется преимущественно на русском языке или на русском и бурятском.

В сфере общественно-политической деятельности употребляются литературные формы бурятского и русского языков. На

бурятском издается республиканская газета «Бурят унэн», общественно-политический и литературно-художественный журнал «Байкал», дублируются республиканская газета «Молодежь Бурятии», «Блокнот агитатора», большинство районных газет, а также окружные газеты «Агинская правда» и «Знамя Ленина».

Устная пропаганда, то есть лекции и беседы на разные общественно-политические и другие темы на гуртах, отарах, фермах, бригадах, где работают буряты, в Бурятской АССР и Агинском национальном округе проводится на бурятском литературном языке; в Усть-Ордынском национальном округе — на русском языке; только иногда в тексты выступлений вставляются фразы на том или ином бурятском говоре.

В сфере повседневного быта во всех населенных пунктах этнографической Бурятии господствует бурятский язык в наиболее привычной диалектной форме. Среди молодежи распространено городское русское просторечие.

В сфере организованного обучения господствует русский литературный язык. До недавнего времени в начальных классах бурятской школы обучение велось на бурятском литературном языке, однако в настоящее время по желанию многих родителей повсеместно осуществляется перевод обучения на русский язык. Бурятский язык и литература сохраняются как специальные предметы.

В сфере художественной литературы господствуют литературные разновидности бурятского и русского языков. В районах и округах функционируют литературные объединения. Если в первые годы писателями были преимущественно представители хоринского диалекта, то в последнее время их ряды пополнились талантливой молодежью из Тунки, Закамны, Баргузина, Оки, а также Агинского и Усть-Ордынского национальных округов. В последние годы усилился контакт писателей с читателями, увеличивается количество издаваемых художественных произведений на бурятском языке. Они становятся более популярными среди народа.

Массовая информация осуществляется через газеты, журналы, радио, телевидение, лекции, беседы на бурятском и русском литературном языках. На селе почти каждая семья выписывает 2—3 газеты и несколько журналов, в том числе — на бурятском языке. Материалы Э. Г. Лосевой показывают, что в Агинском национальном округе больше половины опрошенных (52,9%) читают периодику только на русском языке, 38,6% — на русском и бурятском, 8,7% — только на бурятском.²⁴

На бурятском языке ведутся передачи по радио и телевидению на самые различные темы. Особой популярностью пользуются бурятские и монгольские песни под рубрикой «Степные мелодии». Вызывают интерес интервью работников сельского хозяйства, которые на бурятском языке делятся опытом своей работы. Они говорят на литературном языке с включением в свою речь диалектизмов и многочисленных русских заимствований.

Сферу эстетического воздействия также обслуживают бурятский и русский литературные языки. Кинофильмы демонстрируются на русском языке. Но в последние годы некоторые художественные фильмы стали дублироваться для показа в аудитории, слабо владеющей русским языком. Многие спектакли народных театров, номера художественной самодеятельности идут на родном языке. Бурятский драматический театр имени Х. Намсараева систематически разъезжает по всей этнографической Бурятии со своими спектаклями на бурятском языке. Ансамбль песни и танца возродил к жизни многие замечательные песни и танцы, раскрывающие национальный характер и богатства народной души. В районах республики, в округах проводятся «Недели бурятской литературы» с участием поэтов и писателей, встречи и читательские конференции по произведениям бурятских писателей. ←

Сфера устного народного творчества бурят продолжает сохранять традиционный наддиалектный койне. Многие представители старшего и среднего поколения помнят и воспроизводят произведения устного народного творчества. Их деятельность особенно активизируется в связи с тем, что фольклористы, диалектологи, писатели, учителя, краеведы, студенты и учащиеся систематически собирают и записывают фольклорные произведения, публикуют их, передают по радио. Однако по сравнению с прошлым периодом фольклор активно не бытует, не имеет особой популярности, и молодежь не знает большую часть того, что было известно старшему поколению.

В годы предвоенных пятилеток и особенно в годы войны широкое развитие получило песенное устное творчество, преимущественно любовного и патриотического содержания. В настоящее время практически уже не создаются безымянные народные песни. Вместо них на селе широкое распространение получили песни современных композиторов.

Сфера науки обслуживается русским литературным языком и лишь частично — бурятским. Последний употребляется в

научно-популярной литературе по гуманитарным наукам, а также по сельскому хозяйству, медицине и некоторым другим отраслям.

Сфера делопроизводства обслуживается русским литературным языком. Наиболее важные государственные законы, постановления, указы переводятся на бурятский язык.

В сфере личной переписки употребляются бурятский и русский языки. Если базовым у человека является родной язык, то письма пишутся на его литературной разновидности с добавлением обычно диалектизмов и заимствований. Официальные письма пишутся, как правило, на русском языке.

Сферу многочисленных новых праздников и обрядов обслуживают бурятский язык в диалектной и литературной формах, а также русский язык.

Религиозная обрядность осуществляется на тибетском, старомонгольском и бурятском языках.

Все сказанное выше позволяет сделать некоторые выводы относительно сегодняшней языковой ситуации в Бурятии.

1. К настоящему времени в нашей стране сложилась новая историческая общность людей — советский народ. Роль главного средства межнационального общения в этом единстве выполняет русский язык, который сосуществует и взаимодействует с национальными языками, вместе с ними обслуживает многочисленные сферы жизни национальных регионов. В связи с употреблением в этих регионах двух языков языковая ситуация в них, и частности в Бурятии, крайне усложнилась. На территории Бурятии интенсивно развивается бурятско-русское и в меньшей степени русско-бурятское двуязычие, что создает сложную картину соотношения родного и русского языков в жизни бурятского народа.

Бурятский и русский языки разумно распределяют между собой сферы обслуживания общественной жизни. И в каждом случае выбирается наиболее эффективное средство общения, выражения мыслей и познания окружающей действительности.

2. Проведенное анкетирование показывает, что процент нуждающихся в родном языке в среднем равен 72,5, а в отдельных группах населения доходит даже до 90²⁵.

3. Моногlossия, то есть пользование только одной формой существования языка, в данном случае — диалектной, характерна только для дошкольников и малограмотных или неграмотных людей старшего поколения. Подавляющему же большинству бурят присуща дигlossия, то есть владение и пользование двумя или большим числом взаимодействующих между собой форм

существования бурятского языка — его диалектной формой, междиалектным койне, литературным языком. Кроме того, в своей речи они широко пользуются языком межнационального общения. В связи с этим обычным для бурят является использование в речи не одного, а двух или нескольких кодов. Каждый код приурочен к определенной речевой ситуации, они взаимозаменяемы, возможно переключение с одного на другой.

4. Со стороны носителей бурятского языка возрастает сознательный подход к изучению языков. Все явственнее обозначается стремление к многоязычию. Все буряты сознают, что, во-первых, без знания русского языка невозможно стать полноценным специалистом, достичь высот современных научно-технических знаний. Во-вторых, многие понимают, что родной язык — это творение их предков, которые в трудных жизненных условиях отшлифовали его, создали на нем изумительный фольклор, а в советское время — национальную художественную литературу и искусство. Поэтому молодое поколение стремится изучить свой родной язык, растет его тяга к овладению основными западно-европейскими языками, на которых создана ценная научно-техническая и дру-гая литература.

¹В. А. Аврорин. Проблемы изучения функциональной стороны языка. Л., «Наука», 1975, с. 190.

²См.: «Очерки истории культуры Бурятии». т. II. Улан-Удэ, Бурят. кн. изд-во, 1974, с. 128.

³Ц. Б. Цыдендамбаев. Итоги и насущные проблемы языкового строительства в Бурятии. — «Филол. зап.», вып. 19. Улан-Удэ, 1973, с. 82.

⁴См.: В. А. Аврорин. Указ. соч., с. 100–101.

⁵В. А. Аврорин. Указ. соч., с. 100.

⁶Здесь и далее цифровые данные приводятся по книге: «Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года», т. IV — «Национальный состав населения СССР, союзных и автономных республик, краев, областей и национальных округов». М., «Статистика», 1973.

⁷См.: «Современные этнические процессы в СССР». М., «Иавка», 1975, с. 274.

⁸В. А. Аврорин. Указ. соч., с. 120.

⁹В. В. Беликов. Социально-профессиональный состав работников сс хоза «Кижингинский». — «Этногр. сб.», вып. 6. Улан-Удэ, 1974, с. 147.

¹⁰В. В. Беликов. Указ. соч., с. 146.

¹¹В. В. Беликов. Указ. соч., с. 145.

¹²См.: Ж. Д. Доржиев. К вопросу об обычаях и обрядах агинских бурят. — «Вопросы преодоления пережитков прошлого и становления новых обычаев и традиций». Вып. 2. Улан-Удэ, 1969, с. 168—169.

¹³См.: А. А. Дарбеева. Развитие общественных функций монгольских языков в советскую эпоху. М., «Наука», 1969, с. 58.

¹⁴См.: Л. Д. Шагдаров. Становление единых норм бурятского литературного языка в советскую эпоху. Улан-Удэ, Бурят. ки. изд-во, 1967, с. 90.

¹⁵«Развитие литературных языков народов Сибири в советскую эпоху» Улан-Удэ, Бурят. ки. изд-во, 1965, с. 198.

¹⁶А. Д. Жалсараев. Некоторые предварительные итоги исследования национального самосознания подростков в национально-смешанных семьях. — «Этногр. сб.», вып. 6. Улан-Удэ, 1974, с. 136.

¹⁷См.: В. А. Аврорин. Указ. соч., с. 145—146.

¹⁸См.: Л. Д. Шагдаров. Бурятский язык. — «Закономерности развития литературных языков народов СССР в советскую эпоху. Тюркские, финно-угорские и монгольские языки». М., «Наука», 1969, с. 460—462.

¹⁹См.: В. А. Аврорин. Указ. соч., с. 130—131.

²⁰См.: В. А. Аврорин. Указ. соч., с. 76—77.

²¹См.: А. А. Дарбеева. Развитие общественных функций монгольских языков в советскую эпоху. М., «Наука», 1969.

²²Ц. Б. Цыдендамбаев. Краткая характеристика говора кударинских бурят. — «Кр. сообщ. Ин-та народов Азии», вып. 83. М., 1964, с. 67.

²³Ц. Б. Цыдендамбаев. Краткая характеристика говора кударинских бурят, с. 67.

²⁴См.: Э. Г. Лосева. К вопросу о двуязычии у бурят. — «Этногр. сб.», вып. 6. Улан-Удэ, 1974, с. 127.

²⁵Конкретная языковая ситуация, сложившаяся у бурят обследованных нами сельских районов Бурятской АССР, процентные соотношения по использованию бурятского и русского языков среди разных групп населения отражены в ряде таблиц, опубликованных в статье «Языковая ситуация у бурят». — «Вопросы языка и литературы народов Сибири (сб. науч. тр.)». Новосибирск 1974, с. 3—9.

К ВЗАИМОВЛИЯНИЮ РУССКОГО И БУРЯТСКОГО ЯЗЫКОВ

Русские, как известно, встретились с бурятами в конце 20-х годов XVII века, после чего в течение трех десятков лет было фактически завершено присоединение разных групп бурят Восточной Сибири к Российскому государству. Следовательно, эти события произошли более 320—350 лет тому назад.

Но языковое контактирование русских и бурят уместно было бы датировать не столько этим временем, сколько временем более массового заселения территории Добайкаля и Забайкаля русскими.

Дело в том, что в те годы казаки сосредоточивались главным образом в острогах. Когда же сюда в массовом порядке начали прибывать пашеинные люди, уже не стало хватать места возле острогов, и они вынуждены были расселяться шире. Несколько позже развернули свою деятельность православные миссионеры, в результате чего постепенно появлялись крещеные буряты, сыгравшие весьма значительную роль в языковом общении между русскими и бурятами.

Следовательно, непосредственное языковое знакомство между русским и бурятским населением Восточной Сибири произошло в пределах от двух с половиной до трех сотен лет тому назад. С тех пор языковое взаимовлияние русских и бурят прошло, по крайней мере, два этапа.

Первый этап русско-бурятского контактирования условно назовем дореволюционным. Он характерен тем, что взаимовлияние русского и бурятского языков шло медленными темпами, обусловленными нерегулярностью связи носителей языков, зна-

чительной замкнутостью жизни русских в своих селах и буряты в своих улусах. Этому вполне соответствовало то, что из русского языка в разговорный бурятский, а также, наоборот, из бурятского языка в разговорный русский вошли почти одни словарные заимствования.

В русских лексических заимствованиях в разговорном бурятском языке преобладают обиходно-бытовые и производственно-хозяйственные слова, обозначающие:

а) домашнюю обстановку и утварь: *пезшэн* (печь), *харбаад* (кровать), *патишра* (из фатера) (квартира), *бииниг* (веник), *бидруу* (ведро), *горшоог* (горшок), *бүтылхэ* (бутылка);

б) продукты питания: *забарууха* (заваруха), *шааньди* (шаньги), *хилээмэн* (хлеб), *салмаад* (саламат);

в) одежду и обувь: *сарпаан* (сарафан), *дожбииг* (дождевик), *жэбхүүн* (зипун), *сабхи* (сапоги), *ишиг* (ичиги);

г) упряжь и гужевого транспорт: *боожо* (вожжи), *хомуу* (хомут), *шожоолхо* (седелка), *однохоол* (одноколка), *оглеоби* (оглобли), *хольсоо* (колесо);

д) надворные постройки и столярное дело: *амбаар* (амбар), *зэмьэ* (зимовье), *онгоошхо* (окошко), *араама* (рама), *хеос* (тес), *бураабша* (буравчик);

е) предметы и явления из области полеводства и огородничества: *орооһон* (рожь), *шэниисэ* (пшеница), *борной* (борона), *обёос* (овес), *огороод* (огород), *хартаабха* (из картобка) (картофель), *хапууста* (капуста);

ж) торговые изделия и финансы: *сарпинха* (сарпинка), *бумажай* (бумадея), *пүүд* (пуд), *һүүнтэ* (фунт), *солхооб* (целковый), *шарбуунса* (червонец).

Характерно, что наиболее многочисленные заимствования, принятые из бурятского языка в разговорный русский и насчитывающие десятки словарных единиц, также относятся к области хозяйства и быта. Таковы, например:

а) термины животноводства: *бурүн* (однолетний теленок), *кашерик* (двухгодовалый бычок), *куцан* (баран), *иргэн* (кастрированный баран), *иман* (козел), *даган* (жеребенок двух лет) и т. д.;

б) предметы и понятия бытовых и этнографических особенностей: *дыгёл* (меховая шуба), *дуктуу* (меховые чулки), *джириш* (подпруга, обшитая материей), *сундалой* (вдвоем верхом), *адалай* (словно, будто) и т. д.

Достаточно беглого взгляда на перечисленные факты взаимных языковых заимствований, чтобы понять, что русские и буряты

вступали в контакт на здоровой почве и обогащали друг друга трудовым и жизненным опытом. Если буряты усвоили у русских предметы, понятия и их названия, связанные с полеводством, оседлой обстановкой и товарно-денежными отношениями, то русские усвоили у бурят предметы, понятия и их названия, связанные с животноводством и местными сибирскими условиями жизни.

Гораздо в меньшем количестве встречаются и другие заимствования в обоих языках.

Так, в разговорном бурятском языке дореволюционного времени отмечено известное количество заимствований, отражающих влияние русских в области духовной культуры: *тэттраад* (тетрадь), *харандаас* (карандаш), *пинаал* (пенал), *гимнаази* (гимназия), *үстүдеэнтэ* (студент), *гажээд* (газета), *үшэниг* уст. в знач. «медицинский ученик-фельдшер», *доогтор* в знач. «врач-доктор», *больниисо* (больница).

В разговорном бурятском языке дореволюционного периода употреблялись некоторые ономастические понятия, воспринятые из русского языка: а) названия месяцев и дней святых: *январи* (январь), *пивраали* (февраль), *маарта* (март) и т. д.; *Михуула* (Николаев день), *Егдохи* (Евдокиев день), *Ильеын* (Ильин день), *Сэмүүн* (Семенов день), *Похрооб* (Покров день); б) антропонимы: *Армаан* (Роман), *Иваан* (Иван), *Даниила* (Даниил), *Захаар* (Захар), *Онгоон* (Антон), *Уханааша* (Афанасий), *Башали* или *Башуу* (Василий) и т. д.; в) топонимические названия: *Расии* (Россия), *Питэргараад* (Петроград), *Питрообско завууд* (Петровский завод), *Заграй* (Заиграево), *Алигсаандарска сэнтраал* (Александровский централ) и т. д.

В свою очередь из бурятского языка русским разговорным языком дореволюционного времени были заимствованы: а) широко известные местные топонимы и некоторые номенклатурные названия к ним: *Дулан* (теплое место), *Куйтун* (холодное место), *Загустай* (Рыбинск), *харагун* (незамерзающая протока), *дабан* (перевал); б) бурятские собственные имена в русском фамильно-суффиксальном оформлении: *Бадмашка*, *Батоха*, *Цыдыпка*.

Иначе выглядит тематика словарных заимствований в сфере письменных языков бурят и русских.

В монгольском письменном языке, которым пользовались буряты в качестве литературного, наибольшее место занимали русские заимствования официально-деловой лексики и незначительное место — заимствования из области бытовой и хозяйственной лексики.

Так, в старописьменном языке широко употреблялись такие русские слова и выражения, как *цаари* (царь), *намиистниг* (наместник), *губирнаатур* (губернатор), *титилирнуи собиитниг* (титularный советник), *миирскэ шидзэбэ* (мирская изба), *ханцалиири* (канцелярия), *приистэб* (пристав), *стипнуи дүүмэ* (степная дума), *дзасидаатил* (заседатель), *кинаас* (князь). Многие из приведенных канцеляризмов давно стали архаизмами.

Что касается делового русского языка губернских и уездных канцелярий Добайкаля и Забайкаля дореволюционного времени, то в нем, в отличие от разговорного языка местных русских, наиболее употребительными являлись: а) заимствованные из бурятского языка топонимические названия: Баян-Гол (досл. Богатая долина), Могойтуй (досл. Змеиное), Кяхта (досл. Пырейное), Жаргалантуй (досл. Счастливое), Мухор-Шибирь (досл. Прерывающаяся чаща), Уныгытэй (досл. Лисицыно); б) бурятские фамилии с русским суффиксом: Аюшеев, Бадмаев, Гомбоев, Дымбилов, Ломбоцырёнов, Очиров, Сахаров, Цыдыпов, Ямпиров и другие.

Такова в общих чертах степень дореволюционного взаимовлияния русского и бурятского языков.

Второй этап во взаимовлиянии данных языков наступил в послереволюционное время. Он характеризуется тем, что носители языков, благодаря интернациональному курсу развития советского общества, стали общаться чаще. Они нередко встречаются на различных собраниях, вместе учатся и даже совместно проживают и трудятся в ряде населенных пунктов. В результате более интенсивным стало языковое взаимовлияние.

Особенно усилилось воздействие русского языка на разговорный бурятский, в котором резко увеличилось количество заимствованных слов, расширилась их тематика, появились некоторые заимствования грамматических элементов.

Помимо слов, обозначающих бытовые, хозяйственные предметы, в бурятский язык из русского стала проникать культурная и отвлеченная лексика. Достаточно сказать, что наряду с такими заимствованиями, как *туфли, костюм, ковер, магнитофон, пластинка, трактор, комбайн, мотоцикл, силос, кукуруза, колхоз, бригада, совхоз, отделени, фермэ, гурта*, вошли в употребление слова *концерт, театр, радио, телевизор, курсы, техникум, училище, институт, университет, лекци, хими, физикэ, математика, атом* и т. д.

Из области ономастики в разговорном языке бурят участилось заимствование русских личных имен. Более того, буряты

стали носить фамилии и отчества с русскими суффиксами. Очень часто теперь можно встретить такие имена, отчества и фамилии, как Байр Бадмаевич Шагдыров, Алексей Ильич Уланов, Буянто Григорьевич Аюшеев, Павел Петрович Федоров и другие.

Однако в послереволюционное время заимствование бурятских слов старожильческим русским населением сельских местностей постепенно убывает. Это, вероятно, объясняется тем, что весьма заметно повысилось знание бурятами русского языка. Кроме того, у бурят развилось массовое двуязычие, особенно среди интеллигенции и молодежи.

Правда, в ином свете выглядит литературное словоупотребление.

Литературный бурятский язык отличается от разговорного бурятского тем, что в нем нормируется употребление слов, заимствованных из русского языка, и не допускается замена имеющихся в бурятском языке слов русизмами.

Вместе с тем в современном литературном языке бурят широко заимствована терминологическая лексика, не поддающаяся удовлетворительному переводу: *материализм, идеализм, социализм, коммунизм, диктатура, биологи, зоологи, кибернетикэ, куб, молекулэ, этикэ, эстетикэ* и другие.

Благотворное влияние русского языка заключается еще и в том, что в литературном языке бурят по русскому образцу возникло многочисленное калькирование, обогатившее бурятскую лексику: весенний сев — *хабарай тарилга*, хлебоуборка — *таряа хуряалга*, мясозаготовка — *мяха бэлэдхэл*, зимовка скота — *малай үбэлжэлгэ*, прием приплода — *түл абалга*.

За советский период в местной печати и вообще в местном официальном словоупотреблении на русском языке значительно усилились и все более возрастают ономастические заимствования из бурятского языка. Эти заимствования состоят из нескольких групп, большая часть которых является совершенно новой, не имевшей место ранее.

Русский язык продолжает заимствовать, причем более в массовом масштабе, чем раньше: а) бурятские названия географических объектов, в особенности новые названия населенных пунктов, колхозов, совхозов и т. д.: Улан-Удэ (досл. Красная Уда), Улан-Одон (Красная звезда), Шинэ-Ажил (новое хозяйство), Соёл (культура), Хубисхал (революция), Арбижил (накопление), Зурганай-Зам (путь шестерых); б) бурятские личные имена, приобретающие русское звучание, родовое окончание или фамильный суффикс: Чимита, Туяна, Саяна, Баирйна,

Зорнк, Байрка, Батоха и т. д.

В местном русском языке советского времени стали употребляться бурятские названия административных единиц: *аймак* в значении «район», *сомон* или *булук* в значении «сельский совет».

В сфере культуры на местном русском языке стали употребительными: а) бурятские названия кинотеатров, коллективов ансамблей песен и танцев: кинотеатр «Эрдэм», ансамбль «Байкал», коллективы самодеятельностей «Наран», «Ургуй»; б) бурятские названия литературно-художественных и телевизионных журналов: «Байкал», «Селенга», «Ая-Ганга», «Цыцык» и некоторые другие.

В области торговли и бытового обслуживания населения а) бурятские названия магазинов, гостиниц и столовых: магазины «Байр», «Туя», «Ангара», гостиница «Одон», рестораны «Байкал», «Селенга», столовая «Саяны»; б) бурятские названия тканей: костюмно-пальтовая ткань «сэсэг», драп мужской «баянгол»; в) бурятские названия блюд и продуктов питания: *бузьбукулер*, *хошхонок*, *хима*, *арбин*, *тарак* и другие. Причем в этой части под воздействием бурятского способа приготовления блюд в местном русском языке появились такие названия, как «печенка в рубашке» (по-бурятски *хугабша*), «кровяная колбаса с жиром» (*эреэлжэ*).

Приведенные факты, несомненно, говорят о влиянии языка бурят на язык местных русских.

Следовательно, с полным основанием можно говорить об обоюдном языковом влиянии русских и бурят, о том, что у нас складывается своеобразная ситуация, свидетельствующая о тесной спаянности народов Бурятии, о взаимообогащении их культур.

В самом деле разве не знаменательно, что буряты читают на своем языке Пушкина и Горького, Гоголя и Фадеева, Толстого и Шолохова, а русские — Намсараева и Улзытуева, Батажабая и Дамдинова; Линховоин прекрасно поет русскую народную песню «Стенька Разин», а Полозова с незаурядным умением учит русскую молодежь четкому сценическому исполнению бурятского хора.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЮЖНОБУРЯТСКИХ ГОВОРОВ С МЕСТНЫМИ РУССКИМИ ГОВОРАМИ

О прогрессивном воздействии русского языка на бурятский написан ряд работ монголоведов Т. А. Бертагаева, Д. А. Алексеева, Ц. Б. Цыдендамбаева, У.-Ж. Ш. Дондукова и других¹.

Исследуя русские говоры Сибири, А. М. Селищев затрагивал некоторые вопросы взаимодействия сибирских русских говоров с языками аборигенов края². Этой же теме была посвящена статья В. Д. Кудрявцева «О взаимовлиянии русского и национального языков народов Сибири»³.

В нашей работе ставится задача — на материале южнобурятских и местных русских говоров показать их взаимодействие в области фонетики и лексики⁴. При этом главное внимание мы обращаем на освещение вопросов о влиянии говоров южных бурят на язык местного русского населения, так как ввиду недостаточной изученности русских говоров Бурятии эти вопросы до сих пор оставались по существу незатронутыми.

На обширной территории нынешних Кяхтинского и Джидинского аймаков, а также на некоторой части Селенгинского и Бичурского аймаков БурАССР рука об руку с русским населением издавна живут южные селенгинцы — цонголы и сартулы, переселившиеся в Забайкалье из Халхи во второй половине XVII века⁵. Примерно к этому же времени относится начало появления в Забайкалье русских землепроходцев⁶. Со второй половины XVIII века на территории нынешней Бурятии живут забайкальские старообрядцы (семейские). С тех пор между русскими и бурятскими трудовыми людьми установились тесные экономические, культурные и иные взаимоотношения, приведшие к

возникновению и развитию процессов взаимодействия русского и бурятского языков. Так, на территории Кяхтинского, Селенгинского, Джидинского и Закаменского аймаков говоры старожильческого русского населения оказывают воздействие на южноселенгинские (цонгольский и сартульский) говоры; с другой стороны, цонгольский и сартульский говоры оказывают влияние на местные русские говоры.

Влияние южнобурятских говоров на местные русские говоры

Живя долгое время в тесном контакте с монголоязычными народами, в частности, с бурятским, носители русских говоров Бурятии заимствовали немало монголизмов. Южнобурятские элементы наблюдаются как в фонетике, так и в лексике русских говоров.

Займствования в звуковом составе. Вместе с лексическими единицами местные русские говоры заимствовали некоторые звуки, характерные для цонгольского и сартульского говоров и не свойственные фонетической системе русского языка, например, увулярные щелевые ζ , ξ , аффрикаты дж, дз, огубленный ударный θ (< бурятский долгий $\theta\theta$), а также заднерядный огубленный ударный α (< бурятский долгий $\alpha\alpha$)⁷.

Увулярный щелевой ζ встречается в твердоядных словах: *дазан* (Цакир, Хамней, Михайловка Закам.; Большая Кудара, Калининна Кяхт.; Билютай, Арсентьево Селенг.) < юж.-бур. *даага* — жеребенок по второму году, лончак; *бузан* (Харацай Закам.; Ланшиново, Баян, Боций, Цаган-Усун, Зарубино Джид.; Шарагол, Большая Кудара, Усть-Кяхта, Калининна Кяхт.; Поворот, Новоселенгинск, Билютай Селенг.) < юж.-бур. *бузаа* — браслет. Иногда увулярный щелевой ζ употребляется даже в начале слова вместо общепобурятского увулярного смычного г: русск. *зай* (Хутор Кяхт.) < бур. *гаэ* — несчастье, беда, русск. *зунан* (Цакир Закам.) < бур. *гунан* — трехлетний бычок. Но в мягкорядных словах не встречается заднерядный щелевой звук ζ , свойственный южнобурятским говорам: *изргэнь* < юж.-бур. *йэрзэ* — валух, *ишыгэн* < юж.-бур. *эшзэ* — козленок. В этой связи отметим, что щелевой оттенок фонемы [б], употребляющийся в южнобурятском наречии в интервокальном и некоторых других позициях⁸, при заимствовании русскими говорами всегда произносится как смычный б (ср. юж.-бур. *бавана* > русск. *бабанá* — козел-производитель).

Под влиянием южнобурятских говоров в речи местного рус-

ского населения обследованных аймаков вместо общерусского заднеязычного х в твердорядных заимствованных из бурятского языка словах произносится увулярный ɣ: *халагай* < юж.-бур. *халагаэ* — крапива; *хашырик* < юж.-бур. *хашараг* — двухгодовалый теленок, бычок, *хулзун* (Шарагол Кяхт.) — мышь полевка (без хвоста) < юж.-бур. *хулзанаа* — мышь (общее название).

Под воздействием южноселенгинских (цонгольского и сартульского) говоров в местных русских говорах южных аймаков республики вместо общерусских шелевых ж, з используются аффрикаты дж, дз: *джирикын*, реже *джирыкин* < юж.-бур. *джирхэ* — бурундук; *джирахай* < юж.-бур. *джараахаэ* — мальки у рыб; *саральджэ* — полынь венечная < юж.-бур. *шаральджаа* — полынь вообще (общее название); *дзумбура* ~ *дзумбуран* < юж.-бур. *дзумбураа* ~ *дзумбараа* — суслик, *халдзиний* < юж.-бур. *халдзан* — белолобый (о лошади).

В селах Цакир и Хамней Закаменского аймака нами зафиксирован звук ø в слове *угульджөн* в значении «покос на заимках»: «Угульджөн разрабатывали, корення выкапывали, чистили, называли; там сена касили»⁹.

В вокализме русских говоров указанных аймаков sporadически встречается заднерядный огубленный ударный гласный и (знак латинского алфавита), отсутствующий в русском языке и характерный для монгольских языков¹⁰. Например, в деревне Нижний Убукун Селенгинского аймака зафиксировано нами слово *vulgan* < бур. *буулга* — ярмо у быка, *хатхи* (в обозначении знаками латинского алфавита) < бур. *хамхуул* — перекапывание поля. Заимствование из бурятского *хамхул* в указанном значении встречалось во всех русских селах обследуемых аймаков (за исключением семейской деревни Ягодное Селенгинского аймака, где это растение называется колючка).

Заимствования в лексике русских говоров. Сравнительно большое место занимают южнобурятские заимствования в лексике животноводства: *хируган* — ягненок, *хуцан* — баран-производитель, *йиман* — коза, *сэркэн* — кастрированный козел, *бурун* — годовалый теленок. Из южнобурятских говоров заимствованы некоторые названия предметов домашнего обихода: *курунгун* ~ *сабан* — маслобойная кадушка, *булюр* — мутовка для сбивания масла, термины фауны, флоры и т. д.

Отдельные южнобурятские слова заимствованы местными русскими говорами с некоторыми отклонениями в семантике, например, для обозначения более частных понятий: кяхт.-русск. *саральджэ* — полынь венечная < юж.-бур. *шаральджаа* — по-

лынь вообще; кяхт.-русск. *хулгунá* — мышь-полевка < юж.-бур. *хулгунаа* — мышь (общее название). Кяхт.-русск. *шэбэгэн* означает «ушки ковыля-тырсы», а в бурятском языке, откуда заимствовано данное слово (бур. *шэвээгэнэ*), это слово означает «ковыль-волосатик» (в целом).

Иногда некорректно русские слова используются в местных говорах для конкретизации понятий. Например, в с. Михайловка Закаменского аймака общерусское «коза» употребляется для обозначения понятия «дикая коза» в отличие от домашней козы, которая здесь называется заимствованием из бурятского *яман* + аффикс *-уха*.

Наблюдения показывают, что раньше (вплоть до Великой Отечественной войны) старожильческое русское население Бурятии свободно владело двумя языками — бурятским и родным русским. Часть русского населения, особенно старшее поколение, в обследуемом регионе и сейчас общается с бурятами на их родном языке. Так, в селе Хамней Закаменского аймака информант Ксения Родионовна Викулина (1909 года рождения, русская) свободно переходила с одного языка на другой. С нами она разговаривала по-русски. Но когда к ней зашла соседка-бурятка Бадма Цыбикова (1905 года рождения, местная), Ксения Родионовна разговаривала с Бадмой Цыбиковой по-бурятски.

В дальнейшем, по мере повышения прогрессивной роли русского языка как средства межнационального общения, влияние бурятских диалектов на русские говоры постепенно ослабевает. В настоящее время словарный состав разговорного русского языка почти не пополняется за счет заимствований из бурятских говоров. Часть бурятизмов, бытовавшая ранее в русских говорах, под влиянием русского литературного языка постепенно переходит в пассивный запас их лексики, сохраняясь в основном в речи старшего поколения. Информант из села Арсентьево Селенгинского аймака БурАССР И. Я. Рябов (1888 года рождения, русский) сообщил, например, о подойнике следующее: «Данли баран, кароф — кунуки назывались. Тапери называютца падойник».

Влияние русских говоров на южнобурятские

Значительное и плодотворное воздействие на южнобурятские говоры оказывает русский язык.

До Октябрьской революции говоры цонголов и сартулов заимствовали из местных русских диалектов главным образом

бытовые слова и земледельческие термины.

После Великого Октября коренным образом изменился качественный состав заимствованной русской лексики в южнобурятских говорах. В этот период появляются заимствования, связанные с новым, советским укладом жизни.

По сравнению с дореволюционным периодом в послеоктябрьскую эпоху значительно увеличилось и количество заимствований из русского языка. Это объясняется ростом грамотности и культурного уровня бурят, постоянным повышением их интереса к русскому языку. Через посредство русского языка бурятские говоры, в том числе южнобурятские, осваивают интернациональную лексику, являющуюся важным фактором сближения между собой различных языков и диалектов.

Если до Октября русские слова входили в южнобурятские говоры в основном устным путем, то после революции освоение русизмов происходит также через печать, художественную литературу, школу, радио и телевидение, через русский литературный язык вообще. Поэтому ранние заимствования подверглись сильной модификации и приспособились к фонетическим и морфологическим нормам говоров. Поздние заимствования претерпели гораздо меньше изменений в фонетико-морфологическом отношении, особенно в речи бурятской молодежи.

Следует обратить внимание на то, что степень заимствований в тех или иных разрядах лексики различна. Так, например, в терминологии родства людей, в лексике животноводства, в названиях зверей, птиц (диких), рыб, дикорастущих растений, в лексике о природе вообще, а также в таких лексико-грамматических разрядах, как прилагательные, местоимения, глаголы, встречается очень мало заимствований. В земледельческой же терминологии, в бытовой лексике, особенно в научно-технической и общественно-политической терминологии, пласт заимствованных слов из русского языка занимает большое место. Эти заимствования вызваны жизненной необходимостью пополнения лексического состава бурятских говоров новыми словами, отражающими новый быт, рост промышленности и сельского хозяйства, науки и техники, особенно в послеоктябрьский период.

В южнобурятских говорах встречаются русские заимствования, широко распространенные в других бурятских диалектах (*парты, правительства, социализм, коммунизм, колхоз, совхоз, газезд, телевизэр*) и заимствования, носящие локальный характер (например, кяхт.-цонг. *бүүлвэ* — картофель; *гаразвал* — грабли; *дэмээ* — изба; сарт. *холцоо* — колесо телеги).

Приведем еще несколько примеров локально распространенных русизмов: юж.-бур. *турваа* — дымоходная труба. Ср. алар.-унг. *үрхэ*, эхирит.-булагат. *сорга*; вост.-бур. *хоолоэ* — то же; юж.-бур. *дүүджэг* — журавль колодца (< русск. дужка). Ср. алар.-унг. *һургуи*, вост.-бур. *сах* — то же; юж.-бур. *чааниг*, *чаэниг* — заварник. Ср. зап.-бур. *сыпаэрниг*, вост.-бур. *дэвэр* — то же; юж.-бур. *биидж(э)* — бич. Ср. зап.-бур. *ута минаа*, вост.-бур. *ута ташуур* — то же.

При заимствовании русские слова приспосабливаются к нормам бурятского языка. В отличие от русского в бурятском и других монгольских языках, как известно, наличествует гармония гласных. Отсюда при фонетическом освоении русизмов гласные русского языка согласно закону сингармонизма заменяются соответствующими звуками бурятского языка: цонг. *хүрпээ* < русск. крупа, отруби; шилк.-хамн. *үрүүчкэ* < русск. ручка (школьная), *күүрицэ* < русск. курица.

Русские гласные замещаются артикуляционно и акустически близкими звуками бурятского языка. При этом вместо ударных гласных русского языка в бурятском используются долгие гласные, вместо русских безударных — краткие гласные: юж.-бур. *поол* < русск. пол; юж.-бур. *потолоог* < русск. потолок; сарт. *пинаал* < русск. пенал; кяхт.-цонг. *коовиоог* < русск. ковшик.

Ввиду того, что для бурятских диалектов не характерно стечение двух согласных в абсолютном начале и в конце слова, при заимствовании русских слов происходит процесс их фонетической адаптации: 1) путем вставки гласного: а) между начальными и конечными стеченными согласными (юж.-бур. *күрүүжкэ* < русск. кружка, *түрүүбкэ* < русск. трубка, *кормиисол* < русск. коромысло); б) перед начальным и после конечного стечений согласных (сарт. *ошкоол* < русск. школа, *оснооб* < русск. сноп); 2) путем выпадения одного из согласных при их стечении (цонг. *түүлхэ* < русск. втулка).

Процесс морфологического освоения заимствованных слов происходит согласно грамматическим нормам бурятского языка. При этом заимствования лишаются таких формальных грамматических показателей, как число, род, падеж и пр. Эти показатели прототипов в бурятских говорах воспринимаются как неизменяемая, неразложимая основа: цонг. *боровии* — воробей (< русск. мн. ч. воробьи), сел.-цонг. *лаптуу* — лапта (< русск. вин. пад. в лапту) и т. д.

В лексических заимствованиях из русского языка выделяют слова, сохраняющие свое первоначальное значение, и слова,

подвергшиеся семантическим изменениям. При этом слова с измененной семантикой встречаются значительно реже, чем иноязычные слова, не имеющие отклонений в семантике.

В южнобурятских говорах происходит также процесс замены некоторых исконных и заимствованных из восточных языков слов русизмами и интернационализмами, о чем говорят нередко сами осведомители. Например, информант из села Боргой Джидинского аймака рассказывал, что раньше плиту называли *хандза*, а теперь *учааг* («Урдад хандза гэдэг сэн, мүнөө — учааг»). Слово *учааг* заимствовано из русского языка (< русск. очаг) и восходит к тюркским языкам.

Словарный состав южных и других бурятских говоров будет и в дальнейшем все более и более обогащаться за счет заимствований из русского языка. Такая тенденция является прогрессивной и обусловлена объективными причинами. Как и весь Советский Союз, наша республика многонациональная. Кроме бурят и русских, составляющих большинство ее населения, здесь живут аборигены края эвенки, а также татары, чувашаи, украинцы, белорусы, евреи, армяне, грузины, молдаване, цыгане, литовцы, латыши, болгары, поляки, немцы, китайцы, корейцы. Безусловно, они не могут изучить столь много различных языков и общаться на них. Поэтому в нашей республике, как и во всей стране, невозможно обойтись без общего языка межнационального общения и сотрудничества. В качестве такого универсального средства общения и сотрудничества нации и народности нашей страны добровольно избрали русский язык, который «стал могучим орудием взаимосвязи и сплочения советских народов, средством общения к лучшим достижениям отечественной и мировой культуры»¹. Развивающееся у нас двуязычие — одно из важнейших условий сближения языков и культур народов СССР.

Взаимовлияние русских и бурятских говоров является результатом тесного контактирования их носителей, свидетельством дружбы между русским и бурятским народами, особенно укрепившейся в годы Советской власти благодаря претворению в жизнь ленинской национальной политики КПСС в нашей стране.

¹См.: Т. А. Бертагаев. О заимствованных русских словах в бурятском разговорном языке. — «Зап. ГИК», вып. 1. Улан-Удэ, 1935; Д. А. Алексеев. Обогащение словарного состава бурят-монгольского литературного языка за советский период. — «Зап. БМ НИИК», вып. XX.

Улан-Удэ, 1955; Ц. Б. Цыдендамбаев. Влияние русского языка на развитие бурятского. — «Тр. БКНИИ СО АН СССР», вып. 1. Улан-Удэ, 1959. У.-Ж. Ш. Дондуков. Влияние русского языка на развитие и обогащение лексического состава бурятского языка. Улан-Удэ, 1974.

²См.: А. М. Селищев. Диалектологический очерк Сибири, вып. 1. Иркутск, 1921.

³См.: В. Д. Кудрявцев. О взаимовлиянии русского и национальных языков народов Сибири. — «Тр. Иркутского ун-та», т. 3, вып. 2, 1948.

⁴Написано на материале, собранном мною в Селенгинском, Кяхтинском, Джидинском и Закаменском аймаках БурАССР во время диалектологической экспедиции в 1976 г.

⁵Цонгольский говор распространен главным образом в Кяхтинском, Селенгинском и частично в Бичурском аймаках, сартульский говор — в Джидинском и частично в Закаменском аймаках нашей республики. К цонгольскому и сартульскому говорам близок хамниганский говор, распространенный в основном в южной части Читинской области.

⁶См.: «История Бурят-Монгольской АССР». Под ред. А. П. Окладникова т. 1. Улан-Удэ, 1951, с. 149.

⁷Так как в русском алфавите нет букв, обозначающих эти заимствованные из бурятского языка гласные звуки, мы пользуемся здесь знаками латинского алфавита.

⁸Данный оттенок мы обозначаем здесь буквой в.

⁹Записано от осведомителя Шаньгина М. И., 1910 года рождения из села Цакир.

¹⁰Вместо этого гласного в русском произносится звук более переднего образования: у или ю (по транскрипции Л. В. Щербы) в обозначении современного бурятского гражданского алфавита ү.

¹¹Постановление ЦК КПСС «О подготовке к 50-летию образования Союза Советских Социалистических Республик». М., Политиздат, 1972, с. 15.

ОБ ОБРАТНЫХ ЗАИМСТВОВАНИЯХ В БУРЯТСКОМ ЯЗЫКЕ

Добровольное вхождение бурятского народа в состав России, восприятие более высокой культуры, заимствование богатого хозяйственного опыта русского крестьянина — все это способствовало более быстрому развитию бурятского общества даже в крайне неблагоприятных условиях дореволюционной России.

Не только в хозяйственном и культурном отношении, но и в области языка постепенно стало усиливаться прогрессивное русское влияние. В результате бурятский язык обогатился заимствованиями из русского языка, о чем довольно подробно написано в различных статьях и работах исследователей бурятского языка¹.

В свою очередь русский язык в известной мере также обогатился заимствованиями из монгольских языков. Еще в XIX веке бурятский ученый Д. Банзаров обнаруживал заимствования в русском языке из монгольских и других восточных языков (*куяк, тегилэй, бахтерец, джид, сайдак*). По Т. А. Бертагаеву, монгольские слова в русский язык поступали путем непосредственного контакта монгольских племен с русскими и через посредство других языков. Иллюстрируя некоторые методы выделения монголизмов и тюркизмов, Т. А. Бертагаев определяет как монголизмы в русском языке следующие слова: караул, есаул, мерин, кочерга, богатырь, орда, тесьма, таран, канкан, ясак, ярлык, ямщик, тайга, конура, волдырь².

Кроме этих слов, были заимствованы и другие слова из монгольских языков. По крайней мере, в словарях русского языка³ встречаются слова, которые имеются в монгольских язы-

ках: *аргасун* (навоз, сухой скотский помет на топливо), *аргал* (навоз, назем), *аршан* (ключ хорошей воды, пресный родник), *арчул* (кисет забайкальский), *балаган* (зрелищное сооружение на ярмарках), *будан* (калмыцкая похлебка с мучной подболткой), *бура* (верблюдиха), *бурун* (годовалый бык), *дацан* (храм поклонников ламы у калмыков, бурят), *арса*, *арца* (высушенные остатки после перегонки араки — молочной водки, род сухого сыра, творога), *булат* (азнатская узорчатая сталь), *зерлик* (душистый сибирский папоротник), *зан* (нрав, привычка), *зудыр* (неопрятность), *зудырный* (неопрятный), *тамга* (клеймо), *тарбаган* (сурок), *терлик* (узкий кафтан с талней и короткими рукавами), *сарана* (сибирская красная лилия), *сарлык*, *сарлук* (монгольский или тибетский крупный рогатый скот, як), *урос* (упрямый, норовистый конь), *сундала* (ехать сундала или сундалой — вдвоем на одной лошади), *малахай* (меховая шапка с наушниками) и др.

Некоторые из этих заимствований являются узколокальными.

О словах, употребляемых в речи местных русских на территории Бурятии, Л. Е. Элпасов писал, что «русские заимствовали бурятские и эвенкийские слова в разное время и в разной форме. Наибольшее количество слов, разумеется, было заимствовано в более раннее время: в первые сто-двести лет после прихода русских в Забайкалье. Эти слова в основном относятся к топонимике. К приходу русских большая часть мест, гор, рек, озер, долин, ключей, речек уже носила бурятские и эвенкийские названия»⁴. К ранним заимствованиям относятся также названия некоторых животных. У бурят русские заимствовали: *инзаган* (козленок до полугодового возраста), *еман* (домашний козел), *емануха* (домашняя коза), *ирген* (кастрированный баран), *качерик* (двухгодовалый теленок) и др.⁵.

В процессе взаимодействия бурятского и русского языков наблюдалось такое весьма интересное явление, как обратное заимствование монголизмов из русского языка в бурятский. К таким словам, в частности, относится западно-бурятское *бахтиир*, которое возводимо к русскому «богатырь» < монг. *багатур*. Слово *бахтиир* в основном встречается в фольклорных произведениях. Например:

Оролсожо ябхадаа
Алтан мунгун уляаһан
Ургажа байбал даа.
Тэрэ ехэ уляаһай
Гушан гурбан бахтиирай

А там на пути их
Осина росла,
Золотистой она, серебристой была.
Самый сильный
Среди тридцати трех баторов —

Эгээн эхэ бахтирин
Агсагалдай улаан бахтир ла
Булга татан хаябал даа.

Красный батор Агсагалдай —
Ту осину громадную
выдериув, выкинул вон⁶.

На почве бурятского языка слово «богатырь» претерпело фонетическую модификацию по нормам данного языка. В частности, трехсложное слово превратилось в двухсложное с выпадением краткого гласного *а* между ними, в результате чего согласный *г* под ассимилирующим влиянием глухого *т* стал слышаться как *х*. В исконно бурятских словах *т* перед долгим *ии* является палатализованным, поэтому звук *ы* перешел в долгий *ии* со смягчением предшествующего *т*.

М. П. Хомонов также считает, что слово *бахтиир* — обратное заимствование от «богатырь» и уже не стало восприниматься в прежнем значении, а несколько расширилось⁷. Правда, в чем выражается расширение значения данного слова, автор полностью не раскрывает и переводит *бахтиир* как «батор», которое, в свою очередь, является русским заимствованием бурятского слова *баатар* (богатырь).

В монгольских языках встречается распространенное слово *даха* (тулун: шуба, надеваемая сверху верхней одежды мехом наружу), которое, видимо, было заимствовано русским языком в старину, так как зарегистрировано повсеместно и приводится в словаре М. Фасмера⁸ со ссылкой на В. Даля, Рылеева, Рамstedта, Гомбоца.

Это же слово в виде *даку*, *даху*, *дахо* бытует в тунгусо-маньчжурских языках.

Вероятно, слово *даха* заимствовано русским и тунгусо-маньчжурским языками из монгольских языков. При этом оно претерпело фонетические изменения по нормам, в частности, русского языка. Была нарушена гармония гласных, в результате чего *а* модифицировалось в *о*, а второе *а* стало ударным. *Доха* стала обозначать также «шубу мехом внутрь»⁹. В таком же облике слово *доха* обратно заимствовано бурятским языком.

В монгольских языках встречается слово *хабха* — капкан (приспособление для ловли зверей). Данное слово в этом же значении заимствовано русским языком. Оно распространено повсеместно и зарегистрировано в словарях В. Даля¹⁰, А. Г. Преображенского¹¹, Н. М. Шанского¹² и других.

В указанных словарях, а также в «Этимологическом словаре русского языка» М. Фасмера сказано, что слово *капкан* заимствовано из тюркских языков¹³.

Мы предполагаем, что слово *капкан* заимствовано русскими

в Забайкалье и Восточной Сибири у бурят, а дальше — на западе и в Европейской части России — у тюркских народов, что подтверждается работами ряда исследователей.

Теперь это слово обратно заимствовано бурятами в том же значении, но в русском фонетическом оформлении, что зафиксировано в «Вурятско-русском словаре»¹⁴. Поэтому не приходится удивляться, когда говорят *хабхаан табиха* (зап.-бур.) — ставить капкан. В то же время параллельно с ним существует слово *хабха* (*хабха табиха* — ставить капкан) в восточно-бурятских говорах, в которых сохраняется его исконная форма.

В разговорном бурятском, монгольском и калмыцком языках используется слово *улат/улас* (народ, люди). Русский язык заимствовал это слово в значении «улус у калмыков и сибирских инородцев», «собрание жилых хижин, оседлых и кочевых юрт, кибиток», «селенье», «табор»¹⁵. В «Большой Советской Энциклопедии» отмечено, что «улус» (алт. и тув. — *народ*, казах. — *племя*, бур. *улас* — страна, государство) — термин для территориальных и социальных группировок населения у народов Центральной и Средней Азии и Сибири в прошлом. Улусом назывались как большие феодальные образования, так и отдельные группы (стойбища) кочевников и оседлые поселения. В этом последнем смысле употребляли слово «улус» и русские казаки в Сибири в XVI—XVII вв. «Улусными мужиками» русские служилые люди в Сибири называли основную массу местных рядовых свободных людей в отличие от родовой и феодальной знати (князьцев) и рабов (холопов)»¹⁶.

При обратном заимствовании слово «улус» подверглось некоторым фонетическим и семантическим изменениям. Исконное у заменилось мягкорядной фонемой ү. Из всех значений осталось только одно: «населенный пункт, поселок».

Слово *хотон*¹⁷ (аул, поселение) заимствовано русским языком давно. В словаре В. Даля читаем: «Хотон — калмыцкий аул»¹⁸.

В результате взаимодействия языков русский язык в 1950—1960 годах вторично заимствовал это слово из бурятского, но уже с новым содержанием — утепленный соломой (со всех сторон и передко сверху) загон для овец. При этом, согласно произносительным нормам русского языка, бурятское *хотон* изменилось в *катон* с ударением на последнем слоге. Русский язык заимствовал названное слово в результате распространения в Забайкалье прогрессивного метода содержания овец в зимних условиях в загонах, защищенных от ветра соломенными снопами¹⁹.

Возникшее в русском языке слово «катон» вновь заимствовало бурятами в значении «утепленный загон для овец». Это слово в разговорной речи произносится в русифицированном виде — *катон*, хотя в периодической печати пока сохраняется его исходная бурятская форма — *хотон*.

В монгольских языках имеется слово *үтэгэн* (богиня земли и плодородия). Видимо, с ним связано слово *үтэг*, которым буряты называли унавоженные сенокосы. Русские заимствовали слово *үтэг* и подвергли его незначительным фонетическим изменениям. В результате получилось русское *утуг* с ударением на последнем слоге. От заимствованного слова *утук* в русском языке были образованы другие имена и глаголы, например, *утугование лугов*, *утужное сено*²⁰.

Данное слово в форме *үтүүг* буряты вновь заимствовали из русского языка, несколько изменив при этом его значение: «удобренный сенокос на бывших стойбищах».

Из множества монгольских топонимов, заимствованных русским языком, возьмем для рассмотрения два.

В «Сокровенном сказании монголов» и других исторических памятниках упоминается река Эргүнэ, которая, сливаясь с Хан-мүрэн, образует одну большую реку²¹. Русские, заимствуя название этой реки, превратили Эргүнэ в Аргунь. Гидроним Аргунь в результате обратного заимствования вновь вошел в бурятский язык, но уже в новой, русифицированной форме.

Другим топонимом подобного рода является слово «Даурня». До XVII века так называлась в Забайкалье и частично в Приамурье (в бассейне рек Шилки, Аргуни, Зеи, Буреи, отчасти Сунгари и Уссури) область, населенная даурами²².

Слово «Даурня» образовано русскими от этнонима *дагур*, носители которого населяли Восточное Забайкалье и частично Приамурье (монг. *dagur*, калм. *daɣur*, бур. *daɣur* — дауры, даурский, народность в Маньчжурии)²³.

Буряты обратно заимствовали это слово. В настоящее время они произносят его с ударением или с долготой гласного на последнем слоге.

Слова монгольского происхождения проникали в русский язык и в средние века и в наше время. После появления русских в Забайкалье бурятский язык стал в свою очередь заимствовать русскую лексику, причем наряду с чисто русскими или интернациональными словами в него входили и слова, воспринятые некогда русскими от монгольских народов (обратные заимствования).

¹См.: А. Н. Боржонова. К вопросу о взаимоотношении между бурятами и русскими. Иркутск, 1926; ее же. К вопросу о влиянии русского языка на бурятский. Иркутск, 1927; Т. А. Бертагаев. О заимствованных русских словах в разговорном бурятском языке. «Зап. Ин-та культуры», вып. 1. Улан-Удэ, 1935; Ц. Б. Цыдендамбаев. Влияние русского языка на развитие бурятского. «Тр. БКНИИ СО АН СССР», вып. 1. Улан-Удэ, 1959; Ц. Б. Будаев. Из истории русских заимствований в бурятском языке (послеоктябрьский период). «К изучению бурятского языка». Улан-Удэ, Бурят. кн. изд-во, 1969; Ц. Б. Будаев, П. Ф. Калашников. О некоторых русских заимствованиях в бурятском языке дореволюционного периода. «К изучению бурятского языка». Улан-Удэ, Бурят. кн. изд-во, 1969; К. М. Черемисов. О ранних заимствованиях в бурятском языке. — «Свет над Байкалом», 1956, № 4.

²См.: Т. А. Бертагаев. К вопросу о взаимовлиянии языков. (О монголизмах и двуязычии). «Взаимодействие и взаимообогащение языков народов СССР». М., «Наука», 1969, с. 55.

³М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка. Т. I. М., «Прогресс», 1964; т. II, 1967; т. III, 1971; В. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I—IV. М., ГИС, 1955.

⁴Л. Е. Элиасов. Бурятские и эвенкийские заимствования в языке русского старожилого населения Забайкалья. — «Развитие литературных языков народов Сибири в советскую эпоху». Улан-Удэ, Бурят. кн. изд-во, 1965, с. 97.

⁵См.: Там же, с. 98.

⁶«Абай Гэсэр-хубун. Эпопея. (Эхирит-булагатский вариант)». Подготовка текста, перевод и примечания М. П. Хомонова. Ч. I. Улан-Удэ, 1961, с. 48.

⁷См.: М. П. Хомонов. Русские заимствованные слова в улигерной поэтике бурят. «Тр. БКНИИ», вып. I. Улан-Удэ, Бурят. кн. изд-во, 1959, с. 140.

⁸М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка, т. I, с. 485, 532.

⁹«Словарь русского языка». Т. I. М., Гос: изд-во иностр. и нац. словарей, 1957, с. 597.

¹⁰В. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка, т. II, с. 88.

¹¹А. Г. Преображенский. Этимологический словарь русского

¹²Н. М. Шанский, В. В. Иванов, Т. В. Шанская. Краткий этимологический словарь русского языка, с. 186.

языка, т. I. М., ГИС, 1959, с. 294.

логический словарь русского языка, с. 186.

¹³М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка, т. II, с. 186.

¹⁴«Бурятско-русский словарь». Составитель К. М. Черемисов. М., СЭ, 1973, с. 527.

¹⁵В. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка, т. IV, с. 48, 49.

¹⁶«БСЭ», 2-е изд. Т. 44, изд-во БСЭ (1956), с. 192, 193.

¹⁷Т. А. Бертагаев. Лексика современных монгольских литературных языков. М., «Наука», 1974, с. 44, 45.

¹⁸В. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка, т. IV, с. 562.

¹⁹См.: Журн. «Агитатор», 1976, № 3, с. 31.

²⁰И. А. Асалханов. Влияние вхождения Бурятии в состав России на хозяйственное и общественное развитие бурят. — «Тр. БКНИИ СО АН СССР», вып. I. Улан-Удэ, Бурят. кн. изд-во, 1959, с. 32.

²¹С. А. Козин. Сокровенное сказание. Т. I. М.-Л., Изд-во АН СССР, 1941, с. 116.

²²Краткая географическая энциклопедия. Т. I. М., Изд-во «Советская энциклопедия», 1960, с. 524.

²³См.: М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка, т. I, с. 187.

К ПРОБЛЕМЕ ФОРМИРОВАНИЯ РУССКИХ ГОВОРОВ ЗАБАЙКАЛЬЯ

Русские говоры Бурятии мало изучены. Имеются лишь отдельные исследования¹. Между тем русскоязычное старожильческое население здесь представлено несколькими исторически сложившимися социально-этнографическими группами: потомками первых насельников края — казаков, старожильческим крестьянским населением, семейскими (забайкальскими старообрядцами) и так называемыми карымами — то есть обрусевшими аборигенами, постепенно забывшими родной язык и перешедшими на русскую речь.

Наличие подобных этнографических групп — явление, характерное в целом для Сибири. «В процессе трехвекового заселения... в ней сложилось в принципе на единой этнической основе русское старожильческое население, среди которого существовали узкие этнографические группы (в силу территориальной обособленности или социально-религиозной замкнутости), длительное время сохранявшие элементы культуры в неизменном виде»².

Русские старожильческие говоры Бурятии, как и вообще сибирские, — говоры территорий поздних заселений. Как указывает Л. И. Баранникова, «одной из характерных особенностей территорий позднего заселения оказывается наличие на них в тесном контакте говоров разного типа в соседстве с разными языками». Междialeктное и межязыковое контактирование приводит «к развитию фактов языковой и диалектной интерференции»³. Формирование и развитие изученных сибирских говоров подтверждает эти положения. Северновеликорусские в своей исторической основе старожильческие говоры Сибири не только

влиятельны на южно- и средневеликорусские говоры поздних поселенцев, но и сами в той или иной мере испытали влияние последних, а также и некоторое влияние местного нерусского населения. Так, рассматривая проблему развития аканья в окающих сибирских говорах, Н. А. Цомакион отмечает, что в одних случаях «окающие говоры старожилов развили аканье под влиянием близкого и длительного соседства с акающими говорами более поздних поселенцев»⁴, в других — под воздействием языка иной системы. Таковы говоры среднего Причунья Иркутской области, описанные В. Ф. Ивановой. «... Здесь на формирование говора оказала влияние система эвенкийского (акающего) говора, сказавшаяся и в ряде особенностей консонантизма и лексики»⁵, — пишет далее Н. А. Цомакион.

За последние годы сибирскими диалектологами (В. А. Сенкевичем, В. В. Палагиной, П. Н. Немировой, В. И. Пановым, К. М. Браславцем, В. В. Алехиной, М. А. Романовой, О. А. Любимовой и др.) описано значительное количество старожильческих говоров, отражающих разные степени перехода от окающего вокализма к акающему, а также северновеликорусских в своей основе акающих говоров. Эти работы выдвинули в качестве одной из актуальных проблем сибирской диалектологии — проблему образования акающих говоров средневеликорусского типа. Процесс перехода от окающего вокализма к акающему в сибирских старожильческих говорах по сравнению с средневеликорусскими европейскими говорами представляет тем больший интерес, что он происходил в другое время и при других условиях.

Частью этой большой проблемы является проблема формирования «акающих» русских старожильческих говоров Бурятии, специфика которых заключается в том, что это — говоры территорий еще более поздних заселений по сравнению, например, с Западной Сибирью. Сравнительно более позднее заселение данного региона объясняется, во-первых, большой его отдаленностью, во-вторых, тем, что это порубежный район: долгое время «за Байкалом сохранялось еще весьма неустойчивое положение, не гарантировавшее земледельцу и ремесленнику условий полной безопасности, нормальной хозяйственной деятельности»⁶. Вопрос о заселении, расселении и этапах сложения русского старожильческого населения Забайкалья разработан недостаточно. Изучение русских говоров этого региона, вероятно, в какой-то степени может помочь решению вопросов исторического порядка, так как очевидно, что проблема формирования забайкальских русских говоров потребует решения не только лингвистических, но и историко-этнографических задач. «В работе над

говорами новой формации, — подчеркивает Г. А. Турбин, — большая роль должна принадлежать истории этнических групп»⁷.

Как уже отмечалось, старожильческое русское население Бурятии представлено несколькими исторически сложившимися социально-этнографическими группами. Из истории Забайкалья известно, что первыми насельниками края были енисейские казаки⁸. «Особенностью первоначального освоения Забайкалья было преобладание не крестьянской, а военно-служилой (казачьей) колонизации»⁹.

В XVIII веке численность забайкальского крестьянства значительно увеличилась за счет переселения из бывших Могилевской и Черниговской губерний (Ветки и Стародуба) старообрядцев, получивших в Забайкалье местное название «семейские».

В сложении русского населения Бурятии, а также в языковом общении между русскими и бурятами известную роль сыграли карымы (или как их еще часто называли, ясачные). Эта группа населения возникла во второй половине XVII века на почве семейно-бытового сближения русских и, в основном, крещеных аборигенов края. Один из известных сибиреведов прошлого века Н. М. Ядринцев в своей работе «Сибирь как колония» писал: «Самое характеристическое явление в этнографической организации восточно-сибирского населения представляют так называемые «ясачные». Это крещеные буряты, женившиеся на русских женщинах»¹⁰. «Все чаще и чаще русские женятся на крещеных бурятках... и поколения их опять сливаются с русским населением»¹¹. Таким образом, русское население Забайкалья с определенного времени уже увеличивалось не столько за счет переселенцев из разных мест России и Сибири, сколько за счет обрусения местного населения¹².

На основании историко-этнографических условий сложения забайкальского русского старожильческого населения и с учетом того, что «в XVII—XVIII вв. сибирские старожилы образовались преимущественно на основе северо- и лишь отчасти, среднерусского населения»¹³, можно заключить, что первое постоянное русское население Забайкалья, в том числе Бурятии, было по своему происхождению севернорусское. С середины XVII века, особенно после проведения Московского тракта, ставшего основной дорогой в Сибирь, усиливается заселение Забайкалья непосредственно из Европейской России средне- и южнорусами¹⁴.

Справедливо утверждение Н. А. Цомакион: «...длительное совместное существование на сибирской территории различных

говоров северного наречия привело к тому, что возник некий средний тип говора, своего рода севернорусское койне»¹⁵. Поэтому не исключено, что первые насельники Забайкалья пришли уже с таким сложившимся в Западной Сибири «севернорусским койне».

По имеющимся предварительным данным, старожильческие русские говоры Бурятии (кроме говоров семейских), в основных своих чертах близки к средневеликорусским, что позволяет предположить несколько путей их формирования:

1) на северновеликорусской основе (или на основе возникшего севернорусского койне) под влиянием южно- и (в основном) средневеликорусских говоров более поздних поселенцев выработался тип говоров, близких к средневеликорусским;

2) в результате междialeктного взаимодействия на территории Бурятии произошла утрата ряда специфических черт взаимодействующих диалектов и образовалось близкое к средневеликорусским говорам «забайкальское койне»;

3) ввиду слабой заселенности Забайкалья до середины XVII века переселенческие волны из среднерусской полосы во второй половине — конце XVIII в. ассимилировали в языковом отношении первых насельников края (севернорусов). В таком случае старожильческими будут уже считаться не северновеликорусские в своей основе говоры потомков первых жителей Забайкалья, а диалект более поздних поселенцев — среднерусов.

Говоры постоянного населения Бурятии, северновеликорусские по своему характеру, оставили заметные черты: смычное образование заднепечной фонемы [г] и ее чередование с [к] в конце слова, утрата интервокального «йота» и последующее стяжение гласных в глагольных формах и в формах прилагательных, утрата [т] в конечном сочетании [сг], наличие долгих твердых шипящих, употребление глагольных форм 3 л. ед. и мн. числа с твердым [т], наличие постпозитивных частиц -то, -та и другие. Лексика старожильческих говоров также в основном северновеликорусская.

Среди русских говоров Забайкалья выделяются говоры семейских. По мнению ряда исследователей (А. М. Селищева, П. Ф. Калашникова, В. А. Бельковой, В. И. Копыловой, Е. И. Тынтуевой), говор забайкальских старообрядцев — южновеликорусский. Развивавшийся в условиях инодиалектного и иноязычного окружения, он испытал влияние со стороны окружающих старожильческих говоров, а в области лексики — и бурятского языка. П. Ф. Калашников на основании наблюдений над говорами

старообрядцев, проживающих на территории БурАССР, отмечает, что «современные семейские говоры неоднородны. Условно делим их на 2 группы: а) говоры с хорошо сохранившимися архаическими южнорусскими чертами, б) говоры южнорусские со значительным среднерусским наслоением»¹⁶.

Итак, на основании высказанных замечаний о русских старожильческих говорах Бурятии и историко-этнографических условиях их формирования можно сделать следующие выводы.

1. Русские старожильческие говоры на территории Бурятии, оторвавшись от материнских говоров, в течение длительного времени развивались в результате взаимодействия диалектов разного типа и в условиях иноязычного окружения.

2. Эти говоры (кроме группы южновеликорусских семейских говоров) близки, но не тождественны европейским средне-великорусским говорам, так как развивались в специфических историко-этнографических условиях и имели различное исходное соотношение северо-, южно- и средневеликорусских черт.

3. На территории Бурятии — территории более поздних заселений — действовали местные тенденции языкового развития, отразившие специфику местных диалектных систем, которые представляют собой новообразования, возникшие в результате междиалектного и межязыкового взаимодействия. Выяснение этих тенденций, изучение фактов диалектной и языковой интерференции и т. д., другими словами, решение проблемы формирования русских говоров Бурятии, будет иметь значение не только для ряда проблем развития говоров на территориях поздних заселений, но окажется «весьма перспективным в теоретическом отношении (теория языковых контактов, соотношение внутреннего и внешнего в развитии языка и т. д.)»¹⁷.

4. Особый интерес представляют факты диалектной и языковой интерференции в говорах карымов, бывших сначала двуязычными, а затем постепенно утратившими свой родной язык и перешедшими на русский с последующим полным слиянием с русским населением. Следствием межязыковых контактов в говоре карымов, как и в говорах других групп русского населения Бурятии (в говоре первых особенно), являются заимствования из бурятского языка. Изучение явлений фонетической адаптации, субституции звуков, изменений морфологии слова, лексических значений, происходящих при заимствовании, будет иметь значение для выявления закономерностей межязыкового контактирования. Значительный интерес представляет в говоре карымов и один из частных случаев языковой интерференции — субстрат.

Как подчеркивает А. И. Федоров, «общая задача — последовательно описать диалектные явления русских говоров Сибири — не снята и в наше время, хотя сейчас ее надо решать (и частично она уже решается) с учетом достижений современного общего языкознания»¹⁸.

¹См., например, кандидатские диссертации: К. А. Молодых. Бытовая лексика говора русского старожильского населения Тункинского р-на БурАССР. Иркутск, 1968; Ю. И. Кашевская. Оценочные субстантивные и адъективные наименования лиц в говоре с. Кабанск. Томск, 1971; Е. И. Тынтуева. Бытовая лексика говора «семейских» Забайкалья. Л., 1974.

²«Проблемы изучения материальной культуры русского населения Сибири». М., «Наука», 1974, с. 4.

³Л. И. Бараникова. К проблеме изучения и формирования языков и диалектов на территории позднего заселения. — «Вопр. славянского языкознания». Саратов, изд-во Саратов. ун-та, 1968, с. 43.

⁴Н. А. Цомакион. Русские старожильские говоры Сибири. — «Мат-лы и исслед. по рус. лексикологии и сиб. диалектологии». Красноярск, 1971, с. 69.

⁵Н. А. Цомакион. Указ. соч., с. 70.

⁶См.: Л. В. Машанова. Хозяйственное освоение Забайкалья в конце XVII — начале XVIII вв. Автореф. канд. дисс. М., 1974, с. 1; Г. А. Леонтьева. Служилые люди Восточной Сибири во второй половине XVII — I четверти XVIII вв. Автореф. канд. дисс. М., 1972.

⁷Г. А. Турбин. Русские говоры южного Урала. Автореф. докт. дисс. М., 1973, с. 4.

⁸См.: И. П. Золотухин. Завоевание русскими Забайкалья. Владивосток, 1909, с. 6—9; В. Гирченко. Краткий очерк истории Прибайкалья. Верхнеудинск, 1927, с. 1—2.

⁹См.: Л. В. Машанова. Указ. соч., с. 18.

¹⁰Н. М. Ядринцев. Сибирь как колония. СПб., 1882, с. 17.

¹¹Там же, с. 23.

¹²См.: М. А. Романова. К вопросу формирования сибирских говоров. Автореф. канд. дисс. М., 1967.

¹³«Проблемы изучения материальной культуры русского населения Сибири». М., «Наука», 1974, с. 15.

¹⁴См.: А. Д. Григорьев. Устройство и заселение Московского тракта в Сибири с точки зрения изучения русских говоров. «Изв. Ин-та исследования Сибири». Томск, 1921; В. В. Шунков. Очерки истории колонизации Сибири в XVII—XVIII вв. М.-Л., 1946 и др.

¹⁵Н. А. Цомакион. Указ. соч., с. 68.

¹⁶П. Ф. Калашников. К изучению говора семейских. — «Тр. кафедр рус. яз. вузов Вост. Сибири и Дальнего Востока», вып. IV. Улан-Удэ, 1966, с. 36.

¹⁷А. Б. Пенниковский. К проблеме смешанных и переходных говоров. — «Уч. зап. Владимир. гос. пед. ин-та». Владимир, вып. 2, 1969.

¹⁸А. И. Федоров. Проблема изучения русских говоров Сибири. — «Изв. Сиб. отд. АН СССР», вып. 1. Новосибирск, 1968, № 1, с. 96.

ВЛИЯНИЕ РУССКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ НА РАЗВИТИЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ БУРЯТСКОГО ЯЗЫКА

Русский язык оказал огромное влияние на развитие и обогащение фразеологического фонда бурятского языка.

Более широко эта проблема в бурятоведении была затронута в книге Ц. Б. Будаева «Фразеология бурятского языка». Автор в своей работе правильно считает, что «после революции одним из важных источников пополнения бурятской фразеологической системы стал русский язык, из которого заимствуются и калькируются многие бурятские фразеологизмы. Это является одной из общих закономерностей развития бурятской фразеологии за советский период»¹.

В данной статье мы попытаемся осветить вопросы влияния русской фразеологии на становление и развитие фразеологической системы бурятского языка. В частности, здесь будут рассмотрены фразеологизмы, имеющие лексико-грамматическую структуру словосочетаний и составляющие подавляющее количество русских фразеологических заимствований в бурятском языке.

Огромные перемены, происшедшие в общественной жизни бурят за годы Советской власти, сопровождались появлением у них новых понятий, доселе неизвестных им, и образованием в их языке целого ряда новых слов и фразеологизмов.

Многие фразеологические заимствования из русского языка перешли в бурятский в результате калькирования, при котором фразеологизмы переводятся на бурятский язык дословно и сохраняют свое прямое и переносное значения. Так образованы, например, фразеологизмы бурятского языка *түмэр харгы* (желез-

ная дорога), *морин тармуур* (конные грабли), *хэмэл одон* (искусственная звезда), *нэгэ жэгдэ хүдэлөөн* (равномерное движение), *зэбсэгтэ хүсэнүүд* (вооруженные силы), *ажалай баатар* (герой труда), *ангийн тэмсэл* (классовая борьба), *улаан булан* (красный уголок), *замай залууршад* (маяки производства), *богоол эзэмдэлгэтэ байгуулалта* (рабовладельческий строй) и другие.

Большое место среди русских фразеологических заимствований в бурятском языке занимают фразеологические полукальки. Например, фразеологизмы бурятского языка *экзамен бариха*, *Совет засаг*, *оёдолгой машина*, *социализмын орон* и *политическэ үзэл* образовались в результате полукалькирования русских *держатъ экзамен*, *Советская власть*, *швейная машина*, *социалистическая страна* и *политический взгляд*, один из компонентов которых при этом переведен на бурятский язык соответствующим словом, а другой сохранен в том же виде.

Часто встречаются в бурятском языке русские фразеологические заимствования. Их характерной особенностью является то, что при переходе из русского языка в бурятский они сохраняют свою основную лексико-грамматическую структуру, претерпевая лишь незначительные фонетико-морфологические изменения. Таковыми являются бурятские фразеологизмы *ленинскэ парти* (ленинская партия), *промышленна предприяти* (промышленное предприятие), *совет литература* (советская литература), *Коммунист партиин программа* (программа Коммунистической партии), *пролетариадай диктатура* (диктатура пролетариата).

Определенная часть заимствованных фразеологизмов бурятского языка образовалась при калькировании и полукалькировании русских сложных слов. К ним относятся фразеологизмы бурятского языка *хамтын байра* (общезитие), *һүн тэжээлтэн* (млекопитающие), *эд бараанай эрьсэ* (товарооборот), *ажалта үдэр* (трудодень), *машина бүтээлгэ* (машиностроение), *радио дамжуулга* (радиопередача).

Некоторые фразеологические неологизмы бурятского языка появились при переводе отдельных русских слов описательным способом. Например, фразеологизмы *буу зэбсэг хуряалга* (разоружение), *хараа шугам* (линия), *нюргата амитан* (позвоночные), *уралан нарижуулагша* (рационализатор), *ухаалан зохогшо* (изобретатель).

Некоторые русские и бурятские фразеологизмы, имеющие семантическое сходство, возникли не вследствие калькирования, а независимо друг от друга. По-видимому, их сходство обусловлено тем, что под влиянием аналогичных условий жизни

люди мыслят одинаково. В связи с этим лексико-семантические стороны различных языков имеют общие черты в своем развитии. Поэтому в разных языковых системах появляются фразеологизмы, близкие по значению и напоминающие кальки. Можно привести следующие примеры фразеологических соответствий русского и бурятского языков: золотая осень — *алтан намар*, каменное сердце — *шулуун зүрхэн*, холодная душа — *хүйтэн сэдьхэл*, черная душа — *хара сэдьхэл*, мягкая душа — *зөөлэн сэдьхэл*, глубокий ум — *гүнзэги ухаан*, легкое поведение — *хүнгэн зан*, ядовитое слово — *хорон үгэ*, дать слово — *үгэ үгэхэ*.

Занятые русские фразеологизмы являются в основном общеупотребительными и составляют активный фразеологический запас бурятского языка. Они встречаются во всех стилях устной и письменной речи бурятского языка, обладая различными стилистическими окрасками.

Фразеологизмы, вошедшие в бурятский язык из русского, составляют различные тематические группы. В наибольшем количестве такие обороты содержатся в общественно-политической, сельскохозяйственной, научно-технической терминологии. Они способствуют обогащению фразеологического богатства бурятского языка.

¹Ц. Б. Будаев. Фразеология бурятского языка. Улан-Удэ, Бурят. кн. изд-во, 1970, с. 66.

ОБ ЭВЕНКИЙСКИХ ЭЛЕМЕНТАХ В ЭТНИЧЕСКОМ СОСТАВЕ И ЯЗЫКЕ БУРЯТ

Истоки этнической связи бурят с эвенками, судя по материалам исторических легенд бурятского народа, имеют очень большую давность.

В широко известной легенде о Буха-нойоне, проникшей в летописную литературу бурят, повествуется, по одной версии, что шаманка Асуйхан усыновила Булагата, Хоридоя и Эхирита¹, по другой — родила Бурядая и Хоридоя². Нас интересует имя праматери бурят Асуйхан, которое расшифровывается на базе эвенкийского языка и означает «красавица»³. Следовательно, еще в древности буряты имели взаимобращные отношения с эвенками, что и сказалось в создании обобщенного образа-эпонима бурятской праматери-эвенкийки Асуйхан.

У эхиритских бурят Иркутской области бытует версия, согласно которой седьмой сын Хадалая⁴ Хамнагадай родился от эвенкийки. Это вполне возможно, потому что, во-первых, потомки Хамнагадая, состоящие из четырех ветвей: Убхэ, Башун, Шарма и Шодор — живут в таежной местности Кырма, расположенной недалеко от рек Илги и Баркя, по которым в свое время обитала часть верхоленских эвенков; во-вторых, имя самого Хамнагадая буквально означает «происшедший от хамниганов-тунгусов, то есть от эвенков». Хамнагадай, как полагают его потомки, жил где-то в начале XVI века.

Случаи женитьбы бурят на девушках эвенкийского происхождения в ряде мест Бурятии, по-видимому, были довольно обычным явлением. Например, жители местности Хатар Баяндаевского района Иркутской области рассказывают, что раньше

была популярной песенка: *Зуун хараан Зуугамнаэ, Зуугаэн хамнагад нагъсамнаэ* (Зогин⁵ от нас находятся в ста верстах, а зогинские эвенки — наши родственники по матери).

В селе Нагатай, находящемся в местности Кырма, нам сообщили: *Ганшагтаэ изиимнаэ хамнаган йаһатаэ, эрэ хүүмнаэ баряад йаһатаэ йэм гээд гэлэжи һуугши аан*⁶ (Прежде говорили, что женщины наши произошли от эвенков, а мужчины наши — от бурят).

Такие села Баяндаевского района Иркутской области, как Таба, Хогот, местности по Качугу: Кулинга, Анга и Манзурка — тоже имели взаимобрачные связи с эвенками.

Труднее поддаются выяснению факты усыновления бурятами эвенкийских детей, хотя иногда встречаются упоминания об этом. В частности, хоринские буряты, интересующиеся своим прошлым, до сих пор считают, что Цыден-Доржи Аюшеев, занимавший пост главного тайши Хоринской степной думы с 1890 года по 1898 год, происходил от эвенков и что его отец был эвенком. Во время экспедиционной поездки по Алари (Иркутская область) в 1962 году в селе Халта мы встретились с М. Н. Бадмаевым (1930 г. рожд.), усыновленным в детстве бурятом Бадмаевым. В Тунгусах живут родные дяди М. Н. Бадмаева — эвенки Кукаевы.

Наиболее многочисленными являются сведения относительно обурячивания, быть может, небольших, но все же целых групп эвенков, сохранивших свои родовые названия.

Среди унгинских бурят Аларского района Иркутской области проживают представители зомотского рода. Относительно их предка существует легенда, что эвенк Зомот жил (должно быть, в начале XVII века) где-то на правом берегу Ангары и что буряты нойотского рода братья Туман и Зуман, поссорившись с Зомотом, вынуждены были перебраться на левобережье Ангары. Действительно, приангарские нойоты живут в двух местах: одни из них на правом берегу Ангары, повыше (то есть южнее) Балаганска, в Усть-Удинском районе, другие — на левобережье, в селах Нельхай, Апхайта, Балтуй и других. Последние как раз и считают себя потомками названных выше двух братьев.

Кроме того, про Зомота рассказывают, что Баргад хүүни басъган, онход хүүни бэрэ — Муудаэ нбии, Оигоэн төөдээтээ золдо йэръһэн Зомоод (Найденыш Зомот был приведен со старушкой Онгоя по имени Мудай-ибий, баргутской дочерью и онхотской невесткой). По легенде, Онгой, вероятно, после какого-то набега (попутно заметим, что по Осе и Унге живут буряты

онгойского рода) взял себе в жены баргутку Мудай-ибий, которая являлась до этого невесткой эвенка онхотского рода и была приведена с сыном по имени Зомот. Нельзя, видимо, считать случайным тот факт, что потомки Зомота, хотя мать последнего и стала женой Онгоя, не относят себя к онгойскому роду. Правда, они не считают себя и онхотцами.

Зомотцы могли быть выходцами из Западной Монголии. Если это соответствует действительности, то может оказаться, что они представляют собой омонголившихся эвенков.

Среди молькинских бурят, проживающих в Усть-Удинском районе, выше Балаганска, и являющихся преимущественно нойотами, встречаются представители так называемого наратского рода. По воспоминаниям здешних бурят, раньше по Молькинскому хребту жили эвенки (хамнагад). Учитывая это и помня, что когда-то и зомотцы обитали на правом берегу Ангары, то есть где-то в этих же местах, возникает вопрос: не являются ли нараты, вошедшие теперь в состав молькинских бурят, в своем прошлом эвенками? В наших материалах, к сожалению, нет таких данных, ссылаясь на которые, можно было бы более определенно ответить на поставленный вопрос.

Историки, основываясь на архивных документах, пишут, что в XVII веке в Балаганский острог платили ясак эвенки борондоева и харанутского родов и что они впоследствии обурятились⁷. Однако это еще нужно проверить. Эвенкийское прошлое харанутского рода также ставится под сомнение. Борондоев род, предположительно, имеет ойрат-монгольское происхождение.

Большей частью в современных Тункинском и Закаменском аймаках Бурятской АССР, частично среди китойских и идиинских бурят Иркутской области проживают шошолыки (шошоологууд), которых устная традиция бурят чаще всего относит к хонгодорам⁸ или близким к ним родам, но изредка считает их эвенками⁹. В Иркутской области — по Алари и Китою, в одном-двух селах Куды, а в Бурятской АССР — в Мухоршибирском аймаке живут долонгуты (долоонгууд), которые в Добайкалье примыкали к хонгодорам, а в Забайкалье — к гучитскому роду хоринских бурят.

Если придерживаться устной традиции бурят, то было бы затруднительно отнести шошолыков и долонгутов к бывшим эвенкам, но вместе с тем они не могут быть без спора включены в состав какого-либо бурятского племени. Некоторые историки склонны считать интересующие нас роды эвенкийскими. Например, Б. О. Долгих пишет: «Возможно, что **Цысолики** (выделено

нами. — Ц. Ц.) — это тунгусский род, может быть родственный загачинам ... занимавший район расселения хонгодоров до их прихода и ими монголизированный»¹⁰. Кроме того, Б. О. Долгих указывает, что «другим племенем тунгусов Нерчинского уезда были намяты (или намясинцы). Они состояли из родов Каранамят, Сино-намят, Поинкин, Конур, Долот (выделено нами — Ц. Ц.), Чипчинут, Джалтот»¹¹.

На восточных окраинах территории расселения хоринских и агинских бурят попадаются небольшие группы обурятавшихся эвенков. Так, в Телембе (Еравнинский аймак Бурятской АССР) рассказывают, что к здешнему шарайтскому роду хоринских бурят в свое время (когда именно, не знают, но указывают, что это было задолго до революции) присоединилось несколько дворов эвенков пуцагатского рода (пуусагад хамниган). В селе Авдее Читинского сельского района проживает несколько дворов бывших эвенков баликагирского рода (балихаагир хамниган)¹², присоединившихся к местным хусаевцам¹³.

В местности Уртуй Могойтуйского района Агинского Бурятского национального округа в данное время насчитывается 6—7 дворов бурят, принадлежавших в прошлом хамниганам-улятам. В местности Будлан Агинского района того же округа есть группа балтягинских шарайтов (балтяган шараэд), то есть бывших хамниганов балтягинского рода, присоединившихся к местному шарайтскому роду агинских хори-бурят. Имеется глухое упоминание, что балтягины были и среди гучитов, относимых бурятами к одиннадцати хоринским родам.

Так называемые конные тунгусы (хамниганы) бывшей Урульгинской думы ныне разбросаны по юго-восточной части Читинской области в Карымском, Шилкинском, Нерчинском, Шелопугинском, Приаргунском, Борзинском, Оловянинском и Могойтуйском районах; по юго-западной части Читинской области в Дульдургинском, Акшинском и Кыренском районах. Первые, нерчинские хамниганы, в большинстве своем обрусели и лишь частично (например, таласинцы) обурятились, тогда как вторые, ононские хамниганы, постепенно обурячиваются. Среди обурячивающихся хамниганов есть представители таких эвенкийских родов, как дулигат (ср. дуликагир), даганкан, пуцагат (ср. почегор), вакчил (ср. вакасиль), чимчигит (ср. чемчагир), луникир, чинкегит (ср. челкагир), балтягин (ср. бультегир) и дзалтут (ср. желтот). Эти эвенки, живя совместно с наиболее многочисленными гунейцами, токчинцами и удзонами, представляющими собой монголов, испытавших значительное хамниганское влияние,

сначала усвоили диалектную монгольскую речь, а потом вместе с этими же монгольскими племенами стали обурячиваться под непосредственным влиянием соседних с ними агинских бурят. Однако еще до сих пор их язык во многом отличается от бурятского языка.

Конные тунгусы бывшей Армакской управы живут теперь в Джидинском и Закаменском аймаках Бурятской АССР. По их словам, здесь имеются потомки эвенкийских родов Заектая (Заягтаэ) и Цынкигена (Цэнхигэн). Из исторической литературы известно, что среди хамниганов этой управы находились обурятившиеся эвенки заектаева и цынкигинского родов. По мнению Б. О. Долгих, первый из этих родов образован из иркутских тунгусов, являвшихся в основном кумкагирами, а второй — из верхоленских тунгусов, относившихся к цынкигинскому (или Чинкигинскому) роду¹⁴.

Таким образом, среди бурят насчитывается полтора десятка групп с эвенкийскими названиями. На самом деле их могло быть и больше, потому что, во-первых, мы специально не занимались сбором этих данных, поэтому могут обнаружиться пропуски; во-вторых, местами, возможно, уже забылись отдельные родовые названия групп эвенкийского происхождения; в-третьих, нельзя не иметь в виду, что ассимилировавшиеся люди не всегда охотно сообщают о своем прошлом.

Все перечисленные нами данные говорят о заметном этническом проникновении эвенкийских элементов в состав бурят. Это не могло не оказать и действительно оказало влияние на язык бурят. Эвенкизмы в бурятском языке пока что могут быть отмечены только в области лексики и фонетики.

Лексические заимствования из эвенкийского языка, вошедшие в язык бурят, отчетливо подразделяются на две группы: 1) местные топонимические названия, расшифровываемые на базе эвенкийского языка; 2) те или иные слова, обозначающие промыслово-хозяйственные и обиходно-бытовые понятия.

Ученые уже давно обратили внимание на то, что в Восточной Сибири реки и долины по ним, горные хребты и их отроги, занимаемые ныне бурятами, носят не только монголо-бурятские, но и какие-то иные названия. Среди этих названий обнаруживаются, в частности, слова эвенкийского происхождения. Приведем некоторые примеры.

Аалан — горный отрог в Хоринском аймаке БурАССР, откуда берет начало речка с одноименным названием (по-русски Алон). *Алан* в урмийском говоре означает «горный перевал»¹⁵.

Ага — обширная, большей частью степная местность в

Читинской области, по которой протекает река с одноименным названием. В верхнеалданско-зейском диалекте слово *аги* переводится как «поле», в баргузинском — «открытое место, степь»¹⁶.

Алла — местность в Баргузинском аймаке БурАССР. Во многих эвенкийских диалектах, в том числе и в баргузинском, *олло* в переводе означает «рыба»¹⁷, а в подкаменно-тунгусском и токминско-верхоленском диалектах *алла* — «искра»¹⁸. Правда, затруднительно сказать, объясним ли топоним *Алла* с помощью одного из этих двух слов. Тем не менее не вызывает сомнения, что название этой местности, где, кстати, живут и эвенки, имеет эвенкийское происхождение.

Анга — река в Качугском районе Иркутской области, протекающая по одноименной узкой долине и впадающая в реку Лену. В северо-байкальском диалекте *анга* — «щель»¹⁹.

Асхаг — местность и село (по-русски Ацикак) на Малой Анге в Качугском районе. *Асикаг* в подкаменно-тунгусском и непском диалектах — ельник (подлесок)²⁰. Село Ацикак расположено в ельнике²¹.

Ашанга — местность в Хоринском аймаке. В подкаменно-тунгусском, непском и витимо-нерчинском диалектах *асинги* — женский (принадлежащий женщине)²². В диалекте хоринских бурят смягченный *с* переходит в *ш*. Кроме того, следует иметь в виду рассказы жителей Ашанги о высокопоставленной шаманке, похороненной у них на пригорке и, должно быть, почитаемой покровительницей близлежащих мест.

Багдарин — местность, рабочий поселок в БурАССР. *Багдарин* во многих диалектах эвенкийского языка означает «белый; светлый»²³. Недалеко от поселка Багдарин есть известняковая гора, которую по-русски называют Белой горой.

Дэрээн — местность в Баргузинском аймаке. В ряде диалектов эвенкийского языка *дырэн* или *дэрэн* — исток, начало реки²⁴. В пределах Дырена есть маленькие горные речки, берущие свое начало и впадающие в р. Баргузин: одна такая речка проходит мимо Аллы, а другая — мимо Баталлы.

Маарагта — местности с одноименными речками (по-русски Марикта) в Баргузинском и Еравнинском аймаках БурАССР. *Марикта* в верхнеалданско-зейском диалекте означает «марни-ковая береза, марник»²⁵.

Могзоон — местность и железнодорожная станция (по-русски Могзон) в Читинской области, озеро в Еравнинском аймаке. У чильчагиров (Верхняя Ангара) слово *могджон* переводится как длинное озеро²⁶. Местность у железнодорожной станции

Могзон очень болотистая и с небольшими озерами.

Сэлэнгэ — известная река (по-русски Селенга), впадающая в оз. Байкал. Академик Б. Я. Владимирцов высказал предположение, что это название могло быть образовано от тунгусо-маньчжурского слова *сэлэ* (железо) посредством показателя прилагательного *-нгэ*, давшего *Сэлэнгэ* (Селенга), что буквально означает «железная»²⁷.

Тээгдэ — местность в Хориинском аймаке. В большинстве диалектов эвенкийского языка *тыгдэ* — дождь²⁸. Тэгдэ находится на отрогах хребта Улан-Бургасы, то есть на высоких гористых местах, где часто бывают дожди.

Хамнеэ — местность и село (по-русски Хамней) на берегу Джиды в БурАССР. В северо-байкальском диалекте *камнй* — узкая приречная полоса земли у подножия горы²⁹.

Хөлго — река (по-русски Хилок), берущая свое начало из Шакшинского озера на Яблоновых хребтах и впадающая в Селенгу, а также долина этой реки. В токминско-верхоленском, северо-байкальском, баргузинском и нерчинском диалектах *килгэ* означает «брус, точильный камень»³⁰.

Э. Р. Рыгдылон в статье «Топонимические этюды» писал, что «при исследовании местности оказалось, что не только по Хилку имеются породы, годные для точильных брусков, но и одно урочище носит название Билютый (по-бурятски Бэлкютэй или Бүлюютэй), то есть «Точильный», иначе говоря, это — тюрко-монгольский вариант тунгусского Килого»³¹.

Хүлэнхэн — река и местность (по-русски Кулинга) в Качугском районе. *Кулин* во многих диалектах эвенкийского языка в переводе означает «змея»³², а в верхоленском говоре оно произносится как *колин* и имеет то же самое значение³³. Было высказано предположение, что Кулинга представляет эвенкийское имя прилагательное *кулинги* (кулин + -нги), означающее «зменный»³⁴.

Элхи — местность и река (по-русски Илька) в Заиграевском аймаке БурАССР. В северо-байкальском диалекте *илки* — цветок³⁵. В начале лета долина Ильки, как, впрочем, и многие другие места в Бурятии, обильно бывает покрыта дикими цветами.

Географические названия, воспринятые бурятами от эвенков, распространены по всей этнографической Бурятии, особенно их много в таких местах, как Верхняя Лена, Баргузин, Еравна, восточная часть Читинской области и т. д. По расшифровке этих топонимов должна быть проведена кропотливая и большая работа.

Что касается эвенкийских слов со значениями промыслового и бытового характера, заимствованных в бурятском языке, то их, по всей вероятности, не так много, как топонимов. Тем не менее они все же обнаруживаются, и мы можем привести такие, например, слова:

Апаа — «междометие, выражающее: а) брезгливость — тыфу!; б) испуг — ах!»³⁶. *Апа* у киндигиров (север Байкала) — женский половой орган; восклицание при неожиданном испуге³⁷.

Гуран — дикий козел³⁸. У киндигиров (север Байкала) *гуран* — самец дикой козы³⁹.

Дэгли в сочетании *хүхэ дэгли* означает «цапля»⁴⁰. В верхне-алданско-зейском диалекте *дэкэли* — утка (похожая на кулика)⁴¹.

Жал только в сочетании *туулайн жал* — заячье беспокойство (или печаль). *Дял* в сахалинском диалекте: 1) печаль; 2) печальные мысли⁴².

Зүдэг — постыдный, позорный⁴³. В учурско-зейском и сахалинском диалектах, урмийском говоре *дюдэк* — 1) неряха; 2) худой, тощий⁴⁴.

Зээгэн — росомаха⁴⁵. *Джеһан* в Чанчуре означает «росомаха»⁴⁶. *дееган* в верхоленском говоре — «росомаха»⁴⁷.

Муха (или *мухаа*) — милый, милая (при обращении)⁴⁸. В тунгирском говоре *мука* — жаль⁴⁹.

Нэнгэхэ — 1) прислоняться; 2) наклониться; подаваться вперед⁵⁰. В Нерчи *нэнгэм* — поклониться⁵¹. В ряде диалектов и говоров *нэнгэ-ми* — наклонить голову, наклониться, пригнуться (чтобы достать что-либо, положить куда-либо)⁵².

Оро — олень⁵³. *Орон* — северный олень⁵⁴, олень (домашний)⁵⁵.

Сагдуул — молодой лес, поросль⁵⁶. У киндигиров (север Байкала), катчицев (Витим) и туруягиров *дж'агда* — сосна. *Дж'агдаһ* у киндигиров (север Байкала) — сосняк⁵⁷, *дягда* — сосна, *дягдаг* — сосняк⁵⁸.

Сэлин — ударные металлические тарелки. *Сэлэ* — железо⁵⁹: *сэлли* I в подкаменно-тунгусском и непском диалектах — кольчуга, панцирь (из нашитых на ровдугу металлических или костяных пластинок) и *сэлэ* во многих диалектах и говорах — железо; металл⁶⁰.

Түйсэ — туес, коробка из бересты⁶¹. В нерчинском говоре *тыса* — коробка берестяная⁶².

Түүрээхэ — говорить речитативом; рассказывать напевая⁶³. В подкаменно-тунгусском диалекте *турэл-ми* означает «говорить»,

в урмийском говоре и сахалинском диалекте — «ругать»; *турэ́т-ми I* — говорить, выступать (на собрании) и *турэ́т-ми II*: 1) петь (о птицах); 2) в верхнеалданско-зейском диалекте — «пищать» (о мышах)⁶⁴.

Тэли — частица-реплика в ответ на сказанное, которая нередко произносится с иронией, — да-а, н-да. У киндигиров (север Байкала), бултэгиров и в Шевыкане *тылим* — понять⁶⁵. В ряде диалектов и говоров *тыливгэн* — понятно, ясно⁶⁶.

Унгэлөө — кабарговая струя⁶⁷. У киндигиров (север Байкала) *унгуло* — самец кабарги и *унгулу* ... струйник (мускусный мешочек кабарги)⁶⁸; *унгулэ* в северо-байкальском диалекте — кабарга (самец)⁶⁹.

Хуурай — самка дикой козы⁷⁰. У тугурских тунгусов *кбрај* — матка дикой козы⁷¹; в верхоленском и нерчинском говорах *кбрај* — дикая коза⁷².

Хүбхэн — мох. В нерчинском и урмитском говорах *купкук I* — зеленый мох «кукушкин лен», в верхнеалданско-зейском диалекте *купкэн* — пух (птичий), в нерчинском говоре *купкэн* — мох⁷³.

Ногоон — самка марала⁷⁴. У киндигиров (север Байкала) *соһон*, у тугурских тунгусов *соһон* — матка изюбра⁷⁵; в зейском говоре *согон* — изюбр, благородный олень (зимнее название)⁷⁶.

Нубиха — разматывать (напр. нитки)⁷⁷. У туруягиров *сүвим* — вязать⁷⁸. В подкаменно-тунгусском, непском, учурско-зейском и чумиканском диалектах, зейском говоре *сүв-ми* — отвязать, а в урмийском говоре и сахалинском диалекте — развязать⁷⁹.

Шигшага — крапивница (птица)⁸⁰. В подкаменно-тунгусском, непском, ербогоченском и баргузинском диалектах *чичакун* — трясогузка⁸¹, в баргузинском диалекте *чокчокун* — трясогузка⁸².

Шүрхы — чирок (птица)⁸³. У бултэгиров, киндигиров (север Байкала) *чирко* // *чиркуки* — чирок⁸⁴; в непском, ербогоченском и илимпийском диалектах, а также в тунгирском говоре *чирсуки* — утка-чирок⁸⁵.

Янгир — только в сочетании **янгир ямаан** — горный козел. Янг — сопка, гслец (выше зоны тундр)⁸⁶.

Кроме перечисленных и подобных им слов, относящихся к литературной бурятской лексике, имеются заимствования из эвенкийского языка, употребительные лишь в том или ином диалекте бурятского языка.

Так, например, в диалекте западных (добайкальских) бурят бытуют такие эвенкизмы:

Амай (в произношении нередко превращается в *-май*) — папа. У бултэгириров и чильчагириров (Верхняя Ангара), муринских и тутурских тунгусов, в Шевыкане *ами//ама* — отец⁸⁷; *амā* — папа, отец (при обращении)⁸⁸.

Бүхэ — зад. *Бобо* — зад, круп (животного)⁸⁹.

Мэтэр — скоро, тут же (обычно употребляется в сочетаниях *мэтэр гэнэн бэээрээ, мэтэр гэнээр* — тотчас же, вскоре же). В зейском и урмийском говорах *битэр* — недолго, немного⁹⁰.

Тагша — чашка (чайная). В северо-байкальском и баргузинском диалектах, нерчинском говоре *такши* — чашечка⁹¹.

Халтагай — половина. У бултэгириров *калтакан//калтака* — половина месяца⁹²; *калтака* — половина⁹³.

Шидага (или *шитага*) — березовое корытце для рубки мяса. В илимпийском диалекте и вилуйском говоре *чита* — береста⁹⁴.

В диалекте восточных (забайкальских) бурят употребительны следующие, например, эвенкийские заимствования:

Адеэ — тетя. *Атэ* — женушка, старушка (при обращении)⁹⁵.

Баахалдай — медведь у хоринских и селенгинских бурят. В аянском диалекте *бākэ* — медведь⁹⁶.

Бадарган — грубый, резкий⁹⁷. В урмийском говоре *бадара II* — ворчливый человек, ворчун⁹⁸.

Дэгтэнди — у агинских бурят коробка, ящичек (для хранения мелких предметов пошива). В урмийском говоре *дэктэн* — сумочка в виде небольшого портфеля, в хинганском говоре — ящичек (для бумаг), в илимпийском, сымском и северо-байкальском диалектах *дэктэндэ* — меховой чулок⁹⁹.

Түтүү (или *түүтүү*) — дикий голубь у агинских бурят. У бултэгириров *туту* — дикий голубь¹⁰⁰; в илимпийском, баргузинском и аянском диалектах *туту* — дикий голубь¹⁰¹.

Надо полагать, что в языке олонских хамниганов со временем обнаружится сравнительно большее количество эвенкизмов, нежели в любом другом говоре бурятского языка, пока же выявлено лишь несколько слов¹⁰².

Анам — лось-самец. У киндигириров (север Байкала) *анам* — лось; бык; пороз лосины¹⁰³; во многих диалектах и говорах *анам* — лось (перед спариванием)¹⁰⁴.

Гар — сук, ветка. *Гара*: 1) сук, ветка (сухая); 2) палка¹⁰⁵.

Иргичан — годовалый лось. У бултэгириров, киндигириров (север Байкала) *иргичан* — теленок изюбриный по второму году¹⁰⁶; в северо-байкальском диалекте *иргичан* — изюбр до года¹⁰⁷.

Кхачикаан — собака. У киндигириров (север Байкала) *качи-*

кан — щенок¹⁰⁸; качикан — щенок¹⁰⁹; в наречии баргузинских тунгусов качикан — собака¹¹⁰.

Мутуу — четырехгодовалый изюбр. У киндигиров (север Байкала) муту — четырехгодовалый лось¹¹¹; в ряде диалектов и говоров эвенкийского языка моты — лось¹¹².

Утээ — дитя. В ряде диалектов и говоров эвенкийского языка утэ: 1) дитя; 2) с прит. суффиксом — дочь, сын¹¹³.

Энэм — лосиха. У тутурских тунгусов энин — матка лосиная¹¹⁴; в тунгирском и зейском говорах, верхнеалданско-зейском диалекте — лось (в августе)¹¹⁵.

Характерно, что среди лексических заимствований, принятых из эвенкийского языка в бурятский, львиную долю занимают названия зверей и дичи, а также слова, обозначающие предметы, явления и понятия, связанные с жизнью в тайге. Такие слова представляют половину заимствований. Другая же половина относится к обиходно-бытовым словам.

Влияние эвенкийского языка на бурятский простирается и в область фонетики. Об этом, на наш взгляд, в той или иной степени говорят следующие факты.

Заслуживает внимания употребление фарингального *h* в диалекте западных бурят. Монголоеды считают, что здесь сибиллянт с перешел в начале и середине слова в фарингальный *h*. Но к этому следует добавить, во-первых, что в начале слова вместо ожидаемого *h* наблюдается произношение увулярного *x*; во-вторых, в начале слова вместо *x*, напротив, может встретиться *h*. Кроме того, интервокальный фарингальный *h* может и произноситься и выпадать.

Подобное варьирование в употреблении фарингального *h* было замечено и в языке тофаларов, когда в июле 1965 года небольшой отряд научных сотрудников Бурятского комплексного научно-исследовательского института (ныне Бурятского института общественных наук) СО АН СССР съездил в Алыгджер и Нерху с целью изучения бурятской речи, употребляемой тофаларами наряду со своим и русским языками. В эвенкийском языке звук *h* употребляется также с некоторыми вариациями¹¹⁶.

Поскольку буряты стали обитать в районе Байкала позднее тюрков и, тем более, эвенков, постольку, надо думать, усвоение ими фарингального *h* не могло произойти без влияния языков этих контактировавших с ними народов.

Правда, если даже ограничиться пределами алтайских языков, то *h* употребляется не только в бурятском, эвенкийском, тофаларском, но и в якутском и башкирском языках. Имея в

виду довольно обширный ареал распространения этого звука, высказывается гипотеза, согласно которой фарингальный *h* возник под влиянием общего для всех данных языков субстрата, оставшегося от какого-то, должно быть, самодийского языка¹¹⁷. Не исключено, что со временем будет установлен этот первоисточник. Однако отсюда вовсе не следует, что все языки должны были усвоить *h* от первоисточника. Во всяком случае, представляется более вероятным, что носители бурятского языка восприняли интересующий нас звук от посредников типа тофаларов или эвенков.

Если говорить о других фонетических особенностях, то употребление слога *сi* вместо обычного для бурятского языка *х'i*, потеря долготы гласного в некоторых слогах, переход в слове конечного переднерядного гласного *и* в проточный согласный *j* при наращивании суффикса, случаи безразличного употребления гласных *у* и *ү* — все эти фонетические явления, встречаемые в отдельных бурятских говорах, по-видимому, развились под влиянием эвенкийского языка.

В бурятских диалектах слог *х'i* с мягким согласным может перейти в *г'i*, а между тем в ряде мест Западной Бурятии он переходит в *сi* или даже в *ш'i*. Например, чаще говорят не *тамх'и* или *тамг'и*, а *тамс'и* или *тамш'и* (табак) и т. д. Это напоминает переход в тунгусском языке согласного *т* в *с* перед соединительным гласным и при образовании числа¹¹⁸.

Краткость и долгота гласных в бурятских диалектах носит довольно устойчивый фонематический характер. Лишь в некоторых западно-бурятских говорах встречаются случаи утери долготы: так, произносят *барун* вместо *баруун* (западный; правый), *даһан* вместо *дааһан* (курительная трубка), *дэһэн* вместо *дээһэн* (волосяная веревка) и некоторые другие. Это явление, пожалуй, допустимо ставить в параллель с тем, что в эвенкийском языке, как указывает М. А. Кастрен, долгий слог в конце слова и в односложном слове часто произносится кратко¹¹⁹.

В бурятском языке аффикс *с* с начальным гласным присоединяется к слову с конечным дифтонгом обычно посредством соединительного согласного *г*. Однако в аналогичной ситуации в западнобурятских говорах конечный *и*-образный компонент дифтонга преобразуется в *j*, который не требует после себя соединительного *г*, например: *нохой* (собака) (им. п. ед. ч.) + *-оор* (аффикс оруд. п.) дает *нохойоор* (вм. обычного *нохойгоор*) (собакой). Это согласуется с тем, что в эвенкийском языке, как пишет М. А. Кастрен, конечный *и* при добавлении аффикса переходит в *j*¹²⁰.

В бурятском языке четко различаются узкие огубленные краткие и долгие гласные у и ү, уу и үү, а также дифтонги уи и үи, первые из которых являются твердорядными, а вторые — мягкорядными. Но в западнобурятских говорах эти звуки иногда начинают терять четкость и употребляются безразлично: в частности, могут сказать *Уда* и *Үдэ* — Уда (река), *буубай* и *бүүбэй* — ребенок, *туиса* и *түисэ* — туесок и другие. В этой связи привлекает внимание тот факт, что в эвенкийском языке нет отмеченной выше дифференциации интересующих нас узких огубленных гласных звуков, а имеет место лишь нейтральный гласный у (с соответствующим долгим у)¹²¹.

Если до сих пор речь шла о говорах западных бурят, то теперь на одном-двух примерах проиллюстрируем эвенкийское влияние на звуковую сторону говора олонских хамниганов.

В результате экспедиционного обследования говора олонских хамниганов, проведенного в 1961 году научными сотрудниками отдела языкознания Бурятского института общественных наук, было выявлено довольно частое в этом говоре огубление как долгого, так и краткого э. Хамниганы говорят: *бидэ кэлөө мэдкөө бол'сон* (вместо характерного для бурятского языка *бидэ хэлээ мэдхээ бол'ообд'и*) — мы забыли свой (имеется в виду хамниганский, то есть эвенкийский) язык; *тэдэ* и *тэдээн*, иногда почти *төдөөн* (вместо *тэдэ* и *тэдээн*) — они.

Произношение олонскими хамниганами гласного э с огублением, вероятно, возникло под влиянием эвенкийского субстрата. При этом мы исходим из того, что в эвенкийском языке долгий гласный э является «довольно огубленной» фонемой¹²² и что это качество долгого гласного, видимо, перешло в говоре олонских хамниганов и на краткий гласный.

В говоре олонских хамниганов в словах с мягкорядной огласовкой употребляется смычный согласный к вместо обычного для монгольских языков и диалектов щелевого х: хамниганы произносят *күн* (вместо *хүн*) — человек, *кэлэ* (вместо *хэл* или *хэлэн*) — язык. Думается, что этот факт связан с тем, что в эвенкийском языке смычный глухой согласный к представляет самостоятельную фонему, тогда как щелевой глухой согласный х является не устоявшимся факультативным звуком, могущим иногда переходить в фарингальный h¹²³. Если нет достаточных оснований считать употребление смычного к в говоре олонских хамниганов субстратным явлением, то, по крайней мере, надо полагать, что сохранение этого к было обусловлено эвенкийским влиянием. Правда, имеется и другое мнение: смычный к, употреб-

ляемый в говоре хамниганов, некоторыми монголоведами квалифицируется как остаточное явление от среднего периода развития самого общемонгольского языка. Между тем, смычная фонема к сохранилась в тех частях монгольского мира, где сказывалось внешнее воздействие: у ойрат-монголов, калмыков и нижнеудинских бурят под тюркским влиянием, а у дагуров и оионских хамниганов под эвенкийским влиянием.

В заключение следует отметить, что при более тщательном изучении некоторые из наших сопоставлений могут оказаться, разумеется, опровергнутыми, но зато вместо них, несомненно, обнаружатся многие другие факты, указывающие на наличие эвенкийского субстрата в бурятских говорах.

По нашему мнению, приведенные выше данные в достаточной мере свидетельствуют о заметном этническом и языковом проникновении эвенкийских элементов в бурятскую среду.

¹См.: Рукописный отдел Бурятского филиала СО АН СССР, инв. № М-1-758, с. 61—66.

²См.: «Летописи тегенгинских бурят», вып. 1. — Хроника убаши Дамбиджалцан Ломбоцренова. М.-Л., Изд-во АН СССР, 1936, с. 3—5.

³См.: Ц. Б. Цыдендамбаев. Бурятские исторические хроники и родословные. Улан-Удэ, Бурят. кн. изд-во, 1972, с. 525.

⁴Хадалай — сын Хэнгэлдыра, старшего сына Зонхи, являющегося, по устной традиции западных бурят, единственным сыном Эхирита.

⁵Зоги — местность на Оиотской возвышенности на северо-западном побережье озера Байкал.

⁶Приведенные здесь и выше высказывания взяты из записей, сделанных во время экспедиционной поездки к эхиритским бурятам в 1964 году.

⁷См.: Б. О. Долгих. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке. М., 1960, с. 220, 256, 305.

⁸Хонгодоры живут в основном по Алари, Тунке и Закамие и считаются одним из крупных подразделений бурят.

⁹М. Г. Улаханов, проживающий в селе Хартирген Боханского района Иркутской области, в июне 1963 года сообщил нам, что в Хохорске, соседнем с Хартиргеином селе, живут шошольки, имеющие хамниганское происхождение.

¹⁰Б. О. Долгих. Указ. соч., с. 301.

¹¹Б. О. Долгих. Указ. соч., с. 349.

¹²В книге Б. О. Долгих отмечается, что баликагиры жили в Баргузинском присуде и Нерчинском уезде (см.: Указ. соч., с. 308).

¹³Хуасай — один из одиннадцати хоринских родов.

¹⁴См.: Б. О. Долгих. Указ. соч., с. 304.

¹⁵См.: Г. М. Василевич. Эвенкийско-русский словарь. М., 1958, с. 23.

¹⁶См.: Г. М. Василевич. Указ. сл., с. 16.

¹⁷См.: Г. М. Василевич. Указ. сл., с. 320. Э. Р. Раднаев полагает, что именно от эвенкийского «олло» произошло название Алла (см.: «Иссле-

дование бурятских говоров», вып. I. Улан-Удэ, 1965, с. 96).

¹⁸См.: Г. М. Василевич. Указ. сл., с. 25.

¹⁹См.: Г. М. Василевич. Указ. сл., с. 30.

²⁰См.: Г. М. Василевич. Указ. сл., с. 38.

²¹См.: А. Г. Митрошкина. О лексических и морфологических особенностях говора качугских (верхоленских бурят). — «Тр. БКНИИ», вып. 3. Улан-Удэ, 1960, с. 139.

²²См.: Г. М. Василевич. Указ. сл., с. 38.

²³См.: Г. М. Василевич. Указ. сл., с. 47.

²⁴См.: Г. М. Василевич. Указ. сл., с. 131 и 137.

²⁵См.: Г. М. Василевич. Указ. сл., с. 248.

²⁶См.: Е. И. Титов. Тунгусско-русский словарь. Иркутск, 1926, с. 92.

²⁷См.: Б. Я. Владимирцов. Географические имена орхонских надписей, сохранившиеся в монгольском. — «Докл. Академии наук, серия «В». М., 1929, с. 173.

²⁸См.: Г. М. Василевич. Указ. сл., с. 407; Е. И. Титов. Указ. сл., с. 149.

²⁹См.: Г. М. Василевич. Указ. сл., с. 189; Е. И. Титов. Указ. сл., с. 75.

³⁰См.: Г. М. Василевич. Указ. сл., с. 200; Е. И. Титов. Указ. сл., с. 78.

³¹«Зан. БМ НИИК», вып. XX. Улан-Удэ, 1955, с. 160.

³²См.: Г. М. Василевич. Указ. сл., с. 218.

³³См.: Г. М. Василевич. Указ. сл., с. 207.

³⁴См.: А. Г. Митрошкина. О лексических и морфологических особенностях говора качугских (верхоленских) бурят, с. 139.

³⁵См.: Г. М. Василевич. Указ. сл., с. 165; Е. И. Титов. Указ. сл., с. 64.

³⁶К. М. Черемисов. Бурят-монгольско-русский словарь. М., 1951, с. 59.

³⁷См.: Е. И. Титов. Указ. сл., с. 11.

³⁸См.: К. М. Черемисов. Указ. сл., с. 176.

³⁹См.: Е. И. Титов. Указ. сл., с. 38.

⁴⁰См.: К. М. Черемисов. Указ. сл., с. 231.

⁴¹См.: Г. М. Василевич. Указ. сл., с. 134.

⁴²См.: Г. М. Василевич. Указ. сл., с. 147.

⁴³См.: К. М. Черемисов. Указ. сл., с. 283.

⁴⁴См.: Г. М. Василевич. Указ. сл., с. 140.

⁴⁵См.: К. М. Черемисов. Указ. сл., с. 291.

⁴⁶См.: Е. И. Титов. Указ. сл., с. 51 и 52.

⁴⁷См.: Г. М. Василевич. Указ. сл., с. 112.

⁴⁸См.: К. М. Черемисов. Указ. сл., с. 321.

⁴⁹См.: Г. М. Василевич. Указ. сл., с. 259.

⁵⁰См.: К. М. Черемисов. Указ. сл., с. 353.

⁵¹См.: Е. И. Титов. Указ. сл., с. 100.

⁵²См.: Г. М. Василевич. Указ. сл., с. 305.

⁵³См.: К. М. Черемисов. Указ. сл., с. 374.

⁵⁴См.: Е. И. Титов. Указ. сл., с. 123.

⁵⁵См.: Г. М. Василевич. Указ. сл., с. 327.

⁵⁶См.: К. М. Черемисов. Указ. сл., с. 395.

⁵⁷См.: Е. И. Титов. Указ. сл., с. 50.

⁵⁸См.: Г. М. Василевич. Указ. сл., с. 146.

⁵⁹См.: Е. И. Титов. Указ. сл., с. 129.

- ⁶⁰См.: Г. М. Василевич. Указ. сл., с. 376.
⁶¹См.: К. М. Черемисов. Указ. сл., с. 455.
⁶²См.: Е. И. Титов. Указ. сл., с. 152; Г. М. Василевич. Указ. сл., с. 415.
⁶³См.: К. М. Черемисов. Указ. сл., с. 460.
⁶⁴См.: Г. М. Василевич. Указ. сл., с. 405.
⁶⁵См.: Е. И. Титов. Указ. сл., с. 150.
⁶⁶См.: Г. М. Василевич. Указ. сл., с. 410.
⁶⁷См.: К. М. Черемисов. Указ. сл., с. 509.
⁶⁸См.: Е. И. Титов. Указ. сл., с. 160.
⁶⁹См.: Г. М. Василевич. Указ. сл., с. 447.
⁷⁰См.: К. М. Черемисов. Указ. сл., с. 597.
⁷¹См.: Е. И. Титов. Указ. сл., с. 81.
⁷²См.: Г. М. Василевич. Указ. сл., с. 212.
⁷³См.: Г. М. Василевич. Указ. сл., с. 221.
⁷⁴См.: К. М. Черемисов. Указ. сл., с. 654.
⁷⁵См.: Е. И. Титов. Указ. сл., с. 131.
⁷⁶См.: Г. М. Василевич. Указ. сл., с. 360.
⁷⁷См.: К. М. Черемисов. Указ. сл., с. 660.
⁷⁸См.: Е. И. Титов. Указ. сл., с. 133.
⁷⁹См.: Г. М. Василевич. Указ. сл., с. 365.
⁸⁰См.: К. М. Черемисов. Указ. сл., с. 685.
⁸¹См.: Г. М. Василевич. Указ. сл., с. 523.
⁸²См.: Г. М. Василевич. Указ. сл., с. 524.
⁸³См.: К. М. Черемисов. Указ. сл., с. 708.
⁸⁴См.: Е. И. Титов. Указ. сл., с. 171.
⁸⁵См.: Г. М. Василевич. Указ. сл., с. 522.
⁸⁶См.: Г. М. Василевич. Указ. сл., с. 574.
⁸⁷См.: Е. И. Титов. Указ. сл., с. 8.
⁸⁸См.: Г. М. Василевич. Указ. сл., с. 26.
⁸⁹См.: Г. М. Василевич. Указ. сл., с. 58.
⁹⁰См.: Г. М. Василевич. Указ. сл., с. 56.
⁹¹См.: Г. М. Василевич. Указ. сл., с. 383.
⁹²См.: Е. И. Титов. Указ. сл., с. 75.
⁹³См.: Г. М. Василевич. Указ. сл., с. 188.
⁹⁴См.: Г. М. Василевич. Указ. сл., с. 523.
⁹⁵См.: Г. М. Василевич. Указ. сл., с. 40.
⁹⁶См.: Г. М. Василевич. Указ. сл., с. 49.
⁹⁷См.: К. М. Черемисов. Указ. сл., с. 82.
⁹⁸См.: Г. М. Василевич. Указ. сл., с. 47.
⁹⁹См.: Г. М. Василевич. Указ. сл., с. 133 и 134.
¹⁰⁰См.: Е. И. Титов. Указ. сл., с. 149.
¹⁰¹См.: Г. М. Василевич. Указ. сл., с. 405.
¹⁰²Перечисляемые ниже примеры взяты из работы сотрудника Отдела языкознания Бурятского института общественных наук Д. Г. Дамдинова, посвященной изучению говора олонских хамниганов.
¹⁰³См.: Е. И. Титов. Указ. сл., с. 10.
¹⁰⁴См.: Г. М. Василевич. Указ. сл., с. 30.
¹⁰⁵См.: Г. М. Василевич. Указ. сл., с. 82.
¹⁰⁶См.: Е. И. Титов. Указ. сл., с. 68.

¹⁰⁷См.: Г. М. Василевич. Указ. сл., с. 177.

¹⁰⁸См.: Е. И. Титов. Указ. сл., с. 77.

¹⁰⁹См.: Г. М. Василевич. Указ. сл., с. 197.

¹¹⁰См.: Н. П. Поппе. Материалы для исследования тунгусского языка. Наречие баргузинских тунгусов. Л., Изд-во АН СССР, 1927, с. 47 а

¹¹¹См.: Е. И. Титов. Указ. сл., с. 97.

¹¹²См.: Г. М. Василевич. Указ. сл., с. 258.

¹¹³См.: Г. М. Василевич. Указ. сл., с. 457—458.

¹¹⁴См.: Е. И. Титов. Указ. сл., с. 59.

¹¹⁵См.: Г. М. Василевич. Указ. сл., с. 563.

¹¹⁶Е. И. Титов. Указ. сл., приложение, с. 3, 6; О. А. Константинова. Эвенкийский язык. М.-Л., «Наука», 1964, с. 21.

¹¹⁷Такое предположение высказывает монголовед и тюрколог В. М. На-
деляев (устное сообщение).

¹¹⁸См.: Е. И. Титов. Указ. сл., приложение, с. 10.

¹¹⁹См.: Е. И. Титов. Указ. сл., приложение, с. 7.

¹²⁰См.: Е. И. Титов. Указ. сл., приложение, с. 59.

¹²¹См.: О. А. Константинова. Указ. соч., с. 17.

¹²²См.: О. А. Константинова. Указ. соч., с. 14.

¹²³См.: О. А. Константинова. Указ. соч., с. 23.

ТИБЕТИЗМЫ И ИХ ФОНЕТИЧЕСКАЯ АДАПТАЦИЯ В БУРЯТСКОМ ЯЗЫКЕ

Занмствование является одним из источников обогащения языка.

Невозможно преуменьшить роль заимствований в процессе развития языков и оснащения их новыми средствами, способствующими передаче мыслительных акций.

Занмствования, вошедшие в данный язык, подчинившиеся его внутренним законам, не вредят языку, а, наоборот, обогащают его, усиливают и совершенствуют его выразительные средства, не лишая его национальной самобытности. Так, например, национальная самобытность русского языка ничуть не пострадала от проникновения в него слов иноязычных. Русский язык сохранил свою полную самостоятельность и лишь обогатился за счет заимствованных слов¹.

Как отмечает О. С. Ахманова, в литературном урду весь словарь персидский, а грамматика индусская. Известно, что в английском языке 70⁰/о слов романского происхождения, лишь 30⁰/о слов имеет свое германское, а в лексике корейского языка 75⁰/о слов китайского происхождения².

Тибетские заимствования поступали в бурятский язык большей частью через посредство старописьменного монгольского языка, а в некоторых случаях и из самого письменного тибетского, языка главным образом в связи с распространением ламаизма в Бурятии. Поэтому большинство тибетизмов относится к религии и ее атрибутам, а также к связанным с нею отраслям средневековой науки (буддистской философии, астрологии, медицине, лингвистике и т. д.). Тибетская лексика в бурятском языке

относится также к личным именам и совсем в незначительной степени содержит слова, отражающие материально-бытовые реалии.

По сообщению проф. Т. А. Бертагаева, тибетско-санскритские и особенно китайские заимствования не вели к такой глубокой перестройке их системы, как это наблюдается под влиянием советизмов, содержащих, в отличие от заимствований из восточных языков, понятия, связанные с коренным изменением всего уклада народной жизни³.

В современном бурятском литературном языке имеется довольно много тибетизмов. В частности, в словаре К. М. Черемисова зафиксированы более 150 слов тибетского происхождения⁴. Приведем эти слова, распределив их по тематическим группам.

1. Слова религиозного содержания:

а) названия предметов культа: *бандий* — верхняя часть божницы (тиб. бан. даб), *жабдан* — деревянная низкая койка (тиб. тжаб. гдан ~ жаб. дан), *бойнуур* — медная курительница (тиб. спос. пхор ~ по. пхор), *бумба* — могильная плита (тиб. бум. па ~ бум. ла), *габала* — череп (тиб. ка. па. ла. ~ ка. па. ла.), *гүсэ* — чайник (тиб. гу. цхи), *гунгарбаа* — божница (тиб. кун. даһ, ра. ба — ~ кун. га. ра. ба.), *догжуур* — трехгранная пирамидка (тиб. злог. бсгьур ~ дог. жур), *дэбэр* — сосуд, похожий на чайник, ставится перед бурханами (тиб. де. бар), *жанша* — обертка из шелка для священных книг (тиб. ргьян. чха ~ джан. чха), *зула* — лампада (тиб. дзво. ла), *лабри* — балдахин (тиб. бла. брэ ~ ла. брэ), *орхимжо* — широкая полоса красной материи, перекидывавшаяся через плечо у лам (тиб. ор. шем. че), *соголиг* — футляр для хранения сочинения (тиб. сог. гог. лиг), *сүгсэ* — бронзовая чашечка (тиб. цхугс), *шажан* — религия (тиб. бргья. бьин ~ джа. джин), *хүжэ* — благовонная курительная свеча (тиб. ку. ша), *шодон* — сбелиск (тиб. мчход. ртэн ~ чход. тен), *шоо* — гадательные косточки (тиб. цо), *хадаг* — шелковое полотенце (тиб. кха. багс ~ кха. даг);

б) названия, относящиеся к буддийскому ритуалу: *адис* — благословение (тиб. а. ти. са), *гороо* — молитвенное хождение вокруг дацана (тиб. го. рва), *гурим* — порядок, обычай (тиб. го. рим), *гуштаг* — павлиньи перья для опрыскивания чистой водой жертвенных приношений (тиб. гу. ша. тхог), *дамаари* — ламский барабанчик (тиб. та. ма. ру), *дун* — раковина морская (тиб. дунг), *жоод* — молитва-заклинание, читавшаяся на могилах ночью (тиб. гчод ~ чод), *золиг* — выкуп, религиозный обряд

(тиб. джо. легс. джо. лег), *бүргэ* — труба из раковины (тиб. пу. ри), *бэшхүүр* — флейта (тиб. би. ши. кхур), *гандан* — музыкальный инструмент из человеческой кости (тиб. рканг. дунг ~ кан. дун), *маани* — род буддийских молитв (тиб. ма. ни), *мэнзэ* — плата ламе (тиб. сме.ба ~ мэба), *мэгзэм* — молигва (тиб. дмигс. цхем ~ миг.цхем), *нама* (*нишалха*) — молиться (от тиб. на. ма), *сам* — религиозный обряд (тиб. чхам), *санаар* — обет (тиб. санг. вар), *сангасбаа* — заклинатель (тиб. гсанг. бснгас. па ~ сангс. па), *сэржэм* — название жидкостей, которыми совершалось подношение для задабривания духов (тиб. гсер.бскьемс ~ сер. джем), *санзай* — дым от воскурений (тиб. бсанг. рдзас ~ санг. дза), *тарни* — мистическое заклинание (тиб. тхар. ни), *лимбэ* — флейта (тиб. лгинг. бу ~ лин. бу), *шойжон* — хранитель веры (тиб. чхос. скьонг ~ чхо, джоиг), *шойро* — диспут у лам (тиб. чхос. ра ~ чхо, ро), *бүлбэ* — медный кувшин (тиб. бум.па):

в) названия, относящиеся к одеянию, пище и трапезе служителей культа: *банзал* — часть ламского костюма (тиб. бан. цал), *зоог* — кушанье, яства (тиб. зо), *манжа* — чай для лам, по словарю Шмидта — маленький 4-угольный столик лам для еды (тиб. ман. джа), *шасар* — желтая шапка, отличительный знак секты желтошапошников (тиб. шва. сер), *самса* — рубаха (тиб. пхьям. чхе ~ джамчхе);

г) названия санов у ламаистов: *богдо* — верховный лама, святейший (тиб. бог. то), *габжа* — 3 степень в ламаистских дацанах (тиб. бкаñ. бчу ~ кабчу ~ габчу), *гэбгы* — один из санов (тиб. дге. бскос ~ гебко), *дамжаа* — ламская степень (тиб. дам. бча ~ дамча), *дооромбо* — одна из степеней (тиб. до. рамс. па ~ ю. рам. па), *наарамба* — одна из степеней (тиб. лха. рамс. па ~ лха. рам. па), *лама* — мопах (тиб. бла. ма ~ лама), *найжа* — лама, опекун, духовное звание (тиб. гнас. сбьин. па ~ на. джин. па), *убсанса* — монахиня (тиб. об. бсанг са ~ об. санг. са), *убша* — мирянин (тиб. об. ши), *гаарамба* — одна из степеней (тиб. снгагс. рамс. па ~ аг. рам. па), *унзад* — канонарх, запевала в богослужениях (тиб. дбу. мдзад ~ бу. мдзад), *хамба* — высший духовный сан (тиб. мкхан. па ~ кхан. па), *шабганса* — монахиня (тиб. чхаб. ган. са), *жоодшо* — лама, читающий «жод» (тиб. гчод. чжи ~ чод. жи), *банди* — послужник у лам (тиб. панти), *бандида хамба* — глава ламаитов в Бурятии (тиб. пан. ти. та мкхан. по ~ пан. ти. та. кхан. по), *зай* — элемент, состав, вещество (например, *зайн гал* — электричество) (тиб. монг. зай), *үлзы* — счастливый, счастье, досл. серебряный (тиб. дигул. гыñ ~ үл. джи):

д) названия буддийских зданий и их частей: *ганжар* — украшение над дацаном (тиб. ган. дзар ~ ган. дзар), *гонхон* — колокольня (тиб. мгон. кхан ~ гон. кхан), *дасан* — храм, факультет буддийской высшей школы (тиб. грва. цханг ~ да. цхан), *добжон* — паперть, широкое крыльцо у дацана (тиб. стобс. чан ~ тоб. чан), *дуган* — молеельня (тиб. ду. кханг ~ ду. кхан), *жаган* — кухня (тиб. ча. кханг).

2. Названия металлов и различных элементов: *бадмаа раага* — рубин (тиб. падма. ра. ка), *гуулин* — латунь (тиб. гу. линг ~ гулин), *гуу* — медальон (тиб. гво), *сан* — медь (тиб. зангс ~ зан), *шүрэ* — коралл (тиб. бьи. ру ~ жи. ру), *шэл* — стекло (тиб. шел), *номин* — лазурит (тиб. му. мунг ~ мумин), *баибан* — купорос (тиб. бас. бан ~ ба. бан), *ласа* — сургуч (тиб. ла. чха), *хуба* — янтарь (тиб. мчхум. по ~ чхум. по).

3. Названия предметов и понятий, относящихся к культуре: *бадаг* — куплет, строфа (тиб. ба. даг), *шүлэг* — стих (тиб. шлока, санскр. шло. ка), *багша* — учитель, наставник (тиб. баг. ши), *бар* — печатня при дацане (тиб. дпар ~ пар), *бирга* — знак препинания (тиб. пир. ка), *сэг* — знак препинания, запятая (тиб. цхег), *гаршаг* — оглавление (тиб. гар. чхаг), *лагбан* — чернильница (тиб. снаг. конг ~ аг. кон), *ланза* — вид санскритского письма раньджа (тиб. ланьядза ~ ланьдза), *намтар* — биография, жизнеописание лам (тиб. рнам. тхар. ~ нам. тхар), *боти* — том (тиб. по. ти), *худар* — священное сочинение (тиб. со. дор), *шастар* — трактат (тиб. шастар), *шаби* — ученик, послужник (тиб. ша. би), *хубараг* — послужник (тиб. кхо. па. раг), *самбар* — дощечка для письма (тиб. сам. пара), *дэбтэр* — тетрадь (тиб. дэб. тхэр), *сая* — миллион (тиб. са. я), *шатар* — шахматы (тиб. чха-тхар)

4. Абстрактные слова: *агшан* — миг, мгновение (тиб. аг. чханг, санскр. кшана), *жир* — простой, обыкновенный (тиб. спьир ~ джир), *ада* — злой дух (тиб. а. да), *баршад* — несчастный случай (тиб. бар. чхад), *боди* — нравственное совершенство (тиб. бо. дхи, санскр. бодхи), *бодисада* — существо, достигшее высшей степени нравственного совершенства (тиб. бодхи. ства, санскр. бодхисатва), *галаб* — эра, эпоха, период (тиб. бскал. па. кал. па, санскр. калпа), *дибаажан* — рай (тиб. бде. ба. чан ~ дебачан), *лай* — напасть, беда (тиб. лас ~ ла), *лүндэн* — пророческое письмо (тиб. лунг. бстан. ~ лунг. тан), *дэмбэрэл (тэй)* — счастливый (тиб. ртен., брел ~ тен. брел), *юртэмсэ* — вселенная, мир (тиб. джиг. ртен ~ джиг. ртен < уйгур. жиртин-

чу), *зэндэмэни* — философский термин, означающий «драгоценность» (тиб. цинта. мани, санскр. чандамани), *ланшад* — грех (тиб. лан. чхагс лан. чхаг), *ларжаа* — важность (тиб. слар. ргья ~ лар. джа), *махабад* — организм (тиб. ма. кха. бод, санскр. махабодхи — материальная субстанция), *нүгэл* — грех (тиб. ну. гел), *сүм* — полностью (тиб. сум, досл. цифра «три», но означает буддийский эпитет «гончик сум», то есть Будда, учение, община), *шолмос* — дьявол (тиб. чхол. мо. са), *ороолон* — упырь (тиб. ро. лангс ~ ро. ланг), *аршаан* — святая, целебная вода (тиб. ар. шанг, санскр. рашияну).

5. Астрономические и географические термины: *түбэд* — Тибет (тиб. сжод. бод ~ то. бод), *замби* — материк (тиб. дзам. бу), *замбуулин* — космос (тиб. дзам. бу. алинг ~ замбулинг), *одон* — звезда (тиб. од. донг), *орон* — страна, край (тиб. ранг).

6. Медицинские, ботанические и разные слова: *бадаган* — катар желудка (тиб. бад. кан), *бадма* — лотос (тиб. падма), *балжан гарма* — название цветка (тиб. спанг. ргьян. дкар. по ~ панг. джан. кар. по), *гариг* — паралич (тиб. ка. ригс. ~ ка. ри), *шүдхэр* — черт (тиб. чхуд. кхур), *саа* — паралич (тиб. гза ~ за), *домхи* — медвежья желчь (тиб. дом. мкхрис ~ дом. жи), *тан* — отвар из лекарственных трав (тиб. тханг), *бамба сэсэг* — роза (тиб. спанс. по ~ панг. по), разные слова: *бадар* — подаяние (тиб. па. дар), *бирман* — брахман (тиб. пир. манг), *гарууди* — миф. птица феникс (тиб. гарута), бур. *зандан* — сандал (тиб. цан. дан), бур. *лала* — иноверец, мусульманин (тиб. кла. кло ~ лало), *луу* — дракон (тиб. лво), бур. *наһан* — возраст (тиб. на. со), бур. *сумбэр* ~ *һүмбэр* — мифическая гора (тиб. сумбур, санскр. сумеру), *тама* — ад (тиб. тха. ма), *тобьег* — реестр, опись (тиб. тхоб. иг), *тахил* — жертвоприношение (тиб. тха. шел), *шойнжон* — ромбообразный (тиб. чхос. бьунг ~ чхо. джунг), *дангина* — фея (тиб. калька кха. до. ма, санскр. дакини), *ян* — болячка (тиб. гньян ~ ньян), *сэрэг* — войско (тиб. цхе. риг, санскр. кшатрика, персид. чериг), *түби* — земля, мир (тиб. тху. би, санскр. двипа), *тамхин* — табак, нюхательный табак (тиб. та. ма. кха), *табаг* — тарелка (тиб. тха. паг), бур. *дом* — заговор от болезни (тиб. дом), бур. *баншан богдо* — 2 после далай-ламы иерарх у ламаитов (тиб. пан. чхэн. бог то), *хүрдэ* — молитвенное колесо (тиб. кхур. тэ), бур. *хутагта* — святой, высший сан буддийского духовенства (тиб. хо. тхог. тху), бур. *мангалам* — святость (тиб. магга. ло), бур. *сог* — величие (тиб. мчхог ~ чхог), бур. *пэлдэн* — пилюля (тиб. пхэл. друнг ~ пхэл. дунг), *лагшан* —

здоровый (о теле) (тиб. лаг., чханг, санскр. лакшана), *масаг* — постный день (тиб. ма·саг), бур. жэрэб ~ зэрэб — смутный, неясный, рок судьбы (тиб. мкхьен·раб ~ тчен·раб), *сабдаг* — хозяин местности (тиб. са·бдагс ~ сабдаг).

Из этих 150 с лишним тибетских слов, взятых из словаря К. М. Черемисова, лишь 50 слов находятся в настоящее время в активном запасе словаря бурятского литературного языка, остальные устарели, стали историзмами.

Следует отметить, что многие тибетские слова, бытующие в бурятском языке, не зафиксированы в словаре К. М. Черемисова, в частности, медицинские, флористические и другие термины. Видимо, составитель недостаточно использовал материалы старописьменного монгольского и тибетского фондов.

Ниже приведем некоторые тибетские слова, собранные нами из дидактических произведений, написанных на старописьменном монгольском языке и не зафиксированных в словаре К. М. Черемисова.

Термины неорганической природы: *жоншо* — шпат (тиб. чонг. ши), *гартам* — агат (тиб. дкар. кхра. мин ~ гар. да. мин).

Математические и астрономические термины: *бум* — сто тысяч (тиб. бум), *пурбэ* — четверг, Юпитер (тиб. пхур. бу), *баасан* — пятница, Венера (тиб. па. сангс ~ пасанг), *мигмар* — планета Марс (тиб. миг. дмар ~ миг. мар), *бимба* — суббота, Сатурн (тиб. спен. па).

Географические термины: *балба* — Непал (тиб. бал. па).

Музыкальные термины: *гангар* — фарфоровая чашка (тиб. ганг. кар), *харанга* — бронзовый бубен, гонг (тиб. мкхар. рнга ~ кхар. нга).

Медицинские термины: *жор* — рецепт (тиб. спьор ~ жор), *ханда* — экстракт, настой (тиб. кханг. да), *сурьез* — туберкулез, бронхит (тиб. сур. яа).

Ботанические термины: *лиши* — гвоздика (тиб. ли. ши), *үдбэл* — водосбор железистый (тиб. утпа. ла), *барагшан* — каменное масло или мумиё (тиб. браг. шун), *даяг* — словарь (тиб. даг.нг ~ да.нг), *дуншуур* — сто млн. (тиб. дунг. пхур ~ дунг. жур), *гонид* — анис обыкновенный (тиб. го. сньод ~ гоньод), *үдбэл сэрбэ* — водосбор зеленоцветковый (тиб. удпал. сэрпо), *гоогол* — дикорастущий чеснок (тиб. га. го. ла), *жодоо* — пихта (тиб. ргья. до ~ жа. до), *самбрай* — цитрус (тиб. са. брас. ~ с. бра).

Разные слова: *жиба* — 10 млн. (тиб. бье·ба ~ дже·ба), *замбаа* — ячменная мука (тиб. цан·па), *Хаг-ба* — планета Мер-

курий (тиб. лхаг па), *бурма* — натуральный сахар (тиб. бурам), *мандал* — круг, окружность (тиб. мантал), *заан* — слон (тиб. гланг-чхэн ~ лан-чхэн), бур. *булар* ~ *болор* ~ *молор* — хрусталь, рубин (тиб. калька шэл), *ая ганга* — богородская трава, чабрец (тиб. а-я-ганг-га), *туужа* — повесть (тиб. тху-у-ча) и т. д.

Как указано выше, большинство тибетизмов отходит в пассивный запас словаря. Однако некоторые из них продолжают весьма активно употребляться в бурятском литературном языке.

Ц. Б. Цыдендамбаев указывает, что, например, слова, раньше имевшие только религиозное содержание, выдвинулись в разряд стилистически приподнятой лексики: *боти* (том), *багша* (учитель), *шаби* (ученик), *номин* (лазурный), *замбуулин* (космос)⁵.

Н. Б. Дугаров пишет, что известное количество слов, заимствованных из восточных языков, например, из тибетского языка, бытует в бурятском языке, входя в синонимические ряды с собственно бурятскими словами. Например, *һурагша* и *шаби* (ученик), *һурагша* и *багша* (учитель), *һо* и *гурим* (обычай, порядок), *эмхи* и *журам* (порядок), *лүшэн* и *одон* (звезда), *автобиографи* и *намтар*, *календарь* и *литэ* и т. д.⁶.

Бурятские писатели и поэты в своих произведениях часто употребляют слова тибетского происхождения. Поэт Ц. Галсанов, переводя поэму В. Маяковского «В. И. Ленин», вместо слова «миллион» употребляет тибетизм «сая».

«Парти хадаа
ээм ээмүүдээ
хам ниилүүлһэн
түмэн сая хүнүүд
гээшэл»⁷.

«Партия — это миллионов плечи,
друг к другу
прижатые туго».

Семаитико-грамматическое и стилистическое использование тибетизмов — предмет специального исследования. В данной же статье мы поставили перед собой цель проследить некоторые закономерности фонетической адаптации тибетских заимствований в бурятском языке.

Фонетические системы тибетского и бурятского языков имеют большие различия между собой, ибо бурятский язык относится к алтайской семье языков, а тибетский — к сино-тибетской.

Качественное различие между фонетической системой тибетского и бурятского языков выражается в разном составе фонем, различном произношении близких звуков, в наличии специфических звуковых закономерностей, действующих в обоих языках. Кроме того, одной из характерных особенностей бурятского языка

является наличие в нем закона гармонии гласных, или сингармонизма. Разный состав фонем данных языков накладывал явственный отпечаток на фонетическое оформление заимствований.

Фонетическая система бурятского языка характеризовалась отсутствием в исконных словах фонем в, в', к, к', ф, ф', ч, ц, ш. Поэтому эти звуки встречаются в основном в заимствованных словах или на их место подставляют привычные для их артикуляции звуки⁸.

Н. Жамбалсурен подчеркивает, что монгольское чтение тибетских слов близко восточным (амдо) тибетским наречиям и отражает более архаичные тибетские диалекты. Заимствованные тибетские слова в дальнейшем подвергались в монгольском языке воздействию фонетических законов и произносительных навыков монголов⁹.

При передаче согласных фонем классического тибетского языка на бурятский язык в последнем произошли следующие их модификации.

Тибетская фонема «па», смычная, губная, глухая, передается через бурятскую фонему «б»: бур. *галаб* — период, эра, эпоха (тиб. бскал па ~ кал·па), бур. *Гомбо* — собственное имя (тиб. мгон·по ~ гон·по).

Тибетская фонема «пха», глухая, с сильным придыханием, губная, смычная, на бурятском языке произносится как «п»: бур. *Пүнсэг* — собственное имя (тиб. пхун·цхог), бур. *Пүрбэ* — собственное имя (тиб. пхур·бу).

Тибетская фонема «ба», смычная, звонкая, губная, передается на бурятском языке такой же звонкой фонемой «б»: бур. *Табхай* — собственное имя (тиб. тхабс·мкха ~ тхаб·кха), бур. *лимбэ* — флейта (тиб. глинг·бу ~ линг·бу).

Тибетская фонема «ма», носовая, низкого тона, губная, на бурятском языке реализуется фонемой подобного же звучания: бур. *Нима* — собственное имя (тиб. ньн ма ~ нима), *Мэдэгма* — собственное имя (тиб. ме·тог·ма), бур. *гурим* — порядок, обычай (тиб. го·рим).

В бурятском литературном языке нет аффрикат, они встречаются только в заимствованных словах и реализуются как щелевые. Например, вместо тибетского аффриката «ца» в бурятском употребляются щелевые звонкие, слабые з, ж: бур. *Зүгдэр* или *Жүгдэр* — собственное имя (тиб. цуг·тор ~ цуг·тор), бур. *Зунда* — собственное имя (тиб. бцон·грус ~ цон·ду), бур. *замбаи* — поджаренная ячменная мука (тиб. цам·па).

Тибетская аффриката «цха» в бурятском языке звучит как

«ц». Например: бур. *Цэбэг* — собственное имя (тиб. *цхе·дпаг* ~ *цхе·паг*), бур. *Цэрэн* — собственное имя (тиб. *цхе·ринг*). Если в собственных именах тибетская аффриката сохраняется, то в обычных словах она передается через бурятскую фонему «с»: бур. *сүгсэ* — бронзовая чашечка (тиб. *цхугс*), бур. *сэг* — знак препинания, запятая (тиб. *цхег*). Иногда, даже в собственных именах, аффриката не сохраняется: бур. *Сандан* — собственное имя (тиб. *цхангс·лдан* ~ *цхан·дан*), бур. *Сультим* — собственное имя (тиб. *цхул·кхримс* ~ *цхул·тим*).

Аффриката «дза» в бурятском языке переходит в «з», например: бур. *зади* — мускатный орех (тиб. *дза·ти*).

Тибетская фонема «са» в бурятском языке реализуется как фонема «с»: бур. *Гэсэр* — имя легендарного героя (тиб. *ге·сар*), бур. *шасар* — желтая шапка (тиб. *шва·сер*).

Фонема «за» передается через звук «с»: бур. *Лубсан* ~ *Лобсан* — собственное имя (тиб. *бло·бзанг* ~ *ло·бзанг*), бур. *сан* — медь (тиб. *зангс* ~ *занг*). Но в бурятском слове тибетского происхождения *зоог*, *зооглохо* — яства, отведать (тиб. *зо*) тибетская фонема сохраняется.

Фонема «тха» звучит как «т»: бур. *тама* — ад (тиб. *тха·ма*), бур. *намтар* — биография (тиб. *рнам·тхар* ~ *нам·тхар*).

Фонема «да» реализуется как «д», например: бур. *дун* — раковина (тиб. *дунг*).

Тибетская фонема «на» передается через «н», бур. *наһан* — возраст (тиб. *на·со*). Фонема «нья» звучит как «н», например: бур. *нирба* — дацанский казначей, завхоз (тиб. *гньэр·па* ~ *ньэр·па*).

Фонема «ча» реализуется как «ж»: бур. *жоншо* — шпат (тиб. *чоне·жи* ~ *чонг·ши*), бур. *дибаажан* — рай (тиб. *бде·ба·чан* ~ *де·ба·чан*).

Аффриката «чха» передается через «с», например: бур. *ласа* — сургуч (тиб. *ла·чха*), бур. *самса* — рубаха (тиб. *пхьям·чхе* ~ *джам·чхе*), но *чха* иногда в бурятском языке переходит в звук «ш»: бур. *шодон* — обелиск (тиб. *мчход·ртэн* ~ *чход·тэн*), бур. *гаршиг* — оглавление (тиб. *кар·чхаг*), эта же фонема «чха» передается и еще через «ч», например: бур. *Анчиг* — собственное имя (тиб. *а·мчхог*), бур. *Ринчин* — собственное имя (тиб. *рин·чхэн*).

Аффриката «джа» звучит как «ж»: бур. *Доржо* — собственное имя (тиб. *рдо·рджэ* ~ *до·рджэ*), бур. *жабдан* — низкая конка (тиб. *джаб·гдап* ~ *джаб·дан*).

Фонема «на» читается как «ш», бур. *шасар* — желтая шапка (тиб. шва·сэр).

Фонема «ша» передается через «ш»: бур. *шэл* — стекло (тиб. шэл), *Даша* — собственное имя (тиб. бкра·ши ~ да·ши).

Фонема «ка» в бурятском языке во всех случаях передается через «г», например: бур. *гаршаг* — оглавление (тиб. кар·чхаг), *гунгарбаа* — божница (тиб. кун·дга·ра·ба ~ кун·га·ра·ба), бур. *галаб* — период, эра, эпоха (тиб. бскал·на ~ кал·па).

Фонема «кха» реализуется как «х» и «г»: бур. *дуган* — модельня (тиб. дү·кханг), бур. *хамба* — верховный лама (тиб. мкхан·по).

Фонема «га» передается через «г»: бур. *гэлэн* — монах (тиб. дгэ·слонг ~ гэ·лонг), *Сэнгэ* — лев и собственное имя (тиб. сэнг·гэ).

Фонема «нга» в бурятском языке читается в начале слова как гласная «а», а в конце и в середине слова как «н»: бур. *Авоан* — собственное имя (тиб. нгаг·дбанг ~ аг·банг), бур. *гуулин* — латунь (тиб. гу·линг).

Фонема «ра» передается в бурятском языке таким же звуком. В начале исконно бурятских слов фонема «р» не пишется, поэтому в начальной позиции она берет гласную: бур. *үрил* — пилюля (тиб. рил·бу), бур. *ороолон* — унырь (тиб. ро·лангс ~ ро·ланг), *орон* — страна (тиб. ранг). Но собственные имена начальную позицию не теряют и пишутся также; например: бур. *Ринчин* — собственное имя (тиб. рин·чхэн), бур. *Радна* — собственное имя (тиб. ратна).

Графема «лха» в бурятском языке читается как фарингальная «h», в письме же сохраняется: бур. *hаса* ~ *Дхаса* (тиб. лха·са), бур. *hала* ~ *Дхама* — собственное имя (тиб. лха·мо).

В исконно бурятских словах в начале и в конце слов стечение согласных отсутствует, поэтому в тибетских заимствованных словах стечением согласными появляются гласные, например: бур. *Сэрээтэр* — собственное имя (тиб. сри·тхар), бур. *Дансаран* — собственное имя (тиб. бстан·срунг ~ тан·срун), бур. *Хайдаб* — собственное имя (тиб. мхас·груб ~ кха·дуб), бур. *Ойдоб* — собственное имя (тиб. днгос·груб ~ нго·дуб), бур. *наижа* — лама — опекун ребенка (тиб. гнас·сбын·па ~ на·жин·па).

При адаптации тибетских заимствований в бурятском языке наблюдается следующее: в середине слов перед смычными шелевыми тибетские носовые заменяются бурятской фонемой «м»: бур. *лимбэ* — флейта (тиб. глин·бу ~ линг·бу), бур. *хамба* —

верховный лама (тиб. мкхан·па ~ кхан·па), бур. *Дэмбрэл* — собственное имя (тиб. 'ртэн·брэл ~ тэн·брэл) или, наоборот, тибетская фонема «м» заменяется бурятским носовым «н»: бур. *унзад* — канонарх (тиб. дбу·мдзад ~ умдзад).

В бурятском языке наличествует строгая закономерность употребления гласных звуков в словах, которая обычно называется законом гармонии гласных, или сингармонизмом. Согласно этому закону, исключается соседство гласных мягкого и твердого рядов. Вот почему хорошо освоенные тибетские слова могут полностью подчиняться фонетическому закону бурятского языка. По этому поводу академик Б. Я. Владимирцов пишет: «Жизненность закона гармонии гласных с особой наглядностью выступает при рассмотрении заимствованных в халхаском иноязычных слов. Усвоенные заимствованные слова в халхаском видоизменяются согласно закону сингармонизма, причем они перестраиваются сообразно гласному первого слога, приблизительно похожего на первый гласный иноязычного слова»¹⁰. Например: письм. монг. *Сирэтэн*. бур. *Сэрэтэр* — собственное имя (тиб. сри·тхар), бур. *Мэдэг* — собственное имя (тиб. мэ·тог), бур. *шодон* — обелиск (тиб. мчход·ртэн ~ чход·тэн), бур. *самса* — рубаха (тиб. нхьям·чхе ~ жам·чхэ), бур. *шасар* — желтая шапка (тиб. шва·сэр), бур. *ломин* — лазурит (тиб. му·минг).

Таким образом, приведенный в статье материал показывает, что в фонетическом отношении тибетские слова полностью адаптировались в бурятском языке.

¹См.: «Современный русский язык». М., «Высшая школа», 1961, с. 20.

²См.: О. С. Ахманова. Очерки по общей и русской лексикологии. М., Учпедгиз, 1957, с. 155.

³См.: Т. А. Бертагаев. Лексика современных монгольских литературных языков. М., «Наука», 1974, с. 373.

⁴См.: «Бурятско-русский словарь». Составил К. М. Черемисов. М., СЭ, 1973.

⁵См.: Ц. Б. Цыдендамбаев. Бурятские исторические хроники и родословные. Улан-Удэ, 1972, с. 513.

⁶См.: Н. Б. Дугаров. Источники возникновения лексических синонимов в бурятском языке. — «Тр. БИОН БФ СО АН СССР», вып. 18, серия языковедческая. Улан-Удэ, 1972.

⁷См.: В. Маяковский. Владимир Ильич Ленин (перевод на бурятский язык Ц. Галсанова). Улан-Удэ, Бурят. кн. изд-во, с. 63.

⁸См.: У. Ж. Ш. Дондуков. Влияние русского языка на развитие и обогащение лексического состава бурятского языка. Улан-Удэ, Бурят. кн. изд-во, 1974, с. 61.

⁹См.: Н. Жамбалсуреи. Тибетские слова в монгольском языке. Автореф. канд. дис. М., Ин-т народов Азии АН СССР, 1961, с. 13.

¹⁰Б. Я. Владимирцов. Сравнительная грамматика письменного монгольского языка и халхаского наречия. Л., 1929, с. 21.

ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ТОПОНИМИКЕ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ

Профессор Иркутского госуниверситета им. А. А. Ждаиова М. Н. Мельхеев — автор целого ряда трудов, посвященных географическим названиям, в частности Бурятской АССР, Иркутской и Читинской областей. Даниую проблему разрабатывали Г. М. Василевич, Э. Р. Рыгдылон, В. Б. Шостакович и многие другие. Их труды занимают достойное место в историографии восточносибирской топонимии.

Однако исследования М. Н. Мельхеева¹ имеют существенные отличия. Во-первых, он обобщил в них тот огромный фактический материал, который накопился за последние две сотни лет; во-вторых, определил (и не безуспешно) систему современной топонимии большого географического ареала, исходя из историко-этиографических, географических, лингвистических и иных данных, взятых в комплексе, установив одновременно общие закономерности формирования топонимии исследуемых районов; наконец, в-третьих, он первый дал наиболее полный словарь географических названий Восточной Сибири — свыше 600 топонимов — с попыткой этимологизации каждого из них.

Труды М. Н. Мельхеева имеют в общем одинаковую структуру и в какой-то мере повторяют друг друга. Наибольшее сходство между собой имеют работы «Происхождение географических названий Иркутской области» и «Географические названия Восточной Сибири». Мы рассмотрим более подробно вторую из этих работ, написанную позднее, значительно улучшенную по сравнению с первой и существенно дополненную, что и позволяет ей по праву являться самостоятельной работой.

Введение и обзор литературы у названных трудов совпадают почти до деталей. Во введении в общем правильно дано определение науки о топонимике и ее значение для географии, истории, этнографии и лингвистики. Велико значение топонимики в преподавании географии, истории и языка в школе. Со всеми положениями автора мы согласны. Вызывает только возражение разделение сойотов и тувинцев и отнесение их к разным народам. Ведь сойоты — одно из основных племен тувинцев. Это все равно, что хоринцев и бурят представлять как разные народы.

Обзор литературы по топонимике Восточной Сибири, на наш взгляд, правильно начат с упоминания древних письменных источников, касающихся истории края: «Сокровенного сказания монголов» и «Сборника летописей» Рашид-ад-дина, «Сборника документов по истории Бурятии XVII в.». Рассматривается и литература советского периода, посвященная разбору географических названий Восточной Сибири. В конце обеих книг приведен подробный список литературы, который облегчает работу читателя с этим разделом.

«Из истории формирования топонимии» — так назван основной теоретический раздел, который в предыдущей книге носит название «Пути формирования топонимики Иркутской области». Эти разделы почти идентичны. Только в следующей работе М. Н. Мельхеев добавил характерные признаки бурятских топонимов и увеличил количество примеров с коттскими топонимами на **-шет**, **-чет**. Кроме того, дано несколько абзацев о топонимах Читинской области и расширен абзац о топонимах тюркского происхождения.

Автор правильно понимает процессы появления, развития, напластования топонимов различного этнического происхождения, правильно связывая это с историей края, с историей народов, с их передвижением. Хорошо показаны современные процессы развития топонимии, связанные с бурным развитием производительных сил, с ростом народонаселения и населенных пунктов, с преобразованием природы человеком.

На основе определенных языковых признаков автор верно вычленяет эвенкийский топонимический, бурятский, коттский, тюркский пласты. Языковые признаки в общем определены правильно. Вызывает лишь возражение отнесение к тюркским названиям топонима **кутул** (*кутал*, *куталь*) — перевал, дорога через невысокий хребет в Ольхонском районе. Такого же происхожде-

ния слово *Кутулик*. Но ведь слово *хүтэл* — седловина в горах — является бурятским, есть *хөтөл* и у халха-монголов. Так что *кутул* является топонимом бурятского происхождения. Об этом же говорит и сам автор на страницах 44—45, разбирая уже в словаре топоним *Кутул*. Хорошо и со знанием дела рассмотрены русские топонимы, история их появления. Безусловно, этот раздел вносит определенный вклад в развитие топонимической науки Восточной Сибири.

Вызывает интерес довольно полный список местных русских географических терминов, данный во второй книге. Он помогает точнее понять смысл названий, приведенных на географической карте, полнее определить природные и погодные условия, особенности, характерные для Сибири, понять географическую и краеведческую литературу. Такое начинание можно только приветствовать. Однако не со всем здесь можно согласиться. Например, слова *багул* (местное название рододендрона), *волчья трава* (валерьяна) относятся к ботанической терминологии, а не к географической. Слова *гнус* (мошка), *замор* (гибель рыбы зимой в ямах), *кухта* (шапки снега на ветвях деревьев), *логово* (место обитания, лежки нерпы) являются обычными сибирскими диалектизмами и вряд ли их стоит относить к географическим терминам. Недостаточно полно выявлено значение термина *шарлопы* (мелкие пещерки в скалах, нишеобразные углубления и пещерки по берегам реки) (Приленье, Илимский район). Дело в том, что в Восточных Саянах этот термин употребляется для называния осыпи из крупных камней. Есть и неточные определения терминов. Так, *листвяг* дан как «местное название чистых лиственных насаждений», в то время как насаждения — это деревья, посаженные человеком, а листвяги — это чистые сплошные лиственные леса. Но в общем словарь удачен.

Не менее удачной можно считать и книгу «Топонимика Бурятии», в которой полно и подробно отражены история, система и происхождение географических названий на территории Бурятской АССР, бурятских национальных округов и некоторых соседних с ними районов с бурятским населением. Книга содержит много новых глав и разделов.

Во введении достаточно полно и точно раскрыт предмет, методы и задачи топонимики. При этом общетеоретические вопросы топонимии автор дает опираясь на местный материал, что можно только приветствовать. К сожалению, немного фрагментарно и схематично дан обзор литературы по топонимике Бурятии. Очень затрудняет работу с этим разделом отсутствие, в отличие от предыдущих книг, списка использованной литера-

туры, что можно считать существенным недостатком.

Далее, в двух больших главах разобраны история формирования топонимии и система современной бурятской топонимики.

Касаясь истории формирования топонимии территории, населенной бурятами, автор совершенно правильно начинает исследование с рассмотрения топонимии как категории исторической, каковой она и является. На конкретных фактах истории хорошо показано, как «... на территории Бурятской АССР и смежных с нею областей на протяжении многих веков менялись исторические условия, происходили сложные общественные процессы — передвижение и смешение разных народов и племен, обладавших различной языковой культурой. В этом длительном водовороте общественных событий и скрещивании языков происходило формирование топонимии края. При этом каждая появившаяся народность, усваивая и сохраняя прежние географические названия на языке своих предшественников, в то же время вносила в топонимию края новое на своем языке, изменяла и модифицировала структуру прежней топонимии. Иногда эти видоизменения были настолько сильными, что форма и смысл некоторых древних топонимов дошла до нас в искаженном до неузнаваемости виде. В результате длительного исторического процесса на рассматриваемой территории образовалась сложная топонимия в виде наслоения географических названий различного языкового происхождения: палеоазнатского, эвенкийского, самодийского, тюркского, монгольского, бурятского и русского»².

Все это очень удачно подкрепляется фактами археологии и истории края, заселенного еще со времен каменного века. Из истории мы узнаем, что в Прибайкалье уже 3—4 тысячи лет назад жили лесные племена, занимавшиеся охотой и рыбной ловлей и не знавшие ни скотоводства, ни земледелия. В степных же районах Забайкалья в это время существовала культура раннепасторальных племен. Первые явились предками позднейших эвенкийских племен, а вторые участвовали в формировании бурятских племен. Позднее эта территория была под властью гуннов, затем — орхонских тюрков, угуров, кыргызов.

Топонимы, близкие к современным, мы находим уже в памятниках древнетюркской (орхонской) письменности. Автор очень хорошо сделал, обратившись к этим, по сути дела самым ранним, письменным свидетельствам топонимии края. Данные он берет у акад. Б. Я. Владимирцова, в свое время посвятившего специальное исследование орхонским тюркским географическим именам, сохранившимся в монгольском старописьменном языке³.

Материал свидетельствует о том, что уже по крайней мере тысячу лет назад существовали названия *агу* — современная Ага (в Забайкалье) и *селенге* — река Селенга и что с этой территорией связаны племена древних киданей, уйгуров, кыргызов.

Плодотворно обращение автора к таким древним письменным источникам, содержащим местную топонимию, как «Сокровенное сказание монголов» и «Сборник летописей» Рашид-ад-дина. Здесь мы тоже встречаем современные Селенгу, Хилок, Иро, Ангару, Онон, Чикой, Темник, что говорит о древности этих названий, о преемственности топонимов.

Очень интересен своими выводами и материалом раздел «Племена и народы, на языках которых формировалась современная топонимия Бурятии». Вывод о многослойности современной топонимии Бурятии, сложившейся в результате напластования разноязычных географических названий, подтверждается многочисленными конкретными примерами. Выделяются монгольязычные, славяноязычные, тунгусоязычные, тюркоязычные, кетоязычные и самодийскоязычные названия. Одна из таблиц, приводимая в разделе, иллюстрирует языковую принадлежность топонимов бассейнов ряда крупных рек в районах расселения бурят.

Топонимам, происходящим из разных языков, посвящены специальные разделы. Автор подробно и со знанием дела, показывая полную компетентность и хорошую ориентацию в бурятском, эвенкийском и русском языках, разбирает тунгусоязычную, русскую и монголо-бурятскую топонимию. Заслуживает внимания выделение следов топонимии кетоязычных племен, которая имеет характерные форманты в названиях рек: *-шет* (Акульшет, Ингашет, Тайшет, Туманшет), *-чет* (Тенчет, Черчет, Такучет), *-сет*, *-сес*, *-ул* (Агул, Тагул, Ангаул, Хангаул). Можно полностью согласиться с материалом по тюркоязычному пласту в топонимии Бурятии. Топонимические элементы этого пласта, выделяемые автором, действительно имеют широкие соответствия в тюркских языках и являются тюркскими по происхождению. Мы только против приписывания тюркскому слову *бай* значения «большой; великий», ибо во всех, и древних и современных, тюркских языках слово *бай* значило и значит «богатый».

Серьезные возражения вызывает ряд положений автора, приводимых им в разделе «Следы топонимии самодийских племен», особенно те, которые касаются отнесения тофаларов, тувинцев-тоджинцев и койбалов к самодийцам⁴. Дело в том, что в специальной литературе речь всегда идет о предполагаемом

происхождении части родов современных тофов, тоджинцев и койбалов от самодийских племен, в то время как по языку и тофы, и койбалы, и тоджинцы являются тюрками⁵. Этого не отрицает и сам автор. Поэтому совершенно ошибочно сопоставление сходных слов из якобы самодийских тофаларского, тоджинско-тувинского и койбальского языков со словами бурятского языка и вывод о родстве самодийских и монгольских языков. Сопоставляемые им с бурятскими тофаларские и тоджинские слова *инек* (корова), *пуга*, *буга* (бык), *асхыр* (жеребец), *хулун* (жеребенок), *алтан* (золото) никогда не были самодийскими, это исконно тюркские слова. Например, в древнетюркском языке: *inek* (корова), *buqa* (бык), *ajug* (жеребец), *altun* (золото), *qulun* (жеребенок). Слова *калджен* (лысый) и *калагай* (крапива) — монголоязычные заимствования в этих языках. Неверно отнесение тофаларского *ой* (ручей, небольшая речка) к самодийским, так как это общетюркское слово (ср. *ой* во многих тюркских языках в значении «впадина, котловина, лощина, выемка»).

Самодийскими являются лишь топонимы с формантом *-ба*, *-би*, *-бу*. В этом автор, безусловно, прав.

Вторая глава посвящена системе современной бурятской топонимии. В ней подробно разбираются названия, имеющие собственнобурятское происхождение, и распространение их на территории с бурятским населением. Глава начинается с описания современного расселения бурят.

Не вызывают возражений сопоставление фонетического оформления топонимов в бурятском и русском языках, что помогает их идентифицировать и правильно прочесть карту, и приведение моделей бурятских топонимов, в выведении которых автор учел законы бурятской грамматики. Семантическая и морфологическая структуры бурятских топонимов, приводимые автором, помогают выделять с достаточной точностью топонимы бурятского происхождения. Надежными мы можем считать и этимологии бурятских топонимов, даваемые автором. Здесь правильно выделяются названия, отражающие в себе природно-географические условия (Бугата — изюбриный, Хэрмэтэ — беличий, Хасуурта — ельник, Мангирта — луковый, Нарин горхон — узкий ручей), историко-этнографические и экономико-географические особенности Бурятии (Хоринск < хори — бурятское племя, улус Шаралдай < шаралдай — бурятский род булагатов, улус Баяндай < баяндай — эхиритский род); названия, связанные с народной этимологией, подгонкой под бурятский язык некото-

рых небурятских топонимов (Аха-гол — р. Ока < ок — хем); топонимы религиозно-мифического происхождения (озеро Онго нуур — священное озеро, Барисын Дабаан — перевал подиошений). Интересен раздел о микротопонимии, где даются подробно названия, бытующие на небольшой (площадью 3—5 км²) территории.

Как продолжение очень нужной работы над географической терминологией, начатой автором в предыдущей книге⁶, где дана местная русская географическая терминология, следует рассматривать список бурятских географических терминов. Эти термины разбиты на семантические группы: общегеографические термины (*хото* — город, *хужир* — солончак, *хабсагай* — скала, *намаг* — болото, *олом* — брод, *нуга* — луг, займище, *байца* — отвесная скала), названия животных, образующие топонимы (*аргали* — дикий горный баран, *могой* — змея, *сурхай* — щука, *хандагай* — лось), названия растений, образующие топонимы (*жодоо* — пихта, *улаагана* — красная смородина, *хасуури* — ель), прилагательные, участвующие в образовании топонимов (*урда* — южный, *ехэ* — большой, *дцлаан* — теплый, *баруун* — западный). Очень интересна таблица (с. 104—107), в которой приведены терминологические параллели и сходные монгольские (бурятские и халхаские), эвенкийские и тюркские (вообще тюркские, якутские, тувинские) названия. Например, бур., халха-монг. *айл*, тюрк. *аул*, якут. *ыал*, хакас. *аал* — селение; бур. *арал*, *ольторог*, халха-монг. *арал*, якут. *арыы*, тувин., хакас. *олтырых* — остров, эвенк. *арал* — лесной островок.

Завершает книгу довольно большой, хотя и названный кратким, топонимический словарь.

Соглашаясь в целом с этимологией топонимических названий, приведенных в разобранных трех книгах, мы хотели бы в ряде случаев возразить автору при толковании им некоторых топонимов и предложить свои соображения.

Название села *Абалак*⁷ в Усть-Удинском районе Иркутской области происходит, по мнению автора, от бурятского слова *аоа* (охота) и связывается с облавной охотой *зэгтэ-аба*, проводившейся ранее в этой местности. Может быть это и так, но не следует забывать, на наш взгляд, о существовании здесь в прошлом Абалакова улуса кетоязычных арицев. Об этом мы находим сведения у Б. О. Долгих⁸. Кетоязычный род Абалаков вошел также в состав качинцев (хакасов), у которых отмечается род и улус Абалаковский⁹.

Озеро и губа *Амнундакан* на берегу Байкала¹⁰ возводятся к эвенкийскому слову *амут* (*амундо*) — озеро, *-кан* — суффикс уменьшительной формы. Данная трактовка, нам кажется, неудовлетворительна потому, что в эвенкийском языке и его диалектах вообще нет слова *амундо*¹¹ да еще в значении «озеро». Зато есть слова *амнунда*, *амнунна* в значении «наледь», «выносы камней на устье горной реки, на которых летом обычно задерживается нерастаявший лед», и *Амнунна* как название реки¹². О реке *Амнунна* (*Амнунда*~*Амнунра*), название которой по-эвенкийски означает «каменистая россыпь на устье, летом очищающаяся от наледи», сообщает и исследователь эвенкийской топонимии Г. М. Василевич¹³.

Кара-Бурень — река в Восточных Саянах, приток р. Уды. По нашему мнению, сомнительно отнесение этого гидронима к тюркоязычным по происхождению, так как этот приток р. Уды имеет название *Кара-Бурень* лишь на географических картах и у местных русских, коренное же население — тофы — именуют его *Кара-иир*. *Кара-Бурень* объясняется тофами как бурятское *Хара мурэн* (черная река), что является, на наш взгляд, более близким к истине.

Название местности *Оёк* в Иркутском районе производится либо от бурятского *оёхо* (шить), либо от междометия *ой, ой, ое ей*. Сам же автор эти этимологии считает сомнительными. Он склоняется к мнению, что «скорее всего это слово тюркского происхождения: *оёк, оюк* — знак, указатель дорог»¹⁴. Здесь нам хотелось бы возразить автору. Дело в том, что в тюркских языках (ни в одном из известных сейчас) слово *оёк, оюк* не имеет значения «знак, указатель дорог». Название *Оек* действительно можно считать тюркским, но происходящим от слова с другим значением. Ср. хакас.¹⁵ *ойыг* (пологая, отлогая местность), *ойых* (выемка, впадина), *ой* (низина, долина, впадина, котловина), тувин.¹⁶ *ой* (низина, лощина), *оюк* (пробоина, дыра), тофалар.¹⁷ *оюк* (расселина, узкий распадок в вершине ручья), киргиз.¹⁸ *ой* (низина, впадина, котловина), *оюк* (выемка, впадина, дыра), барабин. татар.¹⁹ *ойык* (низина), уйгур.²⁰ *ой* (низина, низменность, впадина, выемка).

Хотелось бы сказать несколько слов относительно некоторых неточностей, вкравшихся в объяснение названия *Тофалария*²¹. Слово *тофа* — не искаженное самоназвание *дуба, туба* или *тува*, а собственное название этого народа. *Тофалар* — форма множественного числа от *тофа*. *Дуба, туба* — предполагаемые предки тофов, а также родов *туба* у северных алтайцев, *тума* у хакасов

и тувинцев (*тыва*). Ни у тофов, ни у хакасов, ни у алтайцев и тувинцев слова *туба*, *дуба*, *тума*, *тофа* не означают «люди». У тофаларов не было тотема *кара гас* (черный гусь), к которому пытаются свести обидное дореволюционное прозвище тофов *карагас*. По сообщениям стариков — тофов, ранее у них был, наряду с родами *хааш*, *сары хааш* (желтый хааш), *чогды*, *кара чогды* (черный чогды) и *чептэи*, род *кара хааш* (черный хааш). Последний мужчина из рода *кара хааш*, носивший фамилию Иреяков, умер незадолго до революции, после чего этот род прекратил свое существование. Род *кара хааш* и дал основание царской администрации выделить у тофаларов Карагасский улус наряду с улусами Сельпигурским, Кангатским, Югдинским и Кубалитским². От названия этого улуса и стали до революции называть карагасами сначала часть тофов, а потом и всех. Расшифровка слова *карагас* как «черный гусь» является народной этимологией.

Отмеченные выше неточности и спорные этимологии ничуть не умаляют явных и бесспорных достоинств рецензируемых работ. Все они вносят крупный научный вклад в разработку топонимии Восточной Сибири и являются, по сути дела, своеобразной вехой на сложном и тернистом пути топонимики. Книги очень интересны и познавательны для массового читателя, интересующегося прошлым края, написаны живо и увлекательно. Таким образом, мы располагаем исследованиями, удачно сочетавшими в себе как большое научное, так и практическое значение. Наконец-то читатель может получить квалифицированный и точный ответ, почему, например, Куйтун назван Куйтуном, Селенга Селенгой и откуда произошли, например, названия Могойтуй, Дарасун и Оловянная.

¹М. Н. Мельхеев. Происхождение географических названий Иркутской области. Иркутск, 1964; его же. Географические названия Восточной Сибири. Иркутск, Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1969; его же. Топонимика Бурятии. Улан-Удэ, Бурят. кн. изд-во, 1969.

²М. Н. Мельхеев. Топонимика Бурятии. с. 15.

³См.: Б. Я. Владимирцов. Географические имена орхонских надписей, сохранившиеся в монгольском. — «Докл. АН СССР». Серия В, № 10. Л., 1929, с. 169—174.

⁴См.: М. Н. Мельхеев. Указ. соч., с. 36.

⁵См.: М. А. Castren. Versuch einer kojbalschen und karagassischen Sprachlehre. St.-P., 1857; С. И. Вайнштейн. Тувинцы — тоджицы. М., Изд-во вост. лит., 1961.

⁶См.: М. Н. Мельхеев. Географические названия Восточной Сибири. Иркутск, 1969, с. 98—117.

⁷М. Н. Мельхеев. Географические названия Восточной Сибири. Иркутск, 1969, с. 18.

⁸Б. О. Долгих. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. М., 1960, с. 233, 235, 240, 272.

⁹См.: «Народы Сибири». — «Этнографический очерк». М.—Л., Изд-во АН СССР, 1956, с. 385.

¹⁰См.: М. Н. Мельхеев. Топонимика Бурятии, с. 111.

¹¹По устному сообщению эвенковеда М. Д. Симонова, младшего научного сотрудника БИОН БФ СО АН СССР.

¹²См.: Г. М. Василевич. Эвенкийско-русский словарь. М., ГИЗ, 1958, с. 29.

¹³См.: Г. М. Василевич. Топонимика Восточной Сибири. — «Изв. Всесоюз. геогр. о-ва», 1958, № 4, с. 327.

¹⁴М. Н. Мельхеев. Топонимика Бурятии. с. 146—147.

¹⁵См.: Н. А. Баскаков, А. И. Инкижеков а-Грекул. Хакасско-русский словарь. М., ГИЗ, 1953, с. 124—125.

¹⁶См.: Тувинско-русский словарь. М., Изд-во СЭ, 1968, с. 315, 329.

¹⁷См.: Собственные полевые записи В. И. Рассадина.

¹⁸См.: К. К. Юдахин. Киргизско-русский словарь. М., Изд-во СЭ, 1965, с. 561, 585.

¹⁹См.: В. В. Радлов. Опыт словаря тюркских наречий. Т. 1, ч. 2. СПб., 1893, с. 1038.

²⁰См.: Э. Н. Наджип. Уйгурско-русский словарь. М., Изд-во СЭ, 1968, с. 113.

²¹См.: М. Н. Мельхеев. Топонимика Бурятии. с. 159.

²²См.: Б. О. Долгих. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке. М., 1960, с. 252, 254; О наличии рода кара хаш см.: «Общественный строй у народов Северной Сибири (XVII—начало XX вв.)». М., «Наука», 1970, с. 306—307.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ МИКРОТОПОНИМИИ ГОРОДА УЛАН-УДЭ

Улан-Удэ вполне справедливо называют одним из старинных городов Сибири и Дальнего Востока. Он существует и развивается свыше трех веков. Годом его основания считается 1666, когда в устье реки Уды возникло казачье зимовье под названием Удинское. С 1680 года оно стало называться Удинским острогом, который в 1690 году был переведен в разряд городов и переименован в Верхнеудинск. С 1783 года Верхнеудинск становится уездным городом Иркутского наместничества с магистратским управлением.

4 декабря 1923 года в Верхнеудинске созывается 1 съезд Советов Бурятии, где было законодательно закреплено образование Бурятской Автономной Советской Социалистической Республики. Столицей республики становится город Верхнеудинск, который в июле 1934 года постановлением ЦИК СССР был переименован в Улан-Удэ.

Только Советская власть дала полный простор для бурного и невиданного расцвета экономики и культуры города. Сейчас здесь целый ряд крупных промышленных предприятий, несколько институтов, театров, средних специальных учебных заведений, много общеобразовательных школ. В Улан-Удэ есть и своя «академия» — Бурятский филиал СО АН СССР.

В городе, особенно в послевоенные годы, развернулось большое жилищное строительство, на которое ежегодно отпускаются огромные средства. Особое внимание уделяется его благоустройству.

Число жителей увеличивается с каждым годом. 6 ноября

1975 г. был торжественно зарегистрирован трехсоттысячный улан-удэнец. В связи с увеличением численности населения город растет и территориально. В настоящее время в Улан-Удэ более 600 улиц, переулков, проспектов, бульваров и площадей, в названиях которых отражена его история. Так, например, одна из центральных улиц города, носящая имя героя гражданской войны и командира первого бурятского партизанского отряда Павла Сергеевича Балтахинова, раньше называлась Мокрослободской. Такое название улице было дано потому, что раньше здесь, по воспоминаниям старожилов, проходило старое русло Уды. С изменением течения реки осталась старица, превратившаяся позже в болото. Кругом стояли лужи с позеленевшей водой. Люди вынуждены были прыгать с кочки на кочку. А теперь по этой улице вдоль современных благоустроенных домов идут новые автобусы, автомашины, трамваи. В самом начале улицы стоит новый железобетонный мост через реку Уду. В первые годы Советской власти эта улица получила название Монгольской, а в 1947 году ей было присвоено имя командира партизанского отряда Балтахинова.

Улица им. Кирова раньше называлась Базарной, так как проходила мимо находившегося в центре города базара. Другой пример: площадь Советов. Прежде она называлась Нагорной и была просто пустырем на окраине города.

В микротопонимии Улан-Удэ прослеживается два основных этапа переименования улиц. Первый — после Великой Октябрьской социалистической революции, второй — после Великой Отечественной войны по сегодняшний день. В первый период были заменены почти все названия, связанные со старой идеологией, с именами отдельных владельцев, местных купцов. В послевоенный период многие улицы продолжали переименовываться в целях увековечения имен революционных деятелей, героев гражданской и Отечественной войн и знаменательных дат.

Изучение названий улиц города представляет не только исторический и культурный, но немалый лингвистический интерес.

Названия улиц города Улан-Удэ можно подразделить на следующие группы.

1. Названия, связанные с революционными изменениями в жизни людей нашей многонациональной страны: улицы Коммунистическая, Комсомольская, Коллективная, Октябрьская, Советская, Совхозная, Пионерская, Профсоюзная, Свободы, проспект 50-летия Октября.

2. Названия, увековечивающие имена видных деятелей миро-

вого коммунистического движения, руководителей партии и правительства, видных революционеров: бульвар К. Маркса, улицы Ф. Энгельса, В. И. Ленина, Г. Димитрова, Р. Люксембург, Сухэ-Батора, Э. Тельмана, К. Цеткин, Дзержинского, Калинина, Кирова, Куйбышева, Свердлова, Орджоникидзе, Луначарского, Баумана, Бабушкина, Д. Ульянова.

3. Названия, увековечивающие имена героев гражданской и Великой Отечественной войн, великих полководцев: улицы Лазо, Котовского, Тухачевского, Чапаева, Щорса, Вагута, Гастелло, Доватора, З. Космодемьянской, О. Кошевого, Л. Чайкиной, Суворова, Кутузова, Нахимова.

4. Названия, связанные с именами деятелей русской науки и культуры: улицы Ломоносова, Лобачевского, Менделеева, Мичурина, Вильямса, Павлова, Пирогова, Пржевальского, Тимирязева, Циолковского, Радищева, Фонвизина, Грибоедова, Гоголя, Герцена, Гончарова, Жуковского, Кольцова, Пушкина, Лермонтова, Толстого, Крылова, Некрасова, Тургенева, Короленко, Чехова, Белинского, Добролюбова, Чернышевского, Д. Бедного, Маяковского, Фадеева, Глинки, Чайковского, Васнецова, Репина, Серова.

5. Названия в честь городов-героев: улицы Московская, Ленинградская, Киевская, Севастопольская, Одесская, Брестская, Тульская, а также в честь других городов нашей страны: Абаканская, Акмолинская, Астраханская, Воронежская, Владимирская, Иркутская, Казанская, Кишиневская, Львовская, Новосибирская, Пермская, Хабаровская, Читинская.

6. Названия, связанные с именами видных общественных деятелей эпохи революций, гражданской войны, периода становления власти Советов, героев Великой Отечественной войны: М. И. Амагаева, Г. Г. Данчинова, М. Н. Ербанова, В. М. Серова, Ц. Ц. Ранжурова, В. А. Жердева, В. Б. Борсоева.

7. Названия, связанные с топонимами Сибири и Бурятской республики: Битимская, Баргузинская, Братская, Забайкальская, Байкальская, Боргойская, Заиграевская, Кабанская, Ольхонская, Тугнуйская, Онохойская, Хоринская.

8. Названия, данные по особенностям местности, по которой проходит та или иная улица, а также по тому, какое промышленное предприятие или учреждение на ней находится: улицы Авиационная, Больничная, Кузнечная, Литейная, Лесопильная, Кирпичная, Стекольная, Медицинская, Мукомольная, Нефтяная, Лесная, Набережная, Сосновая, Целинная.

9. Названия по фамилии партийных и общественных деятелей

лей республики, деятелей бурятской национальной культуры, науки, здравоохранения: улицы А. У. Хахалова, Х. Н. Намсараева, Доржи Банзарова, Г. Ц. Цыбикова.

Самыми продуктивными из перечисленных групп оказались названия, образованные от имен деятелей революционного движения, литературы и искусства, а также данные по городам нашей Родины.

Словообразовательными типами названий улиц и переулков города Улан-Удэ являются имена прилагательные и существительные в родительном падеже. А наиболее употребительным типом в этих названиях следует признать прилагательные (60%), образованные при помощи суффиксов -ск- (Аршанская, Челустаевская), -н- (Водопадная, Раздольная, Дачная), -ов, -ев- (Садовая, Трудовая), -енн- (Промышленная, Производственная).

Названия-существительные в форме родительного падежа образованы от фамилий с суффиксом -ов, -ев- (Асеева, Бестужева), -ск- (Белинского, Дзержинского), -ин- (Мичурнина, Смолина), а также от склоняемых фамилий, оканчивающихся на согласный звук (Доватора, Дундича), от несклоняемых нерусских фамилий на -о-, -е- (Буйко, Гастелло, Кундо, Осипенко).

Следует заметить, что в последние годы в связи с невиданным размахом строительства в городе чаще появляются улицы с названиями-существительными в родительном падеже.

В названиях улиц Улан-Удэ имеется определенное количество названий-словосочетаний, выраженные: 1) сочетанием имени и фамилии (ул. Любви Шевцовой, Николая Петрова); 2) сочетанием прилагательного с существительным (ул. Степная протока); 3) сочетанием порядкового числительного с прилагательным в именительном падеже (ул. 3-я Транспортная, 2-я Дзержинская); 4) сочетанием порядкового числительного с существительным в родительном падеже (ул. Восьмого Марта); 5) сочетанием составного порядкового числительного с существительным в родительном падеже (ул. Революции 1905 года). Встречаются названия, образованные путем сложения основ (ул. Красногвардейская, Гусиноозерская, Лесозаводская, Судоремонтная).

Для микротопонимии нашего города характерна одноименность улиц и переулков (улица Кошевого — переулок Кошевого, улица Невского — переулок Невского, улица Мухина — переулок Мухина).

Почти все названия улиц города понятны, отражают современную эпоху. Звучны и просты названия, данные по ландшафту или по географическим объектам: улицы Байкальская, Баргузин-

ская, Кедровая, Солнечная, Сосновая, Сибирская.

Город Улан-Удэ растет, благоустраивается, а в будущем он будет еще краше, в нем появится много новых улиц, бульваров, проспектов.

Как при переименовании, так и наименовании новых улиц, по нашему мнению, необходимо учесть следующее: а) в названиях должны отражаться особенности края, республики; б) названия должны быть тщательно обдуманными и мотивированными, соответствовать расположению тех или иных учреждений, организаций; в) при горисполкоме надо создать более компетентную комиссию с привлечением краеведов, историков, языковедов.

По сбору микротопонимического материала многое сделано в братских социалистических странах — Польше, Болгарии, Германской Демократической Республике, Чехословакии. В этой области проведена определенная работа и в нашей стране. В прибалтийских республиках — Латвии, Литве, Эстонии, а также в отдельных городах Российской Федерации (Свердловске, Архангельске и др.) занимаются широким сбором микротопонимического материала.

Следовало бы и нам в нашей республике собрать богатейшие материалы по микротопонимии, созданные народом на протяжении многих веков, и привлечь к этой работе краеведов, учителей, студентов наших высших учебных заведений.

Хороша сегодня столица трижды орденосной Советской Бурятии со своими улицами, застроенными многоэтажными домами. Но еще величественнее и радостнее ее будущее, озаренное историческими решениями XXV съезда великой ленинской партии.

Содержание

Д. Д. Лубсанов. Роль языка в социалистическом обществе . . .	3
Л. Д. Шагдаров. Сближение бурятского языка с другими языками народов СССР.	12
А. Р. Бадмаев. Современная языковая ситуация в Бурятии. . .	28
Ц. Б. Цыдендамбаев. К взаимовлиянию русского и бурятского языков.	49
Ц. Б. Будаев. Взаимодействие южнобурятских говоров с местными русскими говорами.	55
Д. Г. Дамдинов. Об обратных заимствованиях в бурятском языке.	63
Э. Д. Соколова. К проблеме формирования русских говоров Забайкалья.	70
Ш. Р. Цыденжапов. Влияние русской фразеологии на развитие фразеологической системы бурятского языка.	76
Ц. Б. Цыдендамбаев. Об эвенкийских элементах в этническом составе и языке бурят.	79
Н. А. Хазуев. Тибетизмы и их фонетическая адаптация в бурятском языке.	96
В. И. Рассадин, Т. М. Михайлов. Исследования по топонимике Восточной Сибири.	108
Н. Б. Дугаров. Некоторые вопросы микротопонимии города Улан-Удэ.	118

ВЗАИМОВЛИЯНИЕ ЯЗЫКОВ В БУРЯТИИ

[Институт общественных наук БФ СО АН СССР]

Редактор ред.-изд. отдела филиала Л. Д. Шестакова
Технический редактор Т. М. Кушнарера
Корректор С. С. Золтоева

Сдано в набор 20.03.78. Подписано в печать 28.12.78. Н-04591. Формат 60×84/16.
Бум. офс. № 2. Усл. печ. л. 7,44. Уч.-изд. л. 7,16. Тираж 500. Заказ 402.
Цена 50 коп.

Участок оперативной полиграфии БФ СО АН СССР, г. Улан-Удэ,
ул. Фабричная, 6.

Замеченные опечатки

Страница 40, строка снизу,

напечатано:

По данным анкетирования, 70--94% молодежи в возрасте от 18 до 15 лет владеют родным языком лучше, чем русским.

Страница 68, строка снизу

напечатано:

¹¹А. Г. Преображенский. Этимологический словарь русского языка, т. I. М., ГИС, 1959, с. 294.
¹²Н. М. Шанский, В. В. Иванов, Т. В. Шанская. Краткий этимологический словарь русского языка, с. 186.
логический словарь русского языка, с. 186.

Следует читать:

По данным анкетирования, 70--94% детей в возрасте от 8 до 15 лет владеют родным языком лучше, чем русским.

¹¹А. Г. Преображенский. Этимологический словарь русского языка, т. I. М., ГИС, 1959, с. 294.
¹²Н. М. Шанский, В. В. Иванов, Т. В. Шанская. Краткий этимологический словарь русского языка, с. 186.

Цена 50 коп.